

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Two Worlds
True and False
Democracy

After-Peace

This desire of knowledge and the wonder which it
are the driving power behind all the changes that
with careless, question-begging inference, call pro

When was first asked, What
was about to dawn in the

Science is a subordinate category.

When science offers itself as the final stage of
it is guilty of a false quantity, in that it puts th
which belongs elsewhere, upon the penultima

Why Should we Change our Form of Government

"An expert is one who knows more
and more about less and less."

"Optimism is essential to achievement and it is also the foundation of courage and true prog

"Necessity does the work of courage"

Nicholas Henry Butter

Those people who think only of themselves, are hopelessly uneducated. They are no
no matter how instructed they may be."

"One of the embarrassments of being a gentleman is that you are
not permitted to be violent in asserting your rights"

7

2015

Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 7 (87) / 2015

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Николас Мюррэй Батлер (1862–1947) — американский теоретик и практик педагогики, политик, публицист; лауреат Нобелевской премии мира 1931 года.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Гасанов Э. Л.**
About some problems of research of the main handicraft traditions of Ganja (till the end of XIX Century) 629
- Гасанов Э. Л.**
Характерные черты развития основных ремесленных отраслей Гянджи на рубеже XIX–XX веков 632
- Гасанов Э. Л.**
Новый научный подход к изучению творчества Мирзы Шафи Вазеха на основе литературно-исторических источников..... 633
- Зайцева М. Б.**
Проблема взаимодействия археологии и идеологии в отечественной историографии 636
- Ирзияев Б. Ш.**
Art of Uzbek harmony: the past and today 640
- Кузнецова Л. Э.**
Взгляды губернских журналистов на российскую повседневность конца XIX — начала XX века (на материалах Владимирской губернии) 643
- Окопная О. П.**
Банкетная кампания в Ростове-на-Дону 648
- Пихтина О. А.**
Особенности этнических изменений Астраханского края 651
- Чиркунов И. В.**
Кустарный сектор Арзамаса и Арзамасского уезда. Развитие кузнечного промысла во второй половине XIX веке 653
- Эшмурадов М. А., Абдалов У. М.**
Military-administrative Posts and Ranks in the khanate of Khiva during the Reign of Kungirotdynasty (2nd half of the XIXth century and the beginning of the XXth century)..... 656

СОЦИОЛОГИЯ

- Белоганов В. А., Будаева С. В.**
Депатриотизация современной молодёжи: тенденции и причины 658
- Каршибаева Г. А.**
Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте 663
- Кузнецова Н. П.**
Обзор научных исследований проблемы чтения в современной методической науке..... 665
- Поликарпов П. Б.**
Потребитель о качестве медицинских услуг: общественное мнение горожан 668
- Сидакова В. С., Куимова М. В.**
About abbreviation in English (through the example of Internet communication) 671
- Шабалин Р. В., Куимова М. В.**
О развитии толерантности как качества личности..... 672

ПСИХОЛОГИЯ

- Абдувахобова Д. Э., Кадырова М. К., Хужакова Н. Й.**
Познавательные мотивы подростка в процессе обучения 674
- Кострикова М. В.**
Психологические аспекты формирования компьютерной зависимости..... 678
- Макарова О. А.**
Феномен лидерства в коллективе младших школьников..... 680
- Митичева Т. И., Максимова А. А.**
Особенности взаимоотношений подростков с родителями в условиях сельской школы 683
- Назарова О. М., Сайфетдинова М. К.**
Психологическая готовность спасателей к риску 685

ФИЛОСОФИЯ

Нешумаев М. В. Анализ психолого-педагогических условий профессиональной подготовки будущих учителей математики на основании изучения представлений студентов о математическом образовании 688	Байэшанов А. М. Вопросы духовности и просвещения в философской мысли средневековой Центральной Азии..... 707
Патрикеева Э. Г., Ивонтьева Ю. К. Влияние феномена лидерства на формирование межличностных отношений в классном коллективе младших подростков..... 694	Идиятуллина В. Д. О природе идеального 709
Помилуйко В. Ю. Социально-психологические факторы развития компетентностей взрослых в зарубежных странах..... 697	Рахматуллин Р. Ю. Образ как средство обобщения научного знания..... 711
Пургина А. А., Онуфриева В. В. Коррекция тревожности младших школьников 700	Суховская Д. Н. Философские проблемы функционирования поселений и их креативных пространств в условиях урбанизированного социума в XXI веке..... 713
Эргашев У. Э., Муртазаева Ш. А., Эшонкулова Ф. Б. Мотивы учения в подростковом возрасте 702	

ИСТОРИЯ

About some problems of research of the main handicraft traditions of Ganja (till the end of XIX Century)

Гасанов Эльнур Ляtif оглы, аспирант, ведущий научный сотрудник
Гянджинское отделение НАН Азербайджана

Данная научная работа посвящена историко-этнографическому значению развития основных ремесленных отраслей Гянджи. Впервые в данной статье были систематически изучены главные ремесленные особенности изделий этих отраслей и их значение в исследовании традиций художественных ремесел.

Ключевые слова: XIX–XX века, Гянджа, ремесленные традиции, этнографическое исследование

Elnur Latif oglu Hasanov, Ph.D. postgraduate, leading scholar
Ganja branch of Azerbaijan National Academy of Sciences (Ganja, Azerbaijan)

This scientific work deals with the historic-ethnographical importance of development of the main traditional branches of craftsmanship of Ganja. For the first time in this article were systematic investigated the basic skill characteristics of different wares of these handicraft branches and its significance in research of artistic craftsmanship.

Keywords: XIX–XX centuries, Ganja, handicraft traditions, ethnographical investigation

Investigation of craftsmanship traditions on the basis of local craft wares of Ganja is very important. History and art of Azerbaijan people as rich and colorful as its nature. On decorations of this descriptive art are reflected spiritual world, living style, customs and traditions of our nation. Ganja city during centuries considered as one of the main urban cultures and located on the ancient caravan routes, so merchants, travelers, scientists and cultural workers from different countries of the world visited Ganja, and first of all, their visiting helped our nation to integrate their spiritual values to all mankind civilizations. Ganja is one of the oldest cities and has more than 4000 years old as an urban center. Development of some local handicraft branches in this city historically offered necessary facilities for progress of urban culture. [1, 66].

Research of ancient traditional handicraft features of Ganja is very necessary. During middle ages in spheres of gentle and applied art, Ganja of inhabitants of territory, in agriculture life bone was widely applied. Bone products, raw materials that found during investigations in and around Ganja prove, that time bone processing separated from other spheres of craftsmanship. Only deeding investigations in ancient territory of Ganja there were found a lot of samples of combs, agriculture instruments, art and other bane things.

These samples of art make more ancient history of city culture of Azerbaijan and in whole play nard. There were found knife handles, rare geometrical decorations, samples of pipe and other instruments here. During excavations there was found bone products that used as raw materials and cutting with pipe. In XI–XIII centuries this sphere of art was developing mostly. This thought is proved with a lot of bone and horn, found in zone of excavation. This period from bone there were prepared buttons, knives and etc. Found during archeological excavations and used in wooden treatment and knife, showed that at the beginning of XI–XIII centuries in and around of Ganja this sphere of craftsmanship in exist. In this period also were prepared such kind of agriculture instruments as wood shovel, rake and etc. But they didn't reach nowadays [2–4].

During our researches in 2012–2013 years we determined some new scientific arguments and facts in this field. The increase in quantity of handicraftsmen in a city directly has been bundled to population growth. The competition of production of production plants and factories has not reached still serious level and consequently was created a favorable condition for spreading of traditional occupations there. In addition, products of these craft branches have been closely bundled to a life and traditions of the people, and it would be

difficult to replace with their factory production. In the specified period of history in Ganja developed basically carpet weaving, weaver's business, craft of the tailor, squeeze men, forge and a jeweler, trades of dyer, the stone mason, the cooper and leather dresser, weapon business and other similar craft branches. Among these crafts especially developed carpet weaving. To so wide development of carpet weaving promoted availability of raw materials. In addition carpets were very widely used in a population life—both as furniture, and as a curtain, both as sand bed and as a coating for a floor. In carpet weaving have been held basically women. It has been bundled by that in a Muslim society of the woman preferred to work in house conditions. However also know cases when men were occupied with this craft [3]. Tailors and hatters created both national clothes, and clothes in style of the European fashion. According to the spent explorations there are exact data on wide development of a jeweler in Ganja in the end of XIX century — in a beginning of XX centuries. Jewelers basically fabricated ornaments to order. Among them there was a specification. Jobs of skilful masters amazed even foreigners. Development of trading and economic relations of Ganja with the next states promoted recognition of local jewels abroad. As an example it is served by unique samples handmade the Azerbaijan jewelers, stored in museums [5; 6]. But base — columns, capitals, that are symbols of irreplaceable art, part of columns, different man monuments, masonry art symbols, that have Ganja, agriculture and religious meaning, especially grave monuments and phalluses, collections of different colored (red, brown, black, grey and other rare colored) stamps and symbols of decorations, that were found in Azerbaijan during archeological investigations prove it. These rare discovers in and around Ganja are known from the archeological investigations in ancient cultural, art and trade centers of Azerbaijan.

The best samples of monuments, that concern to stone treatment are consists of column props, mill and gridding stones. In whole there were founded in and around Ganja a lot of samples, that concern to X century. They are consisting of stone figure, mills and column props. But stone equipment, found in Ganja prepared from mill and candlestick. Mill is usually prepared from volcanic, quartz, limestone and basalt. They used for grinding seed, millet, slot and for other aims [7]. We meet mostly mill stones, scales and pumice stone in stone treatment. At the same time there were used hewed stones for decorating buildings. In this period there were prepared decorations from precious stone.

All these aspects show, that inhabitant of Middle Ages in and around Ganja from the ancient period did masonry, gridding and stone treatment. This sphere of art in developed middle Ages could be in high level. And rare magnificent architectural monuments in and around Ganja that stay till nowadays, prove it.

From the point of view silkworm breeding development and its preparing technology there were two main forms of production: so-called raw silk weaving and felt weaving. In

this important technological processes it has such kind of production stages as cocoon opening, silk initial processing, preparing of raw silk, weaving technology, painting and decoration. In the ancient Ganja during the stage of the Middle Ages the great progress of silkworm was represented by raw silk weaving. For this reason, on the basis of local traditions production of delicate silk textiles from raw silk.

There were made such kind of important samples of art as atlas and kelaqai (silk kerchief). We must pay attention to the moment that differs from the other silk fabrics, kelaqai was prepared by specialists. But distinctly of production of raw silk, that was city silkworm breeding and was man activity, felt production was woman work.

In Ganja, that know as the ancient cultural center, the saddle-making handicraft differed from others with rich old traditions. First time preparation of the vehicles was house profession. But afterwards saddle preparation needed of qualified skilled masters, so a new type of art saddle-making, started to form. Historically the traditional art of saddle-making in Ganja developed in direction of cargo and passenger saddle making. The art of saddle-making within the local saddle-types and their components were determined on a specialization. The production of cargo or pack — saddle a rule was engaged by pack-saddle maker. For this reason, in most cases, the profession was called trade of pack-saddle maker [8].

There is no any source about glass production in and around Ganja. The majority of archaeologists agreed with the idea, that the homeland of glass production is ancient Egypt, but the famous English archaeologist, Egyptologist Petri Flinders thought, that it could be Mesopotamia or the Caucasus. Taking into account that cobalt, used in glass coloring wasn't in Egypt, the scientists thought that, it could be in the Caucasus, also in Dashkesan. The majority of containers and the analysis based on graphical elements of the Roman scholars came to the opinion that the samples of the same scale as the Roman Empire through trade. There are more than 2000 beads in complex materials. Colored beads have prepared of different types products. Mostly distinguish beads that prepared from blue green and grey paste. A group of beads made of bone and antimony. In III—V centuries, the local craftsmen themselves also became to produce better-designed containers. Among the local clay and glass utensils that found in and around Ganja there were big similarity in the form and also in the decoration. All the glass dishes found in and around Ganja are similar with the local clays on decoration of that period. Glass dishes were containing of Iron, cobalt, magnesium and other elements, that were specific elements for Ganja and its surroundings.

The development history of this sphere of craftsmanship can be determined only through archaeological research. In general, information about the development of this sphere of was found in 1959—1960 years, glass products in and around Ganja was obtained only at the end of the twentieth century. Results of archaeological excavations

in the territory of Azerbaijan and research show that in the preparation of glass utensils were two technical methods: casting method and the method of blowing. The first of these methods is more ancient, but in the Early Middle Ages and Middle Ages were used both of them. Produced glass alloys were transparent colored. By the addition of dusts of various metals in glass alloys people got colored glasses. We can see also to get her with different tinted green glasses also parts of blue, black and pink colored glass dish in sections of IX–X centuries.

Among decorations of that period yellow, white and red beads of round and plain form are met mostly. At the beginning of X–XIII centuries development of production of glass in and around Ganja characterized by improvement from the technology point of view. Archaeological researches show, that outside of the cities in the VIII–IX centuries, also big settlements were established. This is often due to density in cities. From the point of view silkworm breeding development and its preparing technology there were two main forms of production: so-called raw silk weaving and felt weaving. In these important technological processes it has such kind of production stages as cocoon opening, silk initial processing, preparing of raw silk, weaving technology, painting and decoration. In the ancient Ganja during the stage of the Middle But distinctly of production of raw silk that was city silkworm breeding and was man activity, felt production was woman work. In Ganja, that know as the ancient cultural center, the saddle-making handicraft differed from others with rich old traditions. First time preparation of the vehicles was house profession. But afterwards saddle preparation needed of qualified skilled masters, so a new type of art saddle-making, started to form. Historically the traditional art of saddle-making in Ganja developed in direction of cargo and passenger saddle making. The art of saddle-making within the local saddle-types and their components were determined on a specialization. The production of cargo or pack-saddle a rule was engaged by pack-saddle maker. For this reason,

in most cases, the profession was called trade of pack-saddle maker.

Afterwards military, economic and transportation significance of horse was decrease, the demand for goods of saddle-making also was decrease. The reason of primitive saddle-making decreasing was wide sale of cheaper factory products. Ganjabasar is one of the richest areas from archaeological point of view.

Made of precious metals gold and silver jewelries, that prepared by Ganja masters, are divided into such four groups for wearing and putting as neck jewelries — it is included such kind of jewelries, that gold piece coin, imperial, cardamom or barley, bracelets, different kinds of beads and etc., jewelries for arms and fingers — this group include bracelets, bangles and rings with various precious stones, head jewelries — skull-cap and others, also jewelries for clothiers [1–3].

As in many places, production of wool, cotton and silk in and around Ganja made necessary emergence and development of weaving. Becoming weaving one of the ancient spheres of crafts in and around Ganja was connected with the rich raw material base here. Presence of useful plant species for textile, including cotton, high level development of wool area of agriculture — sheep and goat breeding, camel breeding, horse breeding, presence of cotton cropping in Middle Ages and finally, regular expansion of silkworm breeding in this area created a foundation for growth of weaving here. In traditional production of cloth manufactory trade historically played an important place [5–8].

On a ground classifying crafts it has been defined that by the end of XIX century a number of fashionable trades began to disappear. Among them were wool-carder, hatcheller, selsbchy, dhulfachy, carriers. They have got rid of and have been replaced by representatives of new crafts. Distribution of experts of certain crafts on quarters and neighboring communes was prominent of crafts. For example, it is possible to recollect. In these neighboring communes functioned craft departments [7–9].

References:

1. Guliyeva N. M., Hasanov E. L. Investigation of basic decorative-applied arts of Ganja on the basis of some innovative arguments and technologies / Science and Society: Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. — London: SCIEURO, 2013. — P. 281–291.
2. Əhmədov F. M. Gəncənin tarix yaddaşı. 1-ci nəşr. — Bakı: Şirvanəşr, 1998. — 198 S.
3. Taylor P. M., Hasanov E. L. Ethnological features of cultural heritage of Ganja (On the basis of Mahsati Ganjaviçs creation) // International scientific journal Theoretical & Applied Science, 2013, № 12 (8). — P. 41–44.
4. Azərbaycan arxeologiyası: 6 cildə, VI cild. — Bakı: Şərq-Qərb nəşriyyatı, 2008. — 632 S.
5. Hasanov E. L. About fundamental studies on local cultural traditions of Ganja // European Journal of Natural History (Fundamental researches: Proceedings of International scientific conference. — Jordan, Aqaba), 2013, № 3. — P. 65–68.
6. The dawn of Art. — Leningrad: Aurora Art Publishers, 1974. — 196 P.
7. Hasanov E. L. Innovative approach to teaching and research of some traditional craft branches of Ganja of the end of XIX century // International Journal of Experimental Education (Problems of international integration of national education standards: Proceedings of International scientific conference. — France, Paris), 2013, № 2. — P. 81–83.
8. Həsənov E. L. Gəncə İmamzadə türbəsi (tarixi-etnoqrafik tədqiqat). 1-ci nəşr. — Bakı: Elm və təhsil, 2012. — 268 S.
9. Azərbaycan etnoqrafiyası: 3 cildə, I cild, Bakı: Şərq-Qərb, 2007. — 544 S.

Характерные черты развития основных ремесленных отраслей Гянджи на рубеже XIX–XX веков

Гасанов Эльнур Лятиф оглы, аспирант, ведущий научный сотрудник
Гянджинское отделение НАН Азербайджана

Гянджа является одним из древних городов Кавказа. Родина великого Азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гяджеви (1141–1209) считается вторым крупным культурно — экономическим центром Азербайджанской Республики. В течении многих столетий в этом городе развивались разные отрасли народного ремесла. Благодаря благоприятным природным, а также геостратегическим условиям в Гяндже развитие отдельных отраслей народного ремесла стало отличаться характерными особенностями.

Кроме того, на рубеже XIX–XX столетий в городе с еще высокими темпами развивались такие отрасли как керамика (гончарное дело), деревообработка, металлообработка, каменотесное дело, ковроткачество благодаря усовершенствованию техники, а также технологии производства изделий. Нужно отметить, что в этот период развитие основных традиционных ремесленных отраслей Гянджи отличалось следующими характерными чертами:

I. Гончарное ремесло имело значимую роль в развитии города. Так как, в этот период в Гяндже существовало более 20-и мастерских, где представители данного ремесла изготавливали качественные, неоднородные глиняные изделия. Гончарные образцы Гянджи данной эпохи можно условно классифицировать в 3-х основных группах:

1. Строительная керамика.
2. Эмалированные керамические изделия.
3. Неглазурные глиняные изделия [1, с. 133; 2, с. 68].

Основными характерными особенностями гончарных изделий Гянджи являлись конструктивно-пластические формы, а также геометрические, зооморфные декоративно-орнаментальные элементы.

II. Каменотесное дело Гянджи отличалось древней историей и богатыми ремесленными традициями. На рубеже XIX–XX веков в этом древнем городе данное ремесло считалось основным рычагом развития местной архитектуры. Главные и довольно видные образцы каменотесного ремесла Гянджи данной эпохи можно проследить в нижеуказанных отраслях:

- Архитектура и строительное дело
- Эпиграфические памятники
- Эпитафии.

Основными показателями каменотесного ремесла Гянджи в сфере архитектуры и строительного дела являются экстерьеры свыше 200 жилых домов, а также общественных зданий, которые считаются историческими памятниками местной значимости. Главными эпиграфическими образцами города данной исторической эпохи считаются каменные шебеке и каменные стелы гробницы

Имамзаде и мечети Шаха Аббаса (или же Джума мечеть) [3, с. 160].

Как известно, на рубеже XIX–XX веков, особенно в период XIX века в Гяндже особенно развивалось ремесло каллиграфов-резчиков. На территории Гянджи до сих пор сохранилось довольно много образцов надгробных стел-произведений художественной резьбы по камню. Эпитафии этого древнего города являются прекрасным отражением поэтического творчества местных мастеров-поэтов-художников и каллиграфов-резчиков Мир Мехти Гянджи (или же Мирзы Мехти Наджи) и Шейха Замана [4, с. 92–94].

Данные исторические образцы каменотесного ремесла Гянджи находятся на территории кладбищ комплекса «Имамзаде» и «Себзикар». Общее число данных эпитафий, в том числе уникальных склепов-гробниц насчитывается более 100 единиц.

III. Ковроткачество Гянджи данного периода, безусловно, считается очень важным историко-этнографическим источником. В период XIX–XX веков Гянджинские национальные ковры сохраняли свои главные характерные декоративно-ремесленные особенности. Важно отметить то, что Гянджинские ковры отличались некоторыми свойствами в течении веков и в связи с этим ковры Гянджа-Карабахской группы в данном периоде считались особым декоративно-ремесленным видом. Основными отличительными особенностями традиционных Гянджинских ковров XIX–XX веков от остальных групп ковров Азербайджана можно систематизировать в следующей последовательности:

- 1) Меньшая плотность ковра;
- 2) Густота ворса;
- 3) Более ясная композиция [5, с. 52];
- 4) Геометрические декоративно-орнаментальные особенности (орнаменты);
- 5) Использование более ярких цветов [6, с. 115].

Главными ремесленными видами Гянджинских ковров в данном периоде считались палаз, килим, шедде, чувал, хурджун и др. По статистическим данным в 1886 году на территории Гянджи (Гянджинской-Елизаветпольской губернии) было произведено более 25 тысячи пуд коврового изделия. 23 тысячи пуд данных изделий были отправлены на экспорт. В 1894 году данные показатели были в размере 28980 пуд, в 1913 году из Гянджи было экспортировано 72,2 тысячи единиц коврового изделия.

Нужно иметь в виду тот факт, что начиная со второй половины XIV века разные качественные ковры и ковровые изделия Гянджи были показаны на международных выставках неоднократно. Примерами могут служить данные факты:

В 1850, 1852, 1912 годах в Тбилиси [7, с. 101]

В 1896 году в Нижнем Новгороде

В 1900 в Париже

В 1911 году в Турине [8, с. 6–8].

IV. Металлообрабатывающее ремесло является одним из основных отраслей народного ремесла Гянджи. В период второй половины XIX и начала XX веков металлообработка развивалась с особой скоростью и ускорялось квалификация в этой сфере.

Благодаря развитию рытья, декоративно-орнаментальных особенностей, техническому снабжению и технологическому мастерству сразу наблюдалось усовершенствование ремесленных отраслей и в ювелирном деле, и в занятии медников, а также в сфере гравировки. В связи с этим изделия данного ремесла использовались как в быту, так и как оружия. Кроме того, в Гяндже развивалось художественное металлообработка.

Одним из главных доказательств развития этой отрасли в Гяндже считается долговременное существование отдельных историко-этнографических единиц градостроительства-приходов, то есть местных кварталов мастеров. Эти приходы в течении веков назывались именами отдельных отраслей данного ремесла. Среди местных жи-

телей данные приходы назывались «мехелле» и носили имена такие как «Кузнецы» (демирчилер), «Медники» (мискерлер), «Ювелиры» (зергерлер) [9, с. 62].

На территории данных приходов-кварталов жили и работали семьи представителей именно вышеуказанных ремесленных отраслей. Они имели крупные мастерские и здесь изготавливались высококачественные изделия. Они использовались не только местными жителями, но и продавали покупателям других регионов. Иностранцы платили огромные суммы за изысканные изделия этого древнего ремесла Гянджи. Основными образцами данных отраслей Гянджи в период XIX–XX веков являлись котел, жбан, поднос (особенно «меджмеи»-крупный медный поднос), сини (медный поднос средней меры), нимче (художественная медная тарелка), разные виды оружия и ювелирных изделий [10, с. 400].

Кроме вышеуказанных ремесленных отраслей в Гяндже на рубеже XIX–XX веков развивались такие традиционные народные профессии как деревообработка, ткачество, шапочное дело, занятия войлочников, шорников и др. Данные ремесленные отрасли считаются важными историко-этнографическими источниками исследования прошлого Гянджи и ее развития.

Литература:

1. Кулиева, Н. М., Гасанов Э.Л. О развитии художественной керамики в древней Гяндже / Материалы международной заочной научно-практической конференции-Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск: Априори, 2011. — с. 132–135.
2. Azərbaycan incəsənəti. VIII cild, Bakı: Elm, 1959, 276 S.
3. Həsənov, E. L. Azərbaycan ziyarətəgahları: Gəncə İmamzadə türbəsi (tarixi-etnoqrafik tədqiqat). Bakı: Elm və təhsil, 2012, 268 S.
4. Nəmət, M. S. Azərbaycanda pirlər. Bakı: Azər nəşr, 1992, 104 S.
5. Алиева, А. С. Ворсовые ковры Азербайджана XIX — нач. XX веков. Баку: Элм, 1973 — с. 21–55.
6. Эвлия Челеби. Книга путешествия. вып. III, М., 1983. — с. 114–120.
7. Salamzadə, Ə. R. və b. Azərbaycan incəsənəti. Bakı: Maarif, 1977. — 240 S.
8. The dawn of Art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1974. — 196 P.
9. Əhmədov, F. M. Gəncə şəhərinin yerdəyişmələri / Gəncə tarixinin aktual problemləri. II elmi-praktik konfransın materialları. Gəncə: Elm, 2010. — S. 53–63.
10. Azərbaycan etnoqrafiyası: 3 cildə, I c., Bakı: Şərq-Qərb, 2007. — 544 S.

Новый научный подход к изучению творчества Мирзы Шафи Вазеха на основе литературно-исторических источников

Гасанов Эльнур Ляtif оглы, аспирант, ведущий научный сотрудник
Гянджинское отделение НАН Азербайджана

Мирза Шафи Вазех был наиболее известным азербайджанским просветителем XIX века. Он был современником А. Бакиханова и предшественником М. Ф. Ахундова. Лирические и философские стихи М. Ш. Вазеха обрели известность в Западной Европе

и России. Мирза Шафи оставил после себя замечательное поэтическое наследие, дошедшее до нас нетрадиционным путем. Стихи М. Шафи постигла печальная участь на его Родине и на Ближнем Востоке. Однако его стихи или «песни» были переведены в середине XIX века

почти на все европейские языки, а книги его стихов выходили в Западной Европе и в России огромным тиражом. Мирза Шафи Вазех родился в 1794 году в Гяндже, в семье зодчего при дворце Джавада хана. По настоянию своего отца Кербелаи Садыга Мирза Шафи начал учиться в медресе, где изучал религиозные науки. Но после смерти отца один из его родственников Гаджи Абдулла внушил Мирза Шафи отрицательное отношение к религии, и ее служителям. После этого Вазех начинает изучать персидскую и арабскую литературу. Об этом свидетельствуют заметки востоковеда Адольфа Берже [1, с. 11–12].

Прекрасное владение фарсидским (персидским) языком помогло Мирза Шафи близко ознакомиться с классическими произведениями Хаяма, Низами, Сади, Хафиза. В 1840 году М. Шафи переезжает в Тифлис и начинает учительствовать в одном из учебных заведений (ныне школа № 73 в Тбилиси). Около шести лет провел М.Ш. Вазех в Тифлисе (до 1846 г.). Здесь он открывает своеобразный литературный салон-меджлис «Дивани Хикмет» («Собрание мертвых»), который посещают Аббасгулу Ага Бакиханов, Мирза Фатали Ахундов, А. Вельтман, из поэтов Наджми, Шола, Мирза Гасан, Гаджи Абдулла, Мирза Юсиф, Видади, Гаджи Юсиф, а также его ученики (Ф. Боденштедт и др.). Ф. Боденштедт родился в 1819 году в Германии, в поселке Пайне, недалеко от столицы Нижней Саксонии Ханновер. Он по происхождению — еврей, учился в лучших университетах Германии. В 1841 году Боденштедт приезжает в Москву и начинает заниматься воспитанием детей князя Михаила Галицина. По приглашению генерала Нейдгарта, который был главой всего Кавказа, в 1844 году Боденштедт возвращается в Тбилиси и начинает учительствовать. В 1846 году Ф. Боденштедт уезжает в Германию, а в 1889–1890 годах в США. В 1892 году он скончался в Германии, в городе Висбаден и там был похоронен. В 1846 году из Тифлиса М. Шафи возвращается в Гянджу и начинает учительствовать в школе, продолжает писать стихи. В 1850 году он опять переезжает в Тифлис и в Тифлисской дворянской гимназии преподаёт азербайджанский и фарсидский языки. Скончался М. Шафи в 1852 году и был похоронен в Тифлисе. Творчество М. Шафи известно нам по отдельным рукописям и, главным образом, по книгам, выпущенным Ф. Боденштедтом на немецком языке. Когда Ф. Боденштедт покинул Тифлис (1847 г.), М. Шафи передал ему тетрадь своих стихов в виде подарка. Стихи имели название — «Ключ мудрости». Во вступительной части тетради сам Мирза Шафи писал: «Я, Мирза Шафи, дарю ему свой сборник стихов, в котором содержатся гасиды, газели, мураббаати и месневи» (Алиаждар Саидзаде «Мирза Шафи Вазех, Баку, 1929»). В 1850 году Боденштедт издает свою книгу «1001 день на Востоке». В 1851 году выходит книга «Песни Мирзы Шафи» в переводе Ф. Боденштедта. Её успех был неожиданным, она издавалась неоднократно и переводилась на многие европейские и даже на ивритский языки. Небывалый успех песен дал возможность Боденштедту издать в 70-х годах еще один сборник

под названием «Из наследия Мирзы Шафи» и выступить с «саморазоблачением». Боденштедт объявил, что более двух десятилетий мистифицировал читателей, что хотя человек по имени Мирза Шафи существовал на самом деле. Но «правда заключается в том, что песни мирзы Шафи являются не переводами; эти песни принадлежат его перу». Песни Мирзы Шафи обрели известность и в России. Перевод «Песен» Вазеха принадлежит другу Н. Чернышевского Михаилу Лариновичу и он сам опубликовал «Песни». Стихи Мирзы Шафи были переведены также В.М. Марковым, Н. Эйфертом и др. Сам Л.Н. Толстой дал высокую оценку стихам М.Ш. Вазеха. Основное творческое наследие М. Шафи заключено в 2-х книгах, опубликованных Ф. Боденштедтом «Песни Мирзы Шафи» и «Из наследия Мирзы Шафи». Азербайджанские ученые и литературоведы (М. Рафили, А. Сеидзаде и др.) проделали большую работу по выяснению истины. Были найдены новые стихи М. Шафи, сверены немецкие переводы с оригиналами. Пришлось снова доказывать, что эти стихи (песни) принадлежат азербайджанскому поэту Мирза Шафи Вазех. Были найдены рукописи некоторых песен М.Ш. Вазеха. в найденных рукописях несколько песен на азербайджанском языке и три песни на фарсидском (персидском) языке. В «Песни» Мирзы Шафи также входят сюжетные поэмы «Юсиф и Зулейха», «Саади и Шах». Творчество фарсидского поэта Хафиза сыграло огромную роль в поэзии Мирза Шафи Вазеха. Он считал Хафиза своим учителем. Нельзя отрицать влияние М. Физули на творчество Мирзы Шафи. Дух Физули красной нитью проходит через все творчество М.Ш. Вазеха. Мирзу Шафи можно считать наследником великого Физули. В некоторых частях данного образца были критикованы религиозные лица, далеки от праведного пути. Поэтому духовные деятели недолюбливали М. Шафи. С 1840 года в Тифлисе в русской гимназии М. Шафи занимался обучением азербайджанского языка. В местных гимназиях, которые были открыты в Закавказье, обучения проводились на местном языке, в том числе азербайджанском и персидском языках. Поэтому была большая потребность специальных учебников и учебных пособий на данных языках. Произведение Аббасгулу Аги Бакиханова «Гунуни-гутаси» использовалось для обучения фарсидского языка, а для обучения азербайджанского языка такого пособия не было. Тогда Мирза Шафи, вместе с Иваном Григорьевым (бывшим студентом Мизы Казыма), учителем фарсидского языка составляют Хрестоматию азербайджанского языка. Словарная часть хрестоматии была готова в январе 1851 года, а сама хрестоматия в апреле. Хрестоматия под названием «Татарская хрестоматия азербайджанского наречия» состоит из 2-х частей. Первая часть называлась «Полная или пространная хрестоматия азербайджанского наречия», а вторая часть «Извлечения из пространной хрестоматии». В некоторых источниках учебное пособие, которое было составлено М. Шафи и старшим преподавателем Тифлисской гимназии Иваном Григорьевым, также имело название «Китаби-тюрки», «Хрестоматия-тюрки»,

«Хрестоматия, азербайджанский акцент преподавателя Ивана Григорьева и М. Шафи». Одна из них использовалась для обучения в старших классах гимназии, а другая в младших классах. Вторая часть вместе со словарем была издана Иваном Григорьевым в Тебризе в 1855 году, после смерти М. Шафи, и долгое время было использовано как пособие изучения азербайджанского языка в младших классах гимназии и в территориальных школах.

Обширный вариант первой части хрестоматии, которая была издана в конце 1856 года, затем была отправлена в Министерство образования, для разрешения использовать ее как пособие. Однако, некоторые профессора Петербургского Университета дали отрицательную рецензию. Кроме словаря, хрестоматия была разделена на три отделения. Первое определение состоит из статей переведенных из фарсидского и арабского языков на азербайджанский язык. Большинство из них состоят из моральных нравоучений и представлений. В этом определении даются сведения по произведению Мирхонда «Ровзатушишефа» об истории начинающейся с самых древних времен Востока и до ислама. Во втором отделении примеры взятые из разных книг. Они состоят из переводов «Карабахнаме» и «Дербенднаме». В третьем отделении дается множество стихотворений. Особое место в этом отделении занимают образцы подобранные из «Лейли и Меджнуна» Физули. Данная хрестоматия созданная М. Шафи была первым учебным пособием на азербайджанском языке. В XIX веке этот обычай был продолжен Мирза Абульгасаном Везировым, Зия Сеид Азимом Ширвани, Рашид-беком Эфендиевым и другими. На Родине М. Шафи и в других государствах были проведены множество исследовательских работ, связанных с жизнью и творчеством поэта. Еще в XIX веке немецкий кавказовед Адольф Берже (1828–1886) одну газель и такбет написанный М. Шафи и перевод сделанный Ветманом (1800–1870) напечатал в издательстве общества немецкого востоковедения. Через некоторое время, закавказский муфтий Гусейн Эфенди Гаибов (1870–1917) во второй части произведения представил образцы газелей М. Шафи. Когда-то Мирза Мехти Хаджи (1804–1881), после смерти М. Шафи, проживая в Гяндже. Собрав его стихи, хотел напечатать «Диван» (Вагиф Арзуманов новые находки оригиналов произведений «qaraqararaqlar», [borchali.net \(index.php\)](http://borchali.net/index.php)). По содержанию собранных писем Мирза Мехти описал некоторые моменты его жизни. В начале XX века Салман Мумтаз Аскеров в Гяндже, собрав рукописи народных поэтов, подготовленные Мирза Мехти Гаджи, нашел 8 стихотворений, принадлежавших М. Шафи Вазеху. До того, Мумтаз в журнале «Гуртулуш» (1920, № 1) напечатал несколько двустуший М. Шафи. Салман Мумтаз в 1926 году издал приобретенные и стихи в типографии газеты «Коммунист», издал книгу под названием «Мирза Шафи Вазех». Исследования и образцы приводимые Салманом Мумтаза, были напечатаны в Баку в 2005 году в издательстве «Нурлан» под названием Мирза Шафи Вазех. После салмана Мумтаза, наследием Мирзы Шафи Ва-

зеха занимался профессор Алиаждар Сеидзаде (1899–1970). В 1929 году, в связи с проведением в Гяндже «Дни Мирзы Шафи», Аждарбек Сеидзаде написал книгу под названием «Великий поэт-просветитель Гянджи М. Шафи». Книга была издана на азербайджанском и русском языках. В 1961 году была издана книга «Песни М. Шафи» на азербайджанском языке. В этой книге были даны фарсидские произведения и стихи в переводе на немецкий язык. Составителем книги был литературовед Фируз Садызаде. Эта книга была повторно издана в 2004 году. В 1964 году Востоковед Гамид Мамедзаде, проводя поиски в институте рукописей имени К. Кекемидзе, рядом с грузинской научной академией нашел рукописи М. Шафи состоящие из 215 страниц. В рукописях, помимо стихов поэтов-классиков, были найдены стихотворения, принадлежавшие М. Шафи. Об этом Гамид Мамедзаде сообщил в прессе «Azərbaycan jurnalı» 1964 г, № 10. Однако это мало для изучения наследия М. Шафи. по этому поводу, снова надо обращаться в различные источники и проводить серьезные поиски. В Эстонии Юхан Лийв перевел два стиха М. Шафи на эстонский язык. В Германии было проведено исследований личности и личности творчества писателя. В 1889 году в Германии в городе Лейпциге были опубликована книга литовского полиглота Юргиса Юлиуса Зайервейнаселена под названием «Восточно — западный диван М. Шафи» Исследователь К. Сундеринайер написал диссертацию на тему «Песни Фридриха Фон Боденштендта и Мирзы Шафи» (1931 г. Стр. 131) Й. Мундиенк напечатал книгу под названием «Фридрих Боденштендт и Мирза Шафи в Азербайджанском литературоведении (Гамбург 1978) Кроме этого связанные с Мирза Шафи в Германской прессе были напечатаны 1000 статей. Во многих произведениях М. Шафи был представлен как Азербайджанский поэт и просветитель, а в некоторых была игнорирована его личность и мастерство. Например, Иса Кехаби, родом из Ирана, в 1967 году в Кельне на немецком языке защитил диссертацию на тему «Германизация песен Хафиза Ф. Боденштатдом (Кельн. 1967, стр. 161) В диссертации указано, что Иса Кехаби не воспринимает М. Шафи, как поэта. По словам автора, М. Шафи не был поэтом. Он, даже не учитывал, что в XIX веке азербайджанцы были известны под татарскими и тюркскими именами. Иса Кехаби не хочет признать, что в Кавказском городе Тбилиси нельзя обучать татарскому языку. Несмотря на то, что татарский язык являлся одним из тюркских языков, но на этом языке не общались. Даже татарский язык не считался культурным языком. Поэтому этот язык не являлся необходимым для изучения в России. Выходит так, что Иса Кехаби не любил Азербайджанцев, поэтому переименовал азербайджанский, тюркский татарским языком. Мирза Шафи искренно считал Хафиза своим учителем, но несмотря на это, в его творчестве чувствуется дыхание Физули, а Хафиз каким бы большим ни казался в Иране, на столько же маленький перед Физули. Основные исследования творчества М. Шафи начнутся после этого.

Были проведены многочисленные исследования творчества Мирза Шафи в России, Европе и в других странах. Его произведения были переведены и напечатаны. Мудрецы, интересующиеся межджилом М. Шафи «Дивани-Хикмет» проявили инициативу в собрании рукописей. К сожалению, эти материалы не были найдены в архивах. Произведения М. Шафи в XIX веке 60-х годах были переведены на грузинский язык. Некоторая часть этих переводов в то

время были напечатаны в газете «Иберия», под редакцией Ильи Чавчавадзе. 114 стихотворений М. Шафи на грузинский язык перевел Акани Геловани. Продюссер Афтандиль Джавадзаде перевел два его стиха. Также в издании «Хеловнеке» (искусство) в Тифлисе была издана книга Акари Геловани под названием «Симфония Мудрецов», посвященная М. Шафи. В России стихи М. Шафи неоднократно были переведены и распространены.

Литература:

1. Ениполов, И. К. «Поэт Мирза Шафи» Баку, 1938.
2. Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy. Berlin, 1875.
3. Zeitschrift für Ethnologie-Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin, 1901. — S. 82–84
4. В. Арзуманов. Новый этап Мирзашафиеведения. Баку, 2005 г.
5. А. Байрамов. Фридрих Боденштедт. Воспоминания о М. Шафи Вазехе. Баку «Нурлан», 2008 г. — 108 С.
6. Р. Ф. Мустафаев, М. Гаджиев, З. Алиев, Н. Юсифзаде Мирза Шафи Вазех, Баку «Наука и образование», 2013 г. — 314 С.
7. А. Байрамов. Вечное наследие М. Шафи. Баку «Писатель», 1980 г.
8. З. Аскерли. Мирза шафи Вазех. Баку «Нурлан», 2010 г. — 92 С.
9. А. Ниджат. Жизнь превращенная в песню (роман). Баку «Писатель», 1980 г.
10. А. Ниджат «Гянджинский Мудрец» (роман). Баку «Писатель», 1990 г.
11. Ф. Я. Мустафаев «Я к свету шёл» (повесть о Мирзе Шафи Вазехе), Баку 1972 г. 197 С.
12. А. Сеидзаде. Мирза Шафи Садых оглы вазех. Баку «Азернашр», 1969 г. — 325 С.
13. Н. Алиева. Мирза Шафи в восточно-западных исследованиях. Гянджа. 2013.
14. Наума Гребнева. Мирза Шафи Вазех. Баку «Азерб. Гост. Из-во 1964. — 200 С.
15. Н. Гребнева и Л. Мальцева. Мирза Шафи Вазех. Москва. Художественная литература 1967. — 232 С.
16. Мирза Шафи Вазех. Избранная лирика. Перевод и предисловие. Н. Гребнева. Баку Азерб. Гос из-во. 1977. — 200 С.
17. Мирза Шафи Вазех. Избранная лирика. Перевод Н. Гребневой. Предисловие Вагифа Арзуманова. Баку. «Язычы» 1986. — 240 С.

Проблема взаимодействия археологии и идеологии в отечественной историографии

Зайцева Марина Борисовна, учитель истории и обществознания
МБОУ «СОШ № 18» (г. Ижевск, Удмуртская Республика)

Один из основоположников историографического направления в современной отечественной археологии А. А. Формозов обратил внимание на то, что «каждое новое поколение археологов видит в памятниках древности то, что ему подсказывает эпоха, в которой он живет. Это поучительно для нас, ибо благодаря этому мы понимаем ограниченность собственного восприятия материала и знакомимся с иными возможностями его осмысления, существовавшими в прошлом» [18].

При этом важно отметить, что интерес к археологическим исследованиям в обществе, их тематика, даже способы понимания нередко связаны не только с функционированием археологии как самостоятельного социального

института, каковым является наука вообще, но и испытывают на себе мощное влияние других социальных институтов, в первую очередь, государства.

В России эта взаимосвязь особенно сильна, поскольку в разные периоды развития археологии организация и финансирование археологических изысканий в значительной мере были связаны с деятельностью государственных органов. Особенно драматическим и противоречивым периодом в истории отечественной науки стал XX в. В 1920-е гг. сложились основы взаимоотношений между государством и наукой, властью и учеными, которые обуславливались формировавшимся тоталитарным режимом, подчинялись осуществлению провозглашенной социаль-

но-преобразовательной и культурно-идеологической программы и определяли развитие отечественной науки в течение всей советской истории.

Эти взаимоотношения приобретали самые различные формы: от административного и уголовного преследования несогласных с существующим положением науки до навязывания жестких стереотипов научного исследования.

Л. П. Репина, М. Ю. Парамонова, В. В. Зверева, характеризуя особенности исторического познания в XX в. отмечают: «Идейно-политический момент всегда оказывал (и оказывает) заметное влияние на историографию от античности до сегодняшнего дня. Изменяется только интенсивность этого воздействия на внутренний мир науки и сфера его охвата, которые находятся в прямой зависимости от политического режима и социальной обстановки в стране. Но есть периоды в истории разных стран, когда мощь идеологического пресса оставляет только самую узкую нишу для беспристрастного летописца. Так, в XX в. идейно-политическая составляющая вышла на первый план в советской историографии» [13].

Не обошла она стороной и советскую археологию. Одним из факторов вторжения политической идеологии в археологию стало ее прямое политическое использование для манипуляции историческим прошлым, в спорах о культурно-исторической непрерывности развития тех или иных народов, при обосновании «права наследования» территорий и т. п. [4]

Идеология определяется как система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений [6]. В условиях тоталитарного государства в СССР господствовала марксистско-ленинская идеология. Она была «рассчитана не на объективное отражение исторических событий, сколько на их «правильное» толкование, то есть на пропаганду. Советские историки выполняли строго очерченные функции в идеологической системе правящего режима, способствовали формированию исторического сознания с четко определенным набором ценностей необходимых власти» [5].

В. И. Гуляев и Л. А. Беляев в статье «О современном состоянии археологии в России» отмечали, что археология официально входила в систему общественных, исторических наук, призванных служить основой советской («марксистской») идеологии. Это «обеспечивало нашей науке поддержку государства, хотя и накладывало на нее, как и на все общественные знания, определенные обязательства по отношению к его идеологическим запросам. Археология помогала доказывать и пропагандировать материалистическое понимание истории, и это получалось у археологии в отличие от многих других исторических дисциплин естественно и солидно» [4].

Я. А. Шер в статье «О состоянии археологии в России», указывает на то, что «археологов иногда отмечали са-

мыми престижными премиями того времени — Сталинскими и Ленинскими». Он утверждает, что «власть признавала научную ценность археологических исследований и видела в них нечто большее, чем только идеологическое обеспечение своей политики». Однако, он не согласен с В. И. Гуляевым и Л. А. Беляевым в том, что «археология находилась в целом вне идеологических подозрений, а это обеспечивало археологам известную свободу действий». Автор отмечает, что «в условиях тотальной несвободы такого просто не могло быть «по определению» [25].

Особенно политизированной в археологии СССР оказалась этногенетическая проблематика. Она использовалась для решения общественно-политических задач. Изучение археологических памятников разных народов демонстрировало через образцы ископаемой материальной культуры их реальные исторические истоки и особенности. А археология стала важным политическим ресурсом в борьбе за социальные и политические права народов.

В разной мере тему взаимодействия археологии и идеологии в советской литературе затрагивали издания первой половины 1930-х гг., когда выходила серия исследований советских археологов, посвященных анализу теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма. Одним из наиболее значимых по степени своего влияния на археологическое сообщество стало исследование В. И. Равдоникаса по теоретическим проблемам археологии [12]. По своему замыслу книга преследовала цель провести критический анализ состояния археологии, она ставила на обсуждение актуальные теоретические и методологические проблемы, наметить конкретные предложения по принципиальной перестройке прежней археологии в контексте марксистской идеологии.

После публикации книги анализ взглядов В. И. Равдоникаса оказался в центре внимания исследователей [16], а имя ее автора начало отождествляться с борьбой за широкое овладение археологией марксистско-ленинской методологией. В 1936 г. он входит в состав редколлегии начавших издаваться сборников «Советская археология». Уделяя много внимания разработке теоретических проблем и критике концепций буржуазной науки, В. И. Равдоникас выступает с многочисленными обобщающими исследованиями по крупным проблемам изучения докапиталистических общественно-экономических формаций [1].

В еще большей мере степень идеологического влияния на археологию проявилась в первой советской историографической работе, специально посвященной истории отечественной археологии. Это изданная в 1932 г. книга М. Г. Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» [23]. В этом труде четко прослеживается печать своего времени: «Непосредственное участие т. Сталина в строительстве науки обеспечило возможность перенесения опыта более передовых участков науки на более отсталые, что сильно выравнило к концу первой пятилетки наш общий идео-

логический фронт». Наиболее «отстающим участком общенаучного фронта», по мнению М. Г. Худякова, оставалась археология являвшаяся «наукой для людей богатых», что подчеркнуло «буржуазную сущность археологии, ее предмета, метода, задач» [23], «научные учреждения всецело обслуживали классовые интересы социальных верхов, археологическая комиссия была придворным учреждением и была непосредственно связана с царизмом, аристократы использовали занятия археологией с целями еще более выдвинуться, затмить блеском своих лекций и «научных» предприятий конкурирующих соперников, крупнейшие и авторитетнейшие специалисты покорно обслуживали аристократов и придворные круги, также пожиная при этом свою долю лавров и извлекая материальную выгоду из своей близости к «сильным мира сего» [23]. Таким образом, автор книги исчерпывающе показал суть идеологического заказа советской власти для археологии.

По существу такого рода работы способствовали кристаллизации как общеметодологических, так и конкретно-исторических позиций советской археологии, определению ее места в развитии исторического знания и в общей идейно-политической борьбе того времени.

Кроме того, в советской историографии происходило «сознательное исключение из действующего культурного фонда дореволюционного наследия» [9]. В научных работах советского периода даже ссылки на дореволюционные работы чрезвычайно редки. Современные исследователи справедливо отмечают, что в советское время историографическая мысль, «ориентировавшаяся на критику теоретико-концептуальных основ официальной исторической науки России второй половины XIX — начала XX века, не занималась ее структурами и организационным развитием: эти факторы, свидетельствующие о прогрессивных сдвигах, не укладывались в общепринятую схему упадка и непреодолимого кризиса буржуазно-дворянской историографии» [24].

Первые шаги по возвращению дореволюционного наследия в культурный и научный оборот, предприняты А. А. Формозовым. Именно он впервые попытался рассмотреть развитие археологической науки в России, исходя из ее собственных, внутренних законов. Его труды «Русские археологии до и после революции» [21], «Археология и идеология (20—30 гг.)» [17], «Рассказы об ученых» [19], «Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки» [20], «Человек и наука. Из записей археолога» показывают, что археология всегда была в поле видения власти — как и всякая другая наука, предполагающая умение самостоятельно мыслить. Но и политическая власть в долгу не оставалась — идеология пыталась лишить ученых этой сравнительно узкой специальности не только покоя, но и права мыслить и работать, а порой — и просто жить. Особенно мучительными были первые годы советской власти — 20-е и 30-е гг. [22]. Именно этот период и находится в центре внимания автора.

А. А. Формозов не только собрал многочисленные сведения о жертвах политических репрессий, но и показал, как на развитии науки сказывались вненаучные интересы власти. Специфика книг А. А. Формозова в том, что они дают четкий итог развития археологии и, шире, исторической науки советского времени, откровенно ставят вопрос о выборе ученым своей дороги в науке, а обществом — дальнейшего пути развития.

Проблема развития археологического знания в СССР рассмотрена в конце 1980-х гг. в обзорных трудах, посвященных советской археологии: монография В. Ф. Генинга «Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов» [3]; работа А. В. Прякина «История советской археологии (1917 — середина 1930-х гг.)» [11].

Некоторые историографы считают, что книги неудачны в обоснованиях и концептуальной базе, но нельзя забывать о том, что книги были написаны в годы, когда о многом в печати сказать не удавалось, а архивные материалы для авторов были закрыты [17]. Авторы охарактеризовали основные научные направления в археологии 20-х гг. и зарождение нового социологического направления советской археологии, утвердившего ее на позициях марксистской науки об обществе, уделяя особое внимание борьбе за внедрение в теорию и практику археологических исследований марксистско-ленинской методологии, формированию материалистического мировоззрения ученых в понимании истории. По существу авторы книг впервые осуществили исследования теоретико-методологических истоков советской марксистской археологии и показали разные формы проникновения марксистской идеологии в археологию.

Своеобразную точку зрения в освещении и трактовку взаимоотношений власти и науки в советское время, проблеме организации советской власти, выполняющую главную функцию — маскировать тоталитаризм внес Л. С. Клейн. В основу его книги «Феномен советской археологии» [8] положена оценка итогов 75-летнего периода коммунистического правления в России. В своей «Автобиографии» Л. С. Клейн отмечает, что в марксизме два порока. Во-первых, марксизм переоценивал социально-экономическую сторону жизни: человек рассматривался исключительно как звено политических и экономических интересов. Но человек еще и животное, и биологическую сторону жизни никак нельзя игнорировать. Во-вторых, для марксизма коллектив ценится выше личности, государство выше гражданина, а будущее выше настоящего, и цель оправдывает средства. Это бесчеловечная идеология [7]. Поэтому для него марксистская идеология и сам марксизм «был и остается методом, который может быть полезным и плодотворным в том случае, если применяется в ограниченной степени и контролируется практикой в сочетании с другими методами» [8].

Историография проблемы представлена и в смежных гуманитарных науках. Так, масштабы и последствия иде-

ологизации науки, грубое вмешательство власти во внутринаучные процессы отразились в книге «Репрессированные этнографы» [14]. В ней прослежены как глубинные процессы саморазвития, так и трагические катаклизмы в истории советской науки. Монография М. А. Робинсона [15] освещает положение славяноведения и его академической элиты в период советизации науки в условиях тоталитарного режима. Содержание книги представляет возможным выяснить действительное отношение ученых к политической власти, идеологизированным методологическим новациям в гуманитарных науках (марксизм, социологизм и т. д.).

Проблемы государственного воздействия на организацию науки и практическую деятельность ученых, политизации научных учреждений и организаций, влияние политики и идеологии на научные исследования, распространения науки в обществе в конце XIX — начале XX вв. нашли отражение в коллективной монографии «Мир историка. XX век» [10]; в материалах Международного

научного коллоквиума «Власть и наука, ученые и власть: 1880 — начало 1920-х годов» [2].

Особый интерес представляет обсуждение участниками коллоквиума вопросов взаимоотношения ученых-историков с государством. Человек на «государевой службе» становится субъектом принуждения, ученые находятся на содержании государства, отсюда и predetermined иждивенчество. Наука выполняла задачи, которые власть ставила перед ней. Однако, некоторые властные или какие-либо политизированные структуры использовали результаты вполне объективных и беспристрастных научных исследований в своих интересах, оправдывая ими какие-то свои претензии и амбиции [2].

Таким образом, при советской власти идеологизация и политизация науки, прежде всего исторической, достигли своего апогея. Основным назначением общественных наук стало удовлетворение идеологических потребностей власти.

Литература:

1. Борисковский, П. И. Владислав Иосифович Равдоникас // Вопросы истории. — 1977. — № 3. — с. 89
2. Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы международного научного коллоквиума. — СПб., 2003. — с. 510–513
3. Генинг, В. Ф. Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов. — Киев, 1982
4. Гуляев, В. И., Беляев Л. А. О современном состоянии археологии в России (полемиические заметки) // Российская археология. — 1995. — № 3. — с. 97–98
5. Дьяков, Ю. Л. Историческая наука и власть (советский период). — Тула, 2008. — с. 181.
6. Идеология URL: <http://slovari.yandex.ru/>
7. Клейн, Л. С. Трудно быть Клейном. Автобиография в диалогах и монологах. — СПб., 2010. — с. 301
8. Клейн, Л. С. Феномен советской археологии. — СПб., 1993. — с. 78
9. Лебедев, Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. — СПб., 1992. — с. 5
10. Мир историка XX век. — М., 2002
11. Пряхин, А. Д. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.) — М., 1986
12. Равдоникас, В. И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. — 1930. — Т. 7. — Вып. 3–4. — с. 10
13. Репина, Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004. — с. 221.
14. Репрессированные этнографы. Вып. I. — М., 2002
15. Робинсон, М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). — М., 2004
16. Смирнов, И. И. Возможна ли «марксистская история материальной культуры»? (по поводу книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры») // Сообщения ГАИМК. — 1932. — № 1–2
17. Формозов, А. А. Археология и идеология (20–30 — е гг.) // Вопросы философии. — 1993. — № 2. — с. 70–89
18. Формозов, А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археология. — 1975. — № 4. — с. 11
19. Формозов, А. А. Рассказы об ученых. — Курск, 2004
20. Формозов, А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — М., 2004
21. Формозов, А. А. Русские археологи до и после революции. — М., 1995
22. Формозов, А. А. Человек и наука. Из записей археолога. — М., 2005
23. Худяков, М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. — Л., 1932
24. Чесноков, В. И., Чесноков И. В. Воронежское краеведение на всероссийских археологических съездах // Русская провинция. Вып. 2. — Воронеж, 1995. — с. 110
25. Шер, А. Я. О состоянии археологии в России (продолжение полемики) // Российская археология. — 1999. — № 1. — с. 209–210

Art of Uzbek harmony: the past and today

Ирзияев Бахром Шаймаатович, научный сотрудник
Академия наук Республики Узбекистан (г. Ташкент)

Irziyaev Bakhrom Shaymatovich, researcher
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

One of important part Uzbek national musical inheritance is considered harmony. Harmonies are priceless spiritual treasure of the nation and creating as well as developing of this art is related to unequal literary thought of ancestors.

Expression of harmony in Arabic means «settled place» of music sounds, that's «fret» of music tone. It is also used as a «tune». Harmonies are a kind of art which have deep literary-esthetic power based on loft suiting of music and word. The poems of classic poets which have been songs are exactly worthy with greatness of melody. It has a power which could express of human's feelings and charitable virtues.

There are three tendency of harmony in Tashkent, they are — Bukhara's Shashmakom, Khorosm's suvoriy and Fergana-Tashkent harmony way.

This valuable kind of art is unexpected phenomenon and results of historical changes happened in Central Asian people's life in the latest century. That's, it was appeared as reflection in cultural life when formed Bukhara Emirates, Khiva and Kokand Khanates instead of single authority.

They said that the complete form of Ota Jamol, Khorosm harmonies are related to Niyozjon Khuja's help who came from ancient Urgench city — and Khudoyberdi master as well as Ashurali Mahram placed important role in developing of the way of Tashkent harmony [1, p.90].

Shashmakom can be a single example in order to feel unequal greatness of art of Uzbek harmony. It consists in six—ten music instrument's melody, forty—fifty the way of song, total more than 300 hundreds art of work tiding and completing each other which attract and win over the souls.

All at present's state of performance writings can resound more than 30 hours [2, p.14]. Shashmakom is doubtless basis of modern Uzbek harmony art. Its historical root is touched upon composing traditions brought about in XV—XVIII centuries in Uzbekistan. This tradition is continuing till present. It's impossible to image of past, present and future of musical culture of Central Asian people without Shashmakom. One of main base of Uzbek traditional majestic music Shashmakom can be compared with epopees reflected people's life, eternal singing of love.

Generally, historical and theoretical issues about harmonies was depicted in IX—XIX centuries East manuscripts, especially in brochures devoted to music. The examples of harmonies performed in the past didn't arrive to present day, as informed in historical manuscripts, they were different kind of forms and the circle of «Twelve harmony» («Duvozdah maqom» in Tajic) was famous about in XI—XVIII centuries.

In history there is a thought of A.A. Semyonovich that «developing of Shashmakom as a series appeared in XVI century». But Uzbek scholars came another final conclusion in a result of their investigations. As they emphasized Shashmakom appeared in the beginning of XVIII century in Bukhara. As not even being reminded about Shashmakom in their own works by Kavkabiyy (XVI century) and Darvesh Ali (XVI century) who is mature composer proves that it still wasn't developed in that period [3, p.5].

There is no any information about Shashmakom until XVIII century written in brochures in Bukhara. There was only titled of Shashmakom parts and appeared collections which consisted of poem texts devoted to them. Although Shashmakom was completely developed in the middle of XVIII century its creating and appearance started from very ancient period.

Shashmakom is encyclopedic art of works as long as it has success in people's creating, professional music, that's achievements of composing traditions which have been coming from ancient period, besides all winnings in music science are embodied. According to specialist thought that examples of harmonies such as Dugoh, Segoh, Chorgoh, Panjgoh related to Avesto. «Dugoh» is based on two rest of fret, «segoh» if three rest of fret, «chorgoh» four and «panjgoh» five rest of fret, it reflected basis of melody strictly stringing in five times pray of Zoroastrians.

Moreover, there was «Yakgoh» which we can feel «Khorosm Rost» harmony instead of its place. In this point of view they say that not out of the realm of possibility that the roots of appearance of those kind of «gohs» above mentioned are tied with Zoroastrian's religious eulogy in their praying ceremonies. Harmonies enlarged over the centuries and their first appearance were united to six (Shashmakom) «Twelve harmony» Shashmakom didn't stay in one form, according to historical condition and literary-esthetic requirements of the society it developed, changed, evaluated as well as enriched passing from one to another generation.

Shashmakom first time was taken into note by Uspenskiy in 1923 s initiative on F. Khujaev and Fitrat and it was published in 1924 in Moscow. But as soon as these people were banned all of those tone of Shashmaqom were collected and made far from people's view. The fate of Fitrat's work devoted to Uzbek national music heritage and a number of F. Zafariy's articles on this filed ended up with the same situation.

In spite of condescending attitude of Soviet government towards development of national culture and the firmness of surveillance (pursuit) politics a lot of works were carried by self-sacrificing people of Uzbek national music.

In particular, the most complete and exemplary version of «Shashmakom» collection was published in 1966–1975 s in Tashkent under Yunus Rajabiy’s control.

In 1959 «Harmony» ensemble under the Uzbekistan teleradio company in a short period, that’s is 1960–1969 s was created performance of «Shashmakom» consisted of 21 gram plastic. In 1950–1959 s Yunus Rajabiy (editor Ilyos Akbarov) published six volume book of Shashmakom (1966–1975) with music and text.

Five volume of Tajic version of Shashmaqom which edited Belaev was published by Shohnazar Sohibov, Bobul Fayzullaev and Fazliddin Shahobovs in 1950 s. Besides, a group of Bukharain Jews composers who moved to America from Uzbekistan and Tajikistan founded «Harmony» ensemble in New York City.

This team organized successful concerts under the leadership of poet, musician and composer Ilyos Mallaev with participating I. Kataev, E. Malakov, M. Shamaev, and the other held in Samarkand city «Sharq taroniolari» festival, August, 2000 in Tashkent, Samarkand, Bukhara as well as Navai cities.

In this way there is three kind of version of Bukhara «Shashmakom» in the world, and there is necessity to have been researched them in comparative-typological way by professional scholars.

The second direction of Uzbek harmony art is «Khoesm suvorolari», these beautiful, profound art of works are likeable for all people of the world. It’s a magic of the art glistened with complex-spiritual feelings and profound philosophic thought, decorated with tune-groans which are harmonious to oasis people. As the resources informed Khoesm harmonies were created based on Shashmakom, but naming of those works were changed on old schools grounds through the developing process and enriched with new musical inventions.

In this point of view Khoesm harmonies were fond as unequal and specific direction. Pahlavon Niyoz Murzaboshi Komil started writing melody of Khoesm harmonies by inventing to note through Khoesm tambour.

In 1934 E.E. Ramanovskaya took Khoesm harmony notes and published in 1939. In the preface of his book called «Khoesm classic music» he wrote that «the harmonies which were performed in Khiva in 1934 (XIX century) written in the Institute of Study of Art of Uzbekistan in fact is Bukharin harmonies»

About 130 years before a composer Niyiz Kho’ja who came from Urganch brought these harmonies from Bukhara to Khiva. Having learned those harmonies Khiva composers would play and sing them everywhere [4, p.11].

Three volume of Khoesm harmonies were regularly published during 1980–1987 s by Akbarov and M. Yusupov who collected and took a note on those harmonies. Those scholars depicted differences of Khoesm harmonies from Shashmaqom in their volume [5, p.18].

The third way of Uzbek art is considered Tashkent-Fergana way. The evolution step of this harmony way is quite

apart from of those two tendencies above mentioned. Not only palace’s but also out of castle’s atmosphere had a great influence in developing of Tashkent-Fergana way of harmony. These harmonies appeared as complete and beautiful form singing sorrow and grieves, boldness, happiness and merry, love and sympathy of the nation.

The harmony ways such as Bayot, Dugohi Xusayny which developed based on Shashmaqom traditions and these unequal musical works called Shahnozi Gulyor (worked as Srahborlar way) which consisted of a huge group takes an important role in Uzbek harmony art. Calling this way as «Chormaqom» also proof that this isn’t repetition of Shashmakom and Khoesm harmonies and with it’s won specific feature.

It can be seen easily the influence of harmonies to creative works of well-known composers of Uzbek nation such as Y. Rajabiy, T. Jalilov, Sh. Sohibov, D. Zokirov, S. Kalonov, G’. Toshmatov, T. Sodiqov.

The first Uzbek opera was created based on «Dilorom» by M. Asharfiy, Moniy aria on Nimcho’poniy in Mogul of Segoh harmony, Qays aria («Iroq») in the opera by R. Glier and T. Sodiqov on Iroq way of Buzruk harmony.

The author added to this aria Turkic full swing of tune which are very common in harmonies [6, p.316–317]. M. Burkhonov widely used from Segoh, third symphony of M. Tojiev and «Saraxbory Navo» in his work called «The Ode to Navaiy». In 2001 s M. Bafoev used from «Shashmakom» in «Lison-ut Tayr» («The Language of the Bird») and those harmonies will become endless treasure for composers.

Because this spiritual heritage has been estimated for a centuries as a form of nation’s genius of intellect and those unequal moral wealth will develop and be recognized as a priceless part of world culture.

A valuable heritage of nation’s classic music «Shashmakom» was acknowledged by UNESCO as «Pearls of human non-financial cultural heritage of humanity» and was registered by World representative list.

. In consequence of this attitude interest to Uzbek harmony art is getting increase day by day through the World Wide. A number of scholars of the world such as in Germany, Poland, France, England, Japan have a great scientific fascination to this kind of Art.

Today a lot of Uzbek learned scholars, in particular O. Ibrokhimov, O. Matyoqubov, R. Abdullaev, H. Rajabiy, R. Yunusov are carrying research on studding harmonies.

At present in order to save culture of harmony, secular traditions of the people and to absorb them to youth’s mind a lot of specific arrangements are organized by Ministry of Culture and sport affairs of Uzbekistan, «Nation’s creation of the Republic and Scientific-methodic center of the cultural-educational affairs» as well as international fund «Golden heritage» («Oltin meros»). One of these events called «Traditional competition of the Republic of amateur harmony group and singers of difficult song» is an important tool thinking future of our priceless heritage.

This event first was held in Margilon, in 2004, then after two years late, that's is in 2006 in Urganch city. The other actions organized in Namangan in 2008, and in 2010 in Andijan show that those kind of events are getting improve through the regions. One of main aim of those completions is to develop art of literary amateur activity, save traditions of harmony and singing way of big songs.

As a result of these arrangements the interest of the youth to this art getting increase from day to day.

Participants came from Republic of Karakalpakstan, Kashkadarya, Sirdarya and Navaiy oasis which singing way of difficult song aren't completely common yet are equally competing with the regions which art of harmony were successfully developed.

Not only harmony musical instrument but also a way of difficult song such as «Saraxbors and their melodies» or «Shashmakom», «Khoesm harmonies» and Fergana-Tashkent harmony groups have taken from their program. They are singing harmonies with proficiency comforting gazal, tone and dance.

In a result of each competition new harmony groups and young talented singers are being discovered. Besides, they were awarded with presents and nomination such as «The youngest singer», «Enchanting singer», «For the most attractive staged dance», «Hopeful young harmony ensemble», «Educator continuing traditions of master and learner».

These events show that amateur harmony ensembles and singers of bigsongs are getting main publicists of traditional singing culture and musical heritage.

Harmony groups founded in different regions are saving and continuing traditions art of singing of big song and they are teaching youth secrets of this harmony by sacrificing themselves.

Founding children's harmony ensembles in Samarkand, Shakhrisabz and in Tashkent and leading them skillful masters are very joyful event. Organizing another competition within the Republic called «The best children's harmony group» on 6–7 th May in Samarkand in 2010 was a new step in the works carrying out in this filed.

Harmony, firstly, was the art of palace and should be stayed it's own position. As we know from history, through specula orders artists of harmony demonstrated their own reputations to the people. Changing and interpretation with their own word was strictly forbidden. As harmony is specific art that everyone can't understand a listener should

have enough experience, knowledge and thought in order to understand it.

Perceiving deep meaning of the words is one of main part of harmony talent. So the audience of difficult and big harmony works must have a high listening culture, literary esthetic manner and deep understanding skill.

Harmony singers also should have a big breath, lovely, attractive at the same time strong voice, with wide diapasons and high esthetic taste. Shortly, they are required to be perfect and professional singer.

The problem is at present's globalization period having a big amount of singers who have all those abilities above mentioned is hardly to find though the harmony is a great and priceless art of work. Only a long working experience and competitions might create a skillful singer who are deserving all those requirements that I stated before. In this point of view harmony will never be means of business and so it needs government's care. That's why nowadays saving national culture and traditions is getting one of big problems in all countries and nations.

In conclusion we can say that there lot of works have been completed in scientific study national musical heritage, in particular art of harmony, deconstructing and widening in Uzbekistan during Independence period.

In the period that globalization process is increasing through the world taking into account of developing national culture of harmony art and understanding national identity we suggest the following offers and comments.

— Paying attention to save and develop of harmony art in a rate of state politics and challenging youth to this priceless kind of art and strengthening government's care.

— Organizing single International Harmony Center in order to increase degree of reforms doing in this filed and support to be publicized Uzbek harmonyart not only in the state but also in international area.

— Working over on national instruments and harmony tones of composers for symphonic orchestras.

— Populating harmony ensembles and single performance, widening them through the disks and mess media, increasing their various types.

— Multiplying harmony singers' private concerts and participating their attendance.

— Identifying final way of harmony art, that's «Organizing competitions of professional masters of harmony» would be expedient to supply future of Uzbek Harmony art.

References:

1. Otanazar Matyoqubov. Maqom. Toshkent, «Musiq». 2004.
2. Y. Rajabiy. O'zbek maqomlari. Shashmaqom. Toshkent. 2007. «Olti maqom-Shashmaqom — Oltin meros»., O'zbekiston xalq ho'izi Hasan Rajabiy.
3. Shashmaqom 1 st volume. «Toshkent»., 1966., Yozib oluvchi Yunus Rajabiy.
4. Khorasm klassik muzikasi. O'zdamnashr, Toshkent. 1939.
5. Khorazm maqomlari. 1 st volume. Toshkent, «G'. Gulom nashriyoti», 1980.
6. I. Rajabov. Maqomlar. Toshkent. «San'at»., 2006. pp. 316–317.

Взгляды губернских журналистов на российскую повседневность конца XIX — начала XX века (на материалах Владимирской губернии)¹

Кузнецова Лилия Эдуардовна, аспирант

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

В статье рассматриваются попытки создания российскими губернскими журналистами конца XIX века провинциальных юмористических изданий с целью вскрытия социальных, политических и духовных проблем населения провинциальных городов. В статье приведены ранее не опубликованные черновики владимирского писателя и журналиста П. В. Заведеева.

Ключевые слова: повседневная жизнь, провинциальная журналистика, периодическая печать, юмористический альманах, публицистика, интеллигенция.

Вторую половину XIX века называют расцветом российской журналистики. Насыщенные события, процессы и явления, происходившие в этот период в политической, общественной, культурной жизни Российской империи не только находили отклик на страницах печатных изданий самого различного толка, но и провоцировали появление ряда новых газет и журналов, описывающих российскую действительность и дающих ей оценку. Помимо столичных, активизируются и провинциальные журналисты, появляется множество новых губернских изданий, в том числе и во Владимире.

Изучение творчества провинциальных журналистов помогает нам лучше понять образ мысли просвещённых жителей губернских городов конца XIX — начала XX веков, поскольку публицистический взгляд всегда интересен тем, что содержит не только описание событий, но личную их оценку, отношение к этим событиям самого публициста. Кроме того, популярность данной тематики у исследователей обосновывается тем, что «для каждого региона собственные органы периодики были уникальными, их история не менее интересна и драматична, чем у общероссийских изданий, а публикации местной прессы отражали процессы формирования регионального самосознания, рост гражданских запросов читателей, становились летописью отдельных губернских и уездных центров, городов и сел» [1, с.3].

Общие тенденции в изучении периодической печати дореволюционной России были определены в работах Б. И. Есина, С. Я. Махониной, В. Г., Березиной, Н. В. Жилияковой, А. И. Акопова, Е. В. Ахмадулиной, А. И. Станько и др.

Особенности провинциальной журналистики рассматриваемого периода изучаются в основном на краеведческом уровне. Об этом свидетельствуют исследования А. И. Станько «Журналистика Дона и Северного Кавказа (XIX в.)», О. И. Лепилкиной «Становление системы периодической печати на Ставрополье в XIX — начале XX вв.», диссертации Н. В. Жилияковой «Журналистика Том-

ской губернии второй половины XIX — начала XX века: идея областничества», Гуторовой Н. А. «Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.)» и многие другие работы по дореволюционной местной печати Астраханской губернии, Башкортостана, Кубани, Новгорода, Пензы, Татарстана, Твери.

Исследователи истории российской печати отмечают, что в 80–90-х годах XIX века окончательно сформировались основные направления русской легальной периодики: консервативное, либеральное и радикально-демократическое. Особое место, как в столичной, так и в провинциальной периодике конца XIX — начала XX века занимала сатирическая пресса, которая являлась неотъемлемой частью системы российских СМИ, и несмотря на то, что «сам факт активного развития в то время в России сатирических журналов, зафиксирован всеми историками отечественной печати, большинство сатирических изданий, возникших в то время в провинциальных городах, незаслуженно остаётся в тени» [2].

Существует лишь несколько работ, рассматривающих провинциальную сатирическую прессу, среди которых диссертация А. В. Старых «Становление фельетона в Русской провинциальной частной газете (газета Оренбургский листок 1876–1879 гг.)», статья О. И. Лепилкиной «Провинциальная сатирическая пресса в России в начале XX века».

Задачами данной статьи является рассмотрение особенностей возникновения и оформления во Владимире литературно-юмористического альманаха «Владимирская клюква» и изучение авторской позиции главного редактора этого журнала, владимирского писателя П. В. Заведеева, как системы взглядов представителя российской губернской интеллигенции изучаемого периода.

По своему предназначению сатирические издания, на первый взгляд, были ориентированы на нетребовательного читателя и далеки от обсуждения политических проблем, а содержали незамысловатые злободневные сюжеты повседневной жизни, но под пером мастеров эти

¹ Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

сюжеты порой превращались в орудия обличения несправедливости, социального неравенства, произвола, халатности, пьянства, взяточничества и других острых социальных проблем российской действительности. В юмористическом жанре журналист мог выразить своё отрицательное отношение к существующим порядкам, и многие талантливые писатели и публицисты, такие как В. А. Гиляровский, Н. С. Лесков, А. П. Чехов в начале карьеры выбирали именно такой способ самовыражения. Успех столичных «Осколков», «Будильника», «Стрелки» и потребность провинциальных общественных деятелей привлечь внимание к местным губернским проблемам дали импульс к распространению подобного рода изданий в провинции — журналы «Фаланга», «Гусли» выходили в Тифлисе, «Маяк» в Одессе, а в Вятке стала издаваться «Вятская незабудка», которую впоследствии стали называть жемчужиной провинциальной публицистики.

Идейным вдохновителем и главным редактором этого журнала стал знаменитый русский книгоиздатель и меценат Флорентий Федорович Павленков, он организовал творческий коллектив авторов, и в марте 1877 года увидела свет «Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год» в количестве 800 экземпляров. Это собрание сатирических очерков и корреспонденций, написанных на местном материале, стало в Вятке настоящей сенсацией. Причины её появления объяснены авторами и издателями тем, что к ним поступали многочисленные просьбы из разных уездов губернии о создании некоей целостной картины губернской жизни. При этом цели авторов были многоплановые: «Кроме сведения итогов, мы имели в виду ещё и другую цель — дать, хотя какой-нибудь внешний толчок корреспондентской деятельности в губернии» [3, с. 8]. А далее издатели признаются: «Задумывая своё издание, мы были одушевлены желанием, чтобы оно не осталось объединённым и нашло себе более счастливых подражателей в других губерниях, по крайней мере, в тех, где нет недостатка в частной инициативе. Исполнение этого желания было бы самой высокой наградой за нашу слабую попытку хоть сколько-нибудь облегчить для среднего читателя знакомство с изнанкой окружающего его местного мира» [3, с. 11]. А в статье Н. П. Изергиной, посвящённой рассказу об этом сборнике, приводится ещё одно заявление составителей об их стремлениях «разбить стену сытого личного благополучия, подправленного безрезультатной пустопорожней философией, и возбудить интерес в объётом богатырским сном провинциальном обществе к ближайшим общественным явлениям» [4].

Нужно сказать, что многое из этого удалось осуществить, несмотря на то, что выпуска журнала было всего три. «В десятках острых сатирических статей и очерков «Незабудка» рассказывала о неприглядных сторонах вятской действительности, смело называла лихоимцев, головопатов и самодуров. Их имена были даны в специальном алфавитном указателе, которым открывался сборник» [5].

Естественно, что увидевшие своё имя в списке чины немедлительно начали принимать меры: третий выпуск издания был арестован, а Ф. Ф. Павленков подвергся судебному преследованию, но был оправдан.

Мнения, по поводу опубликованных материалов были диаметрально противоположны, но равнодушных не было. Одни видели в «Вятской незабудке» сбор пасквильных рассказов, подрывающий авторитет местных властей, и призывающий народ к революционным действиям. А кто-то, как писатель-публицист Д. Л. Мордовцев считал её «литературной ласточкой, предвещающей весну для провинциальной печати». Эта цель Ф. Ф. Павленкова тоже была достигнута: «Она вызвала ряд попыток выпустить подобные сборники и журналы в других городах («Владимирская клюква», сборники в Перми, Нижнем-Новгороде, Казани, Иркутске, Полтаве, возможно, и в Екатеринбурге)» [5].

Главным редактором и автором идеи создания литературно-юмористического альманаха «Владимирская клюква» стал владимирский писатель и публицист Павел Васильевич Заведеев. О нём, как и о его детище, известно немного, лишь то, что он родился 28 июля 1860 года в Александрове, публиковался в таких изданиях, как «Будильник», «Развлечение» под разными псевдонимами (Таракашкин, Окунь, П.Э и т.д.), но, по-видимому, основной его целью было создание и поддержание подобного издания во Владимире. О его успехе трудно судить, но то, что попытка состоялась, свидетельствуют, сохранившиеся в Государственном архиве Владимирской области, письма на имя главного редактора «Владимирской клюквы», объявления о выходе очередного выпуска и переписка П. В. Заведеева с типографиями. Из переписки становится известно, что в 1906 московскому «Товариществу типографии А. И. Мамонтова» было заказано «печатание журнала «Владимирская клюква» — в 16 страниц текста, 4 страницы обложки, в количестве 1600 экземпляров, по образцу юмористического журнала «Шутёнок» № 3» [6, оп. 1, д. 1, л. 6]. Стоит отметить, что стоимость этого предприятия по смете составляла 74,90 руб.

Что касается содержания «Владимирской клюквы», то оно подбиралось из двух источников. Во-первых, редактор просматривал огромное количество российской прессы и отбирал самые интересные, на его взгляд, заметки, о чём свидетельствуют многочисленные вырезки из газет «Вечерняя почта», «Биржевые ведомости», «Русская земля», «Копейка», «Старый Владимирец», «Наша жизнь», «Московский листок» и журналов «Русская мысль», «Разведчик», «Развлечение», «Сборник русского чтения» и т.д. с пометкой «для альманаха Владимирская клюква», найденные в фонде П. В. Заведеева в Государственном архиве Владимирской области. А в его черновиках удалось найти такую запись: «Передо мною вот сейчас лежит ворох разных газет, которые я прочитал с жадностью фельетониста, и что же я издам, не знаю, чем особенным могу поделиться с читателем, что отме-

тить особо важного и занять на страницах своего фельетона?» [6, оп. 1, д. 21, л. 4 об.]. Во-вторых, в редакцию приходили письма из разных уездов с злободневными сюжетами из повседневной жизни. Одно из таких писем, написанное частным поверенным в г. Шуя Павлом Ивановичем Грезиним, и содержало следующий текст:

«1) Городская Дума надписала осветить Шую электричеством. Потому заготовлено 99 столбов, но на самом деле оказалось, что такое количество столбов далеко недостаточно, потребуется около 300 штук для поддержания проволоки.

2) На «Большом» мосту места для пешеходов давно требуют ремонта. Ведь доски почти провалились, пока что рискуешь поломать ногу или провалиться под снасть.

3) На чайной Ершова допускается игра малолетних на бильярде. Играют и учащиеся и ничего, пока всё сходит.

4) Представитель «Союза Русского Народа» маляр Петров после помещённой во «Владимирце» корреспонденции об устроенном им молебне на Крестовоздвиженской площади, видит почти в каждом прохожем корреспондента и называет их крамольниками, костерит их отборною «истиннорусскою» площадною бранью» [6, оп. 1, д. 4, л. 3].

Как мы видим, сюжеты достаточно просты и незамысловаты и хоть они не столь остры, как зарисовки из «Вятской незабудки», и не содержат конкретных имён чиновников, ответственных за эти «непорядки», но, в общем, передают атмосферу повседневной Шуйской жизни.

К сожалению, сегодня, экземпляры сборника найти проблематично. Можно предположить, что из-за цензурных ограничений того времени они или были изъяты или доступ к ним ограничен, но поиски ведутся.

Вернёмся к П. В. Заведееву, как уже было сказано, его биографические данные малоизвестны, но зато у нас есть более ценная возможность заглянуть в его... мысли, ведь в Государственном архиве Владимирской области сохранились авторские черновики, то есть, образно говоря, мы можем заглянуть через плечо публициста и увидеть ещё не подвергнутые цензурной обработке мысли, чувства, рассуждения главного редактора и через них понять, что это был за человек, каких взглядов, какие проблемы его беспокоили. В этих черновиках он высказывает достаточно смелые, даже резкие суждения о Владимире, как губернском городе, о своих коллегах писателях и журналистах самых разных российских изданий, о современной ему прессе вообще, о некоторых, особо его заинтересовавших сюжетах провинциального быта, о социальной сфере и человеческой сущности, как причине многих явлений.

Первая часть очерков называется «По литературным волнам». Вначале П. В. Заведеев пишет, как бы объясняя, почему он выбрал такое название «Владимирская клюква»: «Русский народ щедрый на различные меткие присказки и поговорки — давным-давно, отметил очень типично народные, по некоторым городам. Так, например, называют арзамасцев Нижегородской губернии — «гу-

саками», чебоксарцев Казанской губернии — «свиноедами», дмитровцев Московской губернии — «лягушечниками», смоленцев — «козовиками» и пр... И я право не знаю почему за нами, владимирцами осталось стойко прозвание «клюковников»; привычнее, на мой взгляд, было дать название «авось» и «небось» и просто «Владимир сонуль». Скука и однообразие + апатия и грандиозная лень — самый подходящий девиз Владимира. Близость Москвы мешает развитию и укреплению какому-либо мало-мальски порядочному общественно-торговому предприятию... Вот, почему у нас нет ни одного порядочного магазина, театра, библиотеки, книжного магазина и прочее. Кто же заставит меня покупать какую-либо порядочную вещь, если я человек состоятельный во Владимирской гостинодворской лазейке, когда есть Москва в 5 часах.

Могу купить ту же вещь и более лучшего качества и дешевле несравненно и притом ещё вдобавок развлекусь дорогой и «вояжем» до Москвы белокаменной» [6, оп. 1, д. 21, л. 1 об].

Вот в таких серых, мрачных тонах представляется журналисту местная владимирская картина жизни. Но ясно, что, если он пишет об этом так откровенно, то это не предмет пустого сарказма, а предмет горечи и обиды за город, который некогда претендовал на звание столицы Российского государства и за несколько веков дошёл до такого состояния, что характеризуя его, П. В. Заведеев цитирует слова Г. Гейне «он красив, но всего более нравится, если повернуться к нему спиной». Понятно что, речь идёт не об эстетической красоте, а о величии города в целом.

Дальше Павел Васильевич пытается говорить о причинах экономических проблем города: «Кто будет покупать очень мерзкий чай «собственной» развески и чуть ли даже не подозрительно собственного приготовления наших владимирских коммерсантов, разве только пока живут бедно провинциально» [6, оп. 1, д. 1, л. 2 об]. То есть коммерсанты намерено не хотят повышать уровень и качество продукции, ориентируясь, на бедных мещан и крестьян, которые будут покупать и такой чай.

Второй тип «предпринимателей» описывается следующим образом: «Вы, конечно, своеобразно удивитесь, когда узнаете, что у нас во Владимире есть тоже талантливые коммерсанты, что из «фишек» — это игра такая, нечто вроде упрощённого «домино» — ухитряются создавать каменные дома в несколько этажей, открыть «ресторации» и производить тому подобные коммерческие «карамболи» [6, оп. 1, д. 21, л. 2].

Но нужно отдать должное, раскрывая столь нелюбимые стороны местного коммерческого сословия, публицист предлагает и выход из сложившейся экономической ситуации, опираясь на труды бельгийского социолога и экономиста Эмиля де Лавеле, автора книги «Современный социализм» (1822 г).

Эмиль де Лавеле, а вслед за ним и П. В. Заведеев считают личный интерес директора акционерного общества одним из важнейших факторов успеха предприятия.

А в действительности: «Личный интерес в акционерных компаниях слаб; но директор получает большое содержание и обыкновенно он участвует в прибылях; его можно сменять, если он дурной администратор, а, следовательно, ему выгодно хорошо действовать» [6, оп. 1, д. 21, л. 3 об]. То есть, как правило, директора стимулирует только личная финансовая выгода, а не нужды предприятия и его успешность. При этом «они почти всегда ведут свои собственные промышленные дела за свой счёт» [6, оп. 1, д. 21, л. 3 об]. При таком положении даже если акционерное общество разориться, личных интересов директора это мало коснётся. «Кроме того, величают обыкновенно людей бывшие способности... и, таким образом, их опытность восполняет меньшее действие личного интереса» [6, оп. 1, д. 21, л. 3 об]. Но по утверждениям Эмиля де Лавеле руководительский опыт — это вовсе не единственный фактор, обуславливающий успех акционерному обществу.

«Если будут все только такие кассиры, которые опустошают кассу, только такие конторщики, которые утаивают суммы, получаемые ими на счета, только такие управляющие, которые составляют фальшивые балансы, чтобы скрывать свои растраты и только такие дельцы, которые ищут сеть концессий с единственной целью обворовать публику, тогда конец всякой промышленности. В таких местах не будут умножаться заводы, и процветать торговля» [6, оп. 1, д. 21, л. 3 об].

Основой кредита является доверие, а доверие пропорционально честности подтверждаемой хорошими законами. Там, где нет торгового доверия, не существует кредита или бывает невероятный размер процентов» [6, оп. 1, д. 21, л. 3 об].

Таким образом, мы видим, что П. В. Заведеев выделил в концепции Эмиля де Лавеле 3 основных принципа успешной организации и функционирования экономического предприятия: личный интерес, порядочность и доверие.

Приверженность к идеям Эмиля де Лавеле говорит о том, что главному редактору «Владимирской клюквы» П. В. Заведееву были близки убеждения социализма, но не марксистского толка.

Закончив рассмотрение местных особенностей, П. В. Заведеев переходит к обзору общегосударственных проблем. Специфика его работы заключается в том, что своё видение общей картины событий, происходящих в стране, публицист получает, анализируя современные ему печатные публикации. Этот раздел очерков имеет название «Злоба дня и недели». Повествование начинается в первые дни нового 1884 года, поэтому автор делает попытку подвести итоги прошедшего года и вспомнить его наиболее значимые события: «предоставление права дворянству наследовать имущество, остающееся после смерти беспотомственных дворян; льготы для раскольников, отменяющие преследование их за своеобразные богослужения, позволяющие творить общественные формы и заниматься общественной деятельностью; пер-

воначальный дебют крестьянского поземельного банка; введение областных по крестьянским долгам присутствий в Западной Сибири; судебная реформа в северо-западных губерниях, амнистия лицам высшего польского духовенства, находившимся в ссылке за участие в восстании 1883 года; курс, нисколько не поправившийся даже от выпуска 30 миллионов кредитных бумажных рублей, и в силу установившегося обычая... — несколько крупных крахов банков и крупных краж» [6, оп. 1, д. 21, л. 5 об]. Это те события, которые были отмечены журналом «Новое время» (№ 2817). П. В. Заведеев от себя добавляет к этому списку ещё еврейский вопрос, намеревающийся произвести нечто более положительное, чем уже произвёл; бесконечную агонию питейного вопроса; увеличенный, с нового года, налог на имущество; административно-практические урезки, с одной стороны, и увеличение окладов с другой; эфемерные надежды относительно обновлений местных учреждений, возлагаемые на Кахановскую комиссию. Среди этого калейдоскопа внутривосточных событий особенно выделяет П. В. Заведеев, на его взгляд, самое лучшее: «это отмена подушной подати (снимаемой) с наступившего года с бывших фабричных, заводских и с безземельных крестьян» [6, оп. 1, д. 21, л. 5]. Это опять же говорит о том, что автор беспокоится о судьбе простого народа.

От политики рассуждения плавно переходят к литературной теме. 1883 год принёс печальные события: «умерли Тургенев, Корш, Марков, Садовников, Маревский и появились на свет «Медя» г. г. Суворина и Буренина, «Критический этюд» о литературной деятельности Тургенева, сочинённый развязно многообильным г. Бурениным» [6, оп. 1, д. 21, л. 5]. Затем описывается событие, которое наиболее задело журналиста: «26 декабря, прошлого 1883 г. умер Иннокентий Васильевич Федоров, известный в литературном быте под псевдонимом Омелевского — автор романа «Шаг за шагом», некогда взбаламутивший нашу российскую литературную кунсткамеру. Умер в такой страшной бедности, что не нашлось в квартире ни белья, ни платья, в котором можно было бы одеть покойника, не нашлось даже стола, на котором можно было положить тело умершего. Нашлось только всего на всего на шесть рублей имущества... Здесь конечно замечательно не то, что И. В. Федоров был так «непотребно» беден, а то, что эту бедность не знала ни одна из многочисленных петербургских редакций... не пресловутое Общество помощи нуждающимся литераторам и учёным» [6, оп. 1, д. 21, л. 5]. Предполагается, что скорее всего все они были заняты предновогодними заботами. П. В. Заведеев продолжает: «Только не весело было Фёдорову встречать праздник... среди ликования праздной толпы, равнодушия своего брата-литератора и окружённого собственной бедностью... Это всё вещи и обстоятельства, которые должно быть даже не только не приходили в голову, но даже не снились нашим мудрецам из литературного Общества — жалко, что мы всегда почему-то поздно узнаём то, что нам нужно знать раньше: и таланты других

и собственную глупость и несообразительность» [6, оп. 1, д. 21, л. 5]. Уже после смерти Федорова, его семейство получило кое-какие деньги от редакций ряда газет и ничего опять же от Общества помощи нуждающимся литераторам и учёным.

Эти события автор называет свежей картиной литературных нравов. Далее ещё идут рассуждения о том, что зачастую успешная литературная судьба зависит не от таланта писателя, а от его благосостояния, и как бы ни были бездарны «литературные помещики», их карьера складывается вполне успешно, а таланты погибают в комнатах «без стола», среди собственного ужасного нищенства.

После этого беседа с предполагаемым читателем о старом годе заканчивается и открывается страница 1884 года с разговора о счастье. «Обыкновенно принято поздравлять вместе с Новым годом — ещё и с Новым счастьем, но полагаю, что это уместно будет только тогда, когда мы потеряем старое, но мы его не потеряем, по той простой причине, что едва ли кто его и находил... Эта материя так условна и растяжима, что я право и затрудняюсь {сказать}, кто получит счастье в Новом году? Выигравшие 200 000 — и те несчастливы и жалеют, что нет выигрышей на большую сумму; подписавшиеся на газеты видят тут же старую бумагу с макулатурно-статистическими заметками» [6, оп. 1, д. 21, л. 4 об].

Вот об этих самых заметках и идёт дальше рассказ. Ведь автору нужен был интересный материал, а найти его оказалось не просто. С явной досадой он говорит о том, что все те события, которые описаны в свежих газетах и журналах о дефиците бюджета, чуме, разорившихся банках и купцах и т.д. «настолько же интересны, насколько новы и это не более как вариации на старые темы — удивительного мало, а поучительного ещё меньше» [6, оп. 1, д. 21, л. 4]. Приводится несколько вопиющих сюжетов о глупости, наглости, жадности, которые П.В. Заведеев объединяет под темой «ошибок». Читая эти сюжеты, он удивляется тому, что оказывается многие неприглядные поступки, предприниматели, чиновники, священнослужители, представители высшего сословия совершают не от жадности, алчности, а всего лишь «по ошибке», и вовсе не имея ввиду, ни какой корысти. Это очевидное «милое лукавство» явно раздражало писателя и в человеческих поступках и в официальной прессе, которая это освещала. Видимо поэтому ему и захотелось создать пусть маленькое, губернских масштабов, издание под видом литературно-юмористического альманаха.

Во второй части «Злобы дня» собраны сюжеты, объединённые общей мыслью о том, что глупость, халатность и превышения должностных полномочий, как массовые явления, в разных сферах российской жизни приводят к негативным последствиям для всего государства. Например, описание того, как на станции Елец Рязанско-Вяземской железной дороги было сложено огромное количество хлеба, предназначенного к отправлению за границу, а так как не хватало ни вагонов, ни помещений, то весь этот хлеб валялся в мешках под открытым небом,

в снегу без всякого присмотра. При этом, когда производили погрузки вагонов, эти мешки использовали как лестницу, по которой ходили рабочие. Павел Васильевич Заведеев, комментируя эту заметку, разделяет мнение корреспондента, её написавшего: «наглядно можно ответить себе, почему наш русский хлеб пользуется такой незавидной репутацией на рынках сбыта,... в каком виде этот хлеб после железнодорожного хранения поступит на рынки Европы? А здесь никто не отвечает за грязь и гниль хлебного груза». [6, оп. 1, д. 21, л. 6]. А от себя добавляет: «Ещё бы заботиться о каком-то хлебе каких-то халатных торговцев если на ярославско-вологодской костоломне не заботятся даже о людях» [6, оп. 1, д. 21, л. 6]. А дальше следуют заметки об ужасном, невнимательном и подлом отношении врачей к пациентам, работникам железнодорожных станций. Затем на контрасте идут рассказы о бедственном положении студенчества, которое буквально падает в голодные обмороки на лекциях и о шикарной жизни банкиров и наследников больших состояний, которые могут поужинать на 24 000 рублей.

Всё это откровенно печалит нашего автора, и он не скрывает обиды за простое трудовое население, о трудностях которого почти никто не вспоминает. Из приведённых нами отрывков, можно понять, что П.В. Заведеев если не разделяет полностью, то, во всяком случае, тяготеет к социалистическим идеям и желает перемен в обществе именно в этом направлении. Что примечательно, в его очерках нет никаких лозунгов и пропаганды, прямо призывающей к каким-либо действиям революционного толка. Он просто излагает сюжеты из повседневной реальности, иногда пишет своё мнение о них, а вывод оставляет всегда за читателем, то есть открывает ему некую действительность, а отношение к ней каждый должен обдумать сам, при этом из обращений к читателям видно, что писатель уважает их, абсолютно не показывает своего превосходства над ними, и резко осуждает развязность других авторов в этом отношении.

Может возникнуть вопрос — зачем авторы и редакторы таких изданий как «Владимирская клюква» так резко негативно высказывались о состоянии своих родных губерний? Но они совершенно чётко понимали, что, чтобы изменить ситуацию, нужно все существующие социальные болезни, ставшие привычными, выявить, вывести на поверхность, и чем острее будет их инструмент, тем легче и быстрее это удастся сделать.

Ещё среди особенностей этой публицистики выделяется тот факт, что авторы всегда пытаются привлечь внимание в большей мере на морально-нравственный облик отдельного человека, чем целых социальных групп. Герои почти каждого сюжета совершают аморальные поступки и не задумываются об этом. Автор хочет подчеркнуть, что в основе того, что происходит в их государстве, лежит человеческий фактор, и если бы каждый задумался не только о своём благополучии, но и об окружающих его людях многих порочных явлений в обществе удалось бы избежать.

Своими зарисовками публицисты и издатели юмористических изданий хотели достучаться до читателей современных им и будущих и напомнить об общечеловеческих моральных ценностях.

Из вышесказанного можно заключить, что такие журналисты, как П. В. Заведеев брали на себя ответственность — быть писателями, но не выдумщиками, быть ле-

тописцами, но не писарями, чтобы донести ту эпоху для нас такой, какой она была.

Публицистическое творчество является неким мостом между историком и тем временем, которое он изучает, ведь публицист, пропуская нас через свои мысли и чувства помогает лучше понять это время, посмотреть на него изнутри и в деталях передаёт его атмосферу и сущность.

Литература:

1. Жилякова, Н. В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX — начала XX века: идея областничества: дис. ... канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2012.
2. Лепилкина, О. И. Провинциальная сатирическая пресса в России в начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 12. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/provintsialnaya-satiricheskaya-pressa-v-rossii-v-nachale-xx-veka>
3. Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. — СПб, 1877
4. Изергина, Н. П. Вятская незабудка// <http://www.herzenlib.ru>
5. Петеряев, Е. Литературные находки: Очерки культурного прошлого вятской земли. Волго-Вятское книжное изд-во. Кировское отд-ние. — 1966. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.herzenlib.ru>
6. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф.607.

Банкетная кампания в Ростове-на-Дону

Окопная Олеся Павловна, кандидат исторических наук, преподаватель
Ростовский государственный медицинский университет

Сложившаяся ситуация в стране, затянувшаяся, непопулярная и неудачная война с Японией приближали народную революцию, предотвратить которую могли только реформы. В этих условиях под давлением на власть «Союзом Освобождения» в ноябре-декабре 1904 года была проведена «банкетная кампания», приуроченная к 40-летию судебной реформы Александра II. Таким образом, либералы стремились заявить о себе, используя в своей деятельности данную форму — форму «банкетных кампаний». В ресторанах и других общественных местах в различных городах прошло более 120-ти собраний оппозиции, в которых приняли участие около 50-ти тысяч человек. В Санкт-Петербурге на таком собрании под председательством В. Г. Короленко присутствовало 676 человек. В ходе таких заседаний принимались резолюции, и обращения к царю с требованием введения конституции и гражданских свобод.

В Ростове-на-Дону банкетная кампания состоялась в коммерческом клубе 5 декабря 1904 года под председательством юрисконсульта Городской Управы, Гореева. Разрешения на данный банкет у местной администрации не спрашивали [1, 5].

27 ноября 1904 года почетный мировой судья М. И. Берберов и присяжный поверенный А. З. Городисский предложили 6–8 присяжным принять участие в банкете по случаю 40-летия судебных уставов, устроенном местной интеллигенцией. На вопрос о выявлении лиц, по-

желавших устроить банкет, Берберов и Городисский дали уклончивый ответ, лишь сообщив, что «они являются уполномоченными от тех лиц» [1, 5–6]. К сожалению, у нас нет доказательств, однако мы считаем, что донской купец Николай Елпидифорович Парамонов мог быть среди лиц, пожелавших устроить банкет. Именно в этот период он сотрудничал с газетой «Донская Речь» и помогал материально газете и её редактору М. И. Берберову. Кроме того, одноклассник и друг Н. Е. Парамонова, С. Г. Святиков присутствовал на банкете в Петербурге и мог предложить другу провести подобное мероприятие в Ростове-на-Дону. Парамонов же хотел остаться неизвестным как один из организаторов банкета. Слишком много было причин, заставлявших его «прятаться». Во-первых, его репутация «крайне неблагонадежной личности в политическом отношении» [2, 147] могло привлечь пристальное внимание полиции к данному мероприятию. А это в свою очередь не позволило бы поднять наболевшие темы по поводу необходимых реформ. Во-вторых, закрыло бы дорогу на банкет представителям рабочего класса. И вообще, могло стать причиной его провала. В итоге банкет устроили от имени присяжной адвокатуры.

На одно из первых собраний по организации банкета, к удивлению многих, явились в качестве членов комиссии И. Коган, А. Лиманов, и Н. Парамонов. Гореев вспоминал: «Меня пригласили приехать в Городской театр, в особую комнату. Там присутствовали присяжные по-

веренные ..., Коган, Лиманов и Парамонов, которого я видел в первый раз» [1, 10]. Значит, Николая Елпидифоровича никто не приглашал, к присяжной адвокатуре Ростова-на-Дону он также не относился. Появление Парамонова на собрании было его инициативой, связанной с большим желанием участвовать в этом мероприятии. Причем, «новички» предъявили уже готовую резолюцию, составленную съездом земцев в Петербурге [1, 7]. Возможно, резолюция была предложена С.Г. Сватиковым, который участвовал в «банкетной кампании», проходившей 20 ноября в Петербурге под председательством В.Г. Короленко. Однако предложенная резолюция была отклонена. В итоге приняли резолюцию о свободе слова, печати, вероисповедания. Следует обратить внимание, что Короленко печатал свои рассказы в издательстве Н.Е. Парамонова. Сохранившаяся переписка писателя и издателя дает основание полагать, что у них сложились не только деловые, но и дружеские отношения. Возможно, Короленко сам сообщил Парамонову о банкете, проходившем в Санкт-Петербурге.

29 ноября 1904 года обсуждалась программа банкета, выработка резолюции. На собрании постановили: изготовить 300 билетов для входа в зал с правом на ужин. Поднимался вопрос о необходимости строго контролировать выдачу билетов, чтобы, пользуясь многолюдностью собрания, в зал не проникли антиправительственные элементы и не устроили бы «политического скандала». Вскоре выяснилось, что некоторые представители присяжной адвокатуры не могли получить необходимого числа билетов для себя, своей семьи и знакомых, так как лица, не принадлежавшие к корпорации присяжных (Коган, Лиманов, Парамонов) приобрели по несколько десятков билетов. Из-за данных недоразумений был составлен отчет об отпуске билетов. Была установлена выдача лишь 120–142 рублевых билетов с правом на ужин, что касается 160–250 конечных входных, то кому и кем таковые были выданы, комиссия не выяснила. Однако негласно все знали, что это было дело рук донского купца Н.Е. Парамонова. Именно он был секретным организатором пригласительных билетов для рабочих [3, 83–84] и лично выбирал депутатов от рабочих социал-демократической организации [4, 11]. Позже полиция подтвердила, что билеты рабочие получили через посредничество купца Н.Е. Парамонова [1, 5]. В данном случае четко выражено желание Парамонова привлечь народ к участию в решении проблем государства.

4 декабря 1904 года организаторы банкета собрались для обсуждения вопроса о том, насколько удобно открывать данное мероприятие под флагом присяжной адвокатуры, учитывая неизвестность многих его участников. Комиссия принесла извинения за несколько опрометчивые свои действия по поводу выдачи билетов. Приняли решение, что во время мероприятия никаких «противоправительственных» демонстраций не будет. Однако местная социал-демократическая организация решила во время банкета устроить демонстрацию, но не успела вовремя

выработать надлежащей программы из-за отсутствия достаточных средств и разногласий в организации.

На сходку 4 декабря 1904 году на Темернике явилось всего 20 человек, и назначенный интеллигент — агитатор и пропагандист отказался беседовать с незначительным числом явившихся, предложив им прибыть для участия в демонстрации 5 декабря вечером на угол Большой Садовой улице и Таганрогского (ныне Буденовского) проспекта. Обо всех приготовлениях было доложено градоначальнику, который назначил усиленные наряды, не дававшие публике останавливаться и группироваться. Несмотря на это, гуляние на Большой Садовой улице в этот день было особенно многолюдным [3, 83–84]. Из доклада помощника начальника Донского Областного Жандармского Управления в Ростовском округе ротмистра Карпова можно узнать следующее: «В то время, когда в Коммерческом клубе произносились речи, среди гуляющей публики заметно было некоторое волнение. В толпе раздавались свистки и крики, несколько голосов прокричали: «Долой самодержавие!» [1, 5 или 3, 83–84]. Эта толпа мерами полиции немедленно была разделена, и порядок на улице был восстановлен.

На Большой Садовой улице рядом с Московской гостиницей были разбросаны прокламации Донского Комитета РСДРП, озаглавленные «Открытое письмо», которые быстро были разобраны гуляющими, и только несколько экземпляров было подобрано одним из надзирателей» [1, 6 или 3, 83–84]. Таким образом, гуляющая публика фактически приняла участие в уличной демонстрации. Но благодаря усиленному в этот день наряду полиции сама демонстрация не состоялась. Во время попытки организовать демонстрацию были задержаны несколько человек.

Банкет состоялся 5 декабря 1904 года, около 20.00 часов, в помещении Коммерческого клуба, где собралось 500 человек [1, 6–7] (по другим данным — около 600) [3, 83–84]. В числе приглашенных на банкете оказалось до 200 рабочих. Присутствовали даже проходившие по внутреннему и наружному наблюдению представители местной социал-демократической организации из интеллигенции и рабочих. Такие как Альбов («Курносый»), Элькин — сотрудник издательства «Донская Речь», представитель социал-революционеров Алексей Николаевич Сурат («Бухгалтер») [5, 101], Браиловский.

Вечер открыл своей речью о свободе слова Волкенштейн. Далее выступал председатель собрания, присяжный поверенный Гореев, заявив: «... законодатель не узнал бы в настоящее время своего детища» [3, 7]. Следующие докладчики коснулись вопросов о свободе и неприкосновенности личности, о введении самоуправления, о земстве. Присяжный поверенный Севостьянов заявил, что Николай Елпидифорович Парамонов [4, 11] выступал с докладом, по самой наболевшей для него теме: «об упадке средней школы и в целом системы образования России, а также о свободе печати» [3, 83–84]. Выступление Николая Елпидифоровича отметила ленинская газета «Вперед» 11 (24) января 1905 года: «Н. Е. Пара-

монов на вечере в Коммерческом клубе в присутствии многих рабочих говорил о свободе печати, слова, о школе и бесправии людей другого вероисповедания» [5, 214].

Листовки газеты «Донская Речь», к которой Парамонов имел прямое отношение, были такого же характера: «О свободе слова, которое дает возможность и право каждому выражать, что он думает о неустойчивости в стране, о притеснениях... Говорить вслух, не боясь... Говорить о том, как улучшить государственные порядки, о свободе совести, о свободе собраний (драгоценное право, которое есть у других просвещенных государств, очень дорогое), о свободе союзов, о неприкосновенности личности и жилищ» [6, 11]. Следует согласиться с историком О. В. Будницким, что требования, сформулированные Парамоновым на банкете, соответствовали программе либералов: свобода слова, печати, демократизация образования [7, 529].

На банкете выступал С. Г. Сватиков, которого, по свидетельству очевидцев, прервать, остановить было совершенно невыносимо [8, 118]. Он призывал либеральное общество «протянуть руку и идти совместно с социал-демократами, представляющими физическую силу, на которую они могут опереться. Без социал-демократов попытки добиться какой-либо свободы — бесплодны». Сватиков обратился к либеральной интеллигенции: «Вы должны решить и гласно заявить, с народом Вы или против него... Мы, проливающие кровь и умеющие её пролить, будем оттеснены от правления, а какие-нибудь шпионы будут пользоваться властью» [1, 8]. Преподаватель реального училища, Батицкий, сообщил полиции: «Сватиков резюмировал речи, упоминая Короленко, Анненского и других. Причем, заканчивал резюме словами: «Долой самодержавие! Долой монархию! Долой войну! Да здравствует Ростово-Нахичеванский Революционный комитет!» [1, 8]. По показаниям всех опрошенных свидетелей, Сергей Григорьевич открыто говорил, что «Он, несомненно, будет арестован. Упомянул, что на улице

ждут их нагайки, что всем, находившимся в клубе, хорошо, а стоящим на улице рабочим, жаждущим свободы, плохо» [1, 9].

После ужина выступал новый оратор из рабочих. Полиция не смогла выяснить личность выступавшего оратора, т.к. лицо его было загримировано, и он менял грим во время банкета. Тайный оратор коснулся современного положения России, высказался о нем в духе социал-демократов, закончив свою речь словами: «Итак, настало время, когда пора сказать: «Долой самодержавие! И заменить его другим управлением — народным» [3, 84]. «Слова его были подхвачены ещё несколькими головами» — об этом сообщили околоточный надзиратель II участка, Каминский, и лакей, следивший за оратором, но потерявший его вследствие изменения последним грима [3, 84]. На банкете также присутствовал мещанин Павел Ильич Швейцер, который был хорошо известен полиции как распространитель листовок, прокламаций издательства «Донская Речь» [9, 27].

Банкет закончился к 2-м часам ночи пением революционных песен. Участники банкета расходились спокойно, небольшими группами. А после банкета директор клуба Марков сообщил полиции: «... во время банкета С. Г. Сватиков и другие выступали с революционными речами» [3, 18], было возбуждено уголовное дело. Сватиков был признан виновным. Мерой пресечения стало заключение его под стражу по ст. ст. 128 и 129 Уголовного Уложения. Однако он был отпущен на свободу под залог, уплатив 1 тысячу 500 рублей [3, 19].

«Банкетная кампания» выявила стремление интеллигенции и народа к переменам, недовольство людей деятельностью правительства Российского государства. Она стала ярким симптомом революционного кризиса. «Банкетная кампания» стала началом революционных событий. А ведущая роль либеральной буржуазии в «банкетной кампании» определило её особое участие в революции начала XX века.

Литература:

1. ГАРФ. ДП ОО, ф. 102. 7 Д, оп. 1904, д. 3557, л. 5.
2. Швецов, С. Д. В старом Ростове. Ростов н/Д.: Ростовское книжное из-во, 1971. — с. 147.
3. ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 5, д. 40, л. 83–84.
4. ГАРО, ф. 826, оп. 1, д. 28, л. 11.
5. Баторгин, М. П. Перед судом царского самодержавия. М.: Из-во Юридической литературы, 1964. — с. 214.
6. ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 1, д. 81, л. 11.
7. Российский либерализм: идеи и люди. / Под общей редакцией Кара-Мурзы А. А. М.: Новое издательство, 2004. — с. 529.
8. Ядрицев, В. П. Учащиеся средних учебных заведений Дона в общественном движении 1901–1907 гг. Ростов н/Д.: РГПУ, 2004. — с. 118.
9. ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 5, д. 41, л. 27.

Особенности этнических изменений Астраханского края

Пихтина Ольга Александровна, учитель истории и обществознания
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 12» (г. Астрахань)

Одна из актуальных проблем нашего региона — изменение национального состава. Своеобразной характеристикой населения Астраханского края является его полиэтничный состав. Территориальные изменения приводили к изменениям в численном и национальном составе населения Астраханского края. Однако все изменения производились законодательным путем и не вызывали внутренних межнациональных и порубежных конфликтов. Занимая выгодное географическое положение, Астрахань быстро превратилась в крупный торговый и ремесленный центр. Наряду с жителями Азии, европейцы также стремились завязать торговые отношения с Астраханью, а через нее и со странами Востока.

Славянское население эпизодически появлялось в низовьях Волги и Прикаспии еще в домонгольские времена (походы Святослава, косвенные свидетельства Ахмеда Ибн-Фадлана о поволжских «руссах», археологические находки в селах Селитренное, Красный Яр Астраханской области и др.). [1, с. 2]

Массовое переселение сюда уже сложившихся этносов, русских, затем украинцев, включая донских и запорожских казаков, произошло позже, с включением края в состав Российского государства во второй половине XVI в.

Уже со второй половины XVI века в Астраханский край, наряду с русскими, начали прибывать армяне, бухарцы, хивинцы, персы, индийцы. Их привлекала выгодная торговля с Московским государством, поскольку правительство поощряло развитие торговли с восточными странами, предоставляя различные льготы заморским купцам. [2, с. 15]

После городского антиправительственного восстания в Астрахани 1705—1706 гг., добавилась казачья миграция.

В течение XVIII в. происходит активное освоение пустующих земель Астраханской области. Основная часть переселенцев была из центральных губерний России: Московской, Тамбовской, Воронежской, Костромской, Рязанской.

В 1744, 1746, 1759 гг. были изданы указы, которые разрешили людям разных национальностей жить в Астрахани и также дали право селиться слободами.

В 1735 г. изгнанный грузинский царь Вахтанг решил окончательно поселиться в Астрахани, чтобы быть поближе к родине. С Вахтангом остались только наиболее преданные друзья. Уже в то время за рекой Кутум, близ Иоанно-Предтеченского монастыря, появилась небольшая Грузинская слобода. Издавна здесь была и улица Грузинская, которая сохранила свое название до настоящего времени.

Для истории Астраханского края с XVI по XX в. характерны тесные связи России с кочующими тюркскими племенами, оказавшими немалое влияние на ее социальную

и политическую жизнь. Проследив историю заселения Астраханского края, выделяют четыре миграционные волны, на основе которых сформировалось население Астраханской области в нынешнем его виде, — с середины XVI по конец XX в. По всей вероятности, сейчас мы наблюдаем пятую волну.

По переписи населения 2010 года здесь проживают представители 147 этносов. Наибольшую численность составляют около тридцати национальностей, из которых самые крупные: русские, казахи, татары, ногайцы, калмыки, представители народов Кавказа. Демографическая ситуация для большей части традиционных народов региона продолжает оставаться в целом неблагоприятной.

По итогам переписи отмечено снижение численности коренного населения: количество татар сократилось на 12 тысяч человек или на 14,3%, русских — на 82 тысячи или на 12%, в целом сократилась численность славянского населения. Меньше стало калмыков и евреев. Этноконфессиональный состав населения области меняется в сторону увеличения численности выходцев из Средней Азии и народов Кавказа.

Наблюдается рост численности национально-культурных общественных объединений со статусом юридического лица. Так, в 2010 году их было 30, в 2011—37. На данный момент зарегистрировано 39 региональных национально-культурных общественных объединений, функционирует 27 местных отделений и самостоятельных национально-культурных общественных объединений.

Продолжается внешний и внутригосударственный приток в регион преимущественно неквалифицированной рабочей силы. Часть мигрантов-иностранцев работает на незаконных основаниях. Ситуация в миграционной сфере сохраняет ресурс для общей напряженности межнациональных отношений, некоторую коррупционную, криминальную составляющую. Эту проблему постарались решить на законодательном уровне региона (в итоге некоторое уменьшение притока иностранных граждан из ближнего зарубежья).

На данный момент на территории региона находятся 1 769 граждан Украины, 509 из них получили разрешение на временное проживание, 48 — вид на жительство. Привыкать к новым условиям, оформлять и восстанавливать документы, искать работу, включаться в социум — всё это придется делать всё же самим беженцам с Украины. Сейчас создание десятков тысяч рабочих мест становится вопросом, требующим немедленного разрешения администрацией города; иначе никакое желание беженцев адаптироваться к новым условиям не спасёт юг России от социальной катастрофы, картину которой пока ещё сложно себе представить.

В перераспределении объектов собственности в течение десятилетий реализуются тенденции, ведущие в том числе к маргинализации местного населения, вытеснению его из ряда традиционных сфер хозяйственной деятельности. Усиливается миссионерская деятельность неправославных конфессий и сект, отмечается дальнейшее разделение мусульманской общины по национальному признаку.

В регионе отмечен рост русофобии, которая проявляется в быту, в местах проживания со значительной долей нерусского населения, в общежитиях учебных заведений и на молодежных форумах в сети «интернет».

Среди активистов национально-культурных обществ наблюдается снижение популярности идей российской государственности. Предпринимаются попытки создать в социальных сетях группы для пропаганды отдельных исламских государств как образа общетюркского объединения, борьбы за чистоту культуры и религии. [3]

Влияние на межэтнические отношения оказывают следующие негативные факторы:

- размывание базовых культурных ценностей, способных скреплять общество, а также традиционных нравственных ориентиров народов региона;

- рост радикальных настроений;

- недостаточная системность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению культуры, истории и традиций народов региона;

- высокий уровень социально-культурных различий и распространенность стереотипов в отношении представителей других народов;

- недостаточность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления по профилактике экстремизма и предупреждению конфликтов на территории Астраханской области.

Актуальна необходимость усиления систематической воспитательной и просветительской работы по формированию гражданского единства ввиду сложной социально-экономической и политической ситуации на Северном Кавказе.

Все эти проблемы определены в общероссийских документах в сфере реализации стратегии государственной национальной политики. Главная цель решения данных проблем — укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России.

На базе МБОУ «СОШ № 12» впервые проведено исследование, целью которого стало выявление гражданской позиции школьников, присутствия патриотизма и особенностей националистических взглядов. Исследования, проводившиеся ранее, в основном отслеживали динамику национального состава учащихся, толерантных установок и этнокультурных знаний. Новая целевая уста-

новка продиктована тем, что Россия во все времена была государством многонациональным, с богатой историей национальной политики и остается таким до сих пор. Школа, в которой мы обучаемся, также не стала исключением, в ней успешно и дружно учатся дети различных национальностей. Современная геополитическая обстановка, сложившаяся на данный момент, может неоднозначно и остро поднимать ряд проблем на национальной почве.

Особого внимания заслуживают ответы на вопрос о причинах, побуждающих человека менять страну проживания, наиболее популярны: вынуждены (войны, конфликты) — 40,9% и выгодно (материальные ценности) — 38,6%. Действительно, человека необходимо подтолкнуть к таким глобальным переменам в его жизни, что и происходит с легкостью. По причине отсутствия взаимопонимания между государством и населением, терпимости и той необходимой любви к своей Родине, принимающей ее таковой, какая она есть. Довольно приятно порадовали ответы на вопрос о чувствах к стране, в которой подростки проживают: обиду, униженность и ущемленность никто не указал, а наоборот спокойная уверенность (не смотря на противоречивость времени) — 54,5%, гордость — 45,5%. На вопрос готовы ли вы служить в армии больше половины опрошенных ребят высказали свое согласие (36,3%). Данный факт также свидетельствует о присущей им четкой гражданской позиции.

Итак, проведенное исследование полностью подтверждает актуальность затронутой нами проблемы (указанные причины миграции, чувства принадлежности к стране, наличие националистических взглядов) и необходимость воспитания учащихся в духе гражданственности, патриотизма и толерантности.

На данный момент обозначенные проблемы, требуют не только привлечения нашего внимания, но и комплексного их решения. Необходимо в полной мере использовать все доступные современные технологии, способные помочь противодействию экстремистской и антироссийской деятельности.

Большое внимание должно уделяться подрастающему поколению, как залого будущего развития субъекта Российской Федерации. В рамках содействия развитию этнокультурного многообразия необходимо разработать региональные учебные программы по истории и культуре.

Все задачи должны решаться в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества и органами местного самоуправления, гражданами, населяющими область.

Итак, всесторонний анализ накопленного исторического опыта поможет нам определить наиболее целесообразные формы и методы работы над данной проблемой, чтобы избежать ошибок прошлого.

Литература:

1. Древняя история Нижнего Поволжья/ Шнайдштейн Е. В. — А.: 1987. с. 18.
2. Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 87. Л. 2—3.

3. История казачьего войска. Бирюков И. А./ С.; 1911. Ч. 2. с. 29–32.
4. История казачьего войска. Бирюков И. А./ С.; Ч. 2. с. 56–78.
5. ГААО., Ф. 2. Оп. 2. Д. 327. Л. 37–73.
6. Записки об Астрахани. Рыбушкин М. /М., 1841. с. 57, 60.
7. Описание Колы и Астрахани./ СПб., 1804. с. 93.
8. Памятная книжка Астраханской губернии на 1876 год. /А.; 1876. с. 3; Памятная книжка Астраханской губернии на 1878 год. Астрахань, 1878. с. 3.
9. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен доныне настоящего. Чулков М.Д. /М., 1785.
10. ПСРЛ. Воскресенская летопись. М., 2000. Т. VII. с. 210. — См. также: Никоновская летопись. Т. X. с. 217; Софийская первая летопись. Т. V. с. 225.
11. Астрахань в старые годы. 1. Вторая половина XVI столетия. Хлебников П. Х. /СПб., 1907. с. 134.
12. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1898. Т. III. с. 61–67.
13. Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также воеводах, градоначальниках и губернаторах. /А.; 1887. с. 15.
14. 14.: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-polietnicheskogo-sostava-naseleniya-astrahanskogo-kraya#ixzz3K09ZBjtq>
15. http://xn—7sbiew6aadnema7p.xn—p1ai/sity_id.php?id=33
16. История становления полиэтничного состава населения Астраханского края / Е. А. Васильева.

Кустарный сектор Арзамаса и Арзамасского уезда. Развитие кузнечного промысла во второй половине XIX века

Чиркунов Илья Вячеславович, аспирант

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Вопреки тому, что село Павлово обладало мощным сталеслесарным кузнечным сектором [1], данный вид промысла свободно развивался поначалу и в других уездах Нижегородской губернии. Отмечалось, что в общей сложности в данном виде промысловой активности было задействовано население нескольких волостей Арзамасского уезда с 26 селениями (в данном случае берутся в оборот еще две волости Нижегородского уезда). Работой занималось около 3 000 дворов [2].

Что можно сказать в целом, относительно работы населения в данной сфере и производства. В основном не выпускалось каких-либо сложных изделий. Ковались только мелкие предметы, которые можно было реализовать. Самым распространенным продуктом кузнецов Арзамасского уезда были маленькие гвозди [3, с. 114–116].

Напомним еще раз, что на занятие любой промысловой деятельностью население толкал недостаток финансовых средств.

Вид промысловой активности населения, о котором сейчас идет речь, не был основным и не являлся определяющим. То есть селения с кустарями-кузнецами не были связаны с собой. Это, по нашему мнению, является отрицательным моментом, поскольку нельзя говорить о том, что 26 селений уезда выступали в роли единой экономической и промышленной единицы, которая имела

общие рынки сбыта, одинаковое качество производства и так далее. Распространение данного вида промысла была весьма хаотичным и разбросанным, в его развитие в разных населенных пунктах порой не поддавалось логике. Например, в больших селениях, которые по идее обладали куда более большим экономическим потенциалом и человеческим ресурсом, кузниц для работы находилось гораздо меньше, чем на небольшой по площади селения соседней волости [2].

Как и во многих других случаях, в данном виде промысловой активности существовали два ярко выраженных направления — промыслы местный и отхожий. Забегая вперед отметим, что данные понятия еще будут встречаться нам в дальнейшем. Для полного понимания необходимо разобраться, что означали эти два понятия. Местный кузнечный промысел, как уже становится понятно из самого названия, предусматривал работу людей занятых в данной сфере в конкретном селении. Здесь могла находиться кузница и таким образом у человека имелось постоянное место работы. С понятием отхожий промысел так же нет ничего сложного. В данном случае человек уходил в соседние селения или уезды, если мы говорим о кустарных промыслах в рамках одной губернии. В кузнечном деле Арзамасского уезда наблюдались и отхожие. Их основным занятием были мелкие кузнечные

работы типа точения серпов, кос и так далее. При этом, у отхожих было специальное оборудование, в сфере кузнечного дела у людей имелись так называемые «холодные кузницы», которые и помогали работать «на стороне».

Местный промысел наблюдался практически во всех селениях, что было логично, в том время как отхожий кузнечный промысел был развит хуже и сосредотачивался на территории Ивашкинской волости [4, л. 51].

На этом дальнейшая классификация не заканчивалась. Структуры местных и отхожих кузнечных промыслов делились на определенные виды. Начнем с отхожего кузнечного промысла, который имел несколько классификаций. Во-первых, езда на сторону для ведения кузнечного дела с целью дополнительного заработка. Во-вторых, наличие такой категории населения, которые ездили на сторону для реализации уже выпущенной продукции в «домашних» кузницах. Обе категории были достаточно распространены по территории Арзамасского уезда, занятых кузнечным промыслом [4, л. 54]. Может показаться, что местное промысловое занятие не имеет возможности делиться на подкатегории. Однако это суждение ошибочно. Есть возможность разделить местный промысел на определенные подкатегории в связи с видом производимой продукции. По крайней мере, это возможно сделать в Арзамасском уезде. Здесь происходило деление на кузницы кустарей, которые производили гвозди (причем, неважно какой тип гвоздей это был), и кузницы кустарей производивших только орудия труда (в пример можно привести кустарей деревни Поляна Яблонской волости, которые были заняты на своих кузницах производством орудия труда, а именно топоров) [5, с. 58].

Ранее мы уже упоминали, что развитие было не равномерным. Стоит сказать, что хуже всего кузнечный промысел был развит в Вадской волости. Всего лишь около 20% процентов населения местности было занято работами в сфере кузнечного промысла. Вад не был единственным населенным пунктом, обладавшим маленьким процентом занятых на кузницах людей [4, л. 38]. Населенные пункты, процент занятого населения на кузницах которого находился в промежутке от 20% до 50% — Крутой Майдан, Стрелка, Чегодаевка и так далее. Вторая категория населенных пунктов, где кузнечным промыслом было занято порядка 50% — 80% населения — Лопатино, Рохманово и другие. Третья категория населенных пунктов, где процент занятого в кузнечном деле населения был самым высоким, от 80% до 100% — это Ивашкино, Сосновка и так далее [2, с. 21–42].

Таким образом, мы наблюдаем несколько категорий населенных пунктов с разным процентом привлечения в сфере кузнечного промысла населения. Стоит сказать о существовании определенной зависимости. Для ряда селений, которые обладали большим количеством кузнецов, в целом кузнечный промысел имел огромное значение. Напротив, для населенных пунктов с малым количеством кузнецов данный вид промысловой активности имел скорее второстепенное значение.

Однако встает вопрос. Если, как мы указывали выше, промыслом занят большой процент населения, то как обстоят дела с традиционной работой на земле? Может показаться, что население совсем забрасывало ее, по той же причине, что абсолютное большинство было занято в сфере кустарной промышленности, в частности в кузнечном промысле. Но это не так, в независимости от занятий, традиционный земледельческий промысел оставался важен для всех и необходимость в нем никто не отменял.

Все-таки находилась категория людей, которым кузнечный промысел приносил больше доходов, чем земледельческий. В данном случае речь шла о людях, имевших свои кузницы и средства, для того чтобы нанимать на работу крестьян [2]. Ну и нельзя не упомянуть бездомных и людей, которые не имели собственного хозяйства. Другими словами у этих групп лиц не было другого средства дохода, и для того чтобы выжить им приходилось заниматься кузнечным промыслом круглый год. Населению уездов с хорошо развитой системой кузнечных отхожих промыслов, последние приносили примерно столько же доходов, сколько и земледелие.

Однако в подавляющем большинстве случаев, население не могло опираться только на земледелие или только на кузнечный промысел. По этой причине летом занимались обработкой земли, а в зимнее, свободное, время занимались промыслом.

В историческом контексте принято считать, что кузнечный промысел зародился в следующих населенных пунктах — Елховка и Рахманово [6, л. 19]. На первую треть XIX века они продолжали считаться главными пунктами кузнечного производства. Так же стоит отметить, что, например, в Елховку данный вид промысловой деятельности был занесен из Балахнинского уезда, которой был известен как один из пунктов строительства речных судов. Для морского транспорта были необходимы различные металлические изделия, а том числе и гвозди. Возможно, производство судов послужило стимулом для развития кузнечного промысла в селениях Балахнинского уезда. Таким образом, данный вид промышленной активности не являлся местным, а был «завозным». Это означает, что его развитию в переделах Арзамасского уезда поспособствовали люди, занимающиеся отходными работами.

Е.М. Строкин был тем крестьянином-бобылем, которые ездил на заработки в Балахнинский уезд и там же обучался кузнечному делу. По приезду домой, им была открыта первая кузница, которая занималась производством гвоздей. Сначала работой занимался сам Строкин, но со временем ковать металлические изделия стали и односельчане. Именно так распространился данный вид промысла по населенному пункту Елховка [7, л. 24].

Поначалу занятие кузнечным делом приносило не плохие деньги [5, с. 69]. Это было связано, в первую очередь, с отсутствием конкуренции. К 1840 году в Елховке имелось уже пять кузниц. После 1850 года данный вид

промысла перешел в другие населенные пункты, такие как — деревня Мордовское, Стрелка, Крутой Майдан, на Вад и окрестности.

Еще одним человеком, который способствовал развитию кузнечного дела, был Г.А. Алексеев. Однако ему принадлежит другая заслуга. Он являлся «изобретателем» так называемой холодной кузницы. В целом под данным понятием имелся в виду набор инструментов в виде ящика и станка, имеющего все кузнечные принадлежности. Полезность холодной кузницы для населения того времени трудно недооценить, так как именно благодаря ей человек мог отправляться на заработки в соседние области имея весь инвентарь для производства изделий при себе.

С развитием кузнечного дела, стали появляться кузницы, на которых работали не сами хозяева, а наемные крестьяне. Численность рабочих на некоторых заведениях достигала 12—15 человек [5, с. 73]. Одним из явлений, хоть и не очень характерным для Арзамасского уезда, было наличие артельных кузниц. Другими словами происходила кооперация кузнецов, например двух десятков человек, с целью на общие средства отстроить кузницу. После завершения строительства полноценного заведения, каждый из кузнецов работал на ней независимо друг от друга, то есть каждый кузнец являлся хозяином сам для себя. По этой причине был высокий заработок.

За неимением артельных объединений, кузнецы уезда были заняты своей работой в кузницах, получивших название «шиповки». Почему такое название? Здесь все просто. На кузницах уезда в основном были заняты работами по производству мелких гвоздей, которые и назывались шиповками. Отсюда и общее название для всех кузнечных заведений. На таких заведениях в среднем работало до 18 человек. Работы на кузницах велись по-разному. Все зависело от двух факторов: времени года и степенью занятости работников. Если мы говорим о времени года, то относительно данного фактора люди работали зимой, так как в лето они были заняты земледелием. Если мы говорим о степени занятости, то стоит отметить, что не все население обладало земельными наделами. По данной

причине безземельные или же бобыли, работали на кузнице круглогодично.

Если вести разговор о материале, то самым ходовым естественно было железо. В Арзамасе сырье было дороже, по этой причине он покупалось в основном на ярмарках или в Нижнем Новгороде. В основном закупка материалов проходила в два этапа, которые зависели от сроков: во время Нижегородской ярмарки и зимой, у Нижегородских торговцев, которые продавали железо. Если речь идет о более богатых людях, содержавших кузницы с наемными работниками, то ими закупка материалов производилась сразу и в больших количествах.

Что касается реализации производимой продукции, то здесь необходимо уточнить несколько моментов. Сбыт обычно происходил в Арзамасе и Нижнем Новгороде [2, с. 58—68]. Однако в Арзамасе тех же гвоздей сбывалось очень мало [2]. Производители старались реализовать продукцию преимущественно в Нижнем Новгороде. Что касается сбыта продукции в зимнее время года, то она производилась по типу обмена на материалы в виде железа. Однако данный обмен был не выгоден, так как за гвозди дается меньшая цена, а за материал большая. Таким образом, производитель терял на обмене, но другого варианта реализации не было. Нередкими были случаи, при которых хозяева кузниц, не имевших средств для того чтобы поехать на ярмарку для реализации своей продукции, просили других людей, отправляющихся туда же, реализовать их продукцию. За такие услуги платились сравнительно не большие деньги в размере 20 копеек.

Кузнечный промысел хоть и получил широкое распространение, но ему не суждено было занять лидирующие позиции в уезде, как это удалось сделать в селе Павлово или же в Красной Рамені [2, с. 70]. Причина достаточно простая, при небольших объемах производства и относительно не малой цене, по той причине, что производство велось в ручную, без введения дорогостоящих новшеств, продукция не могла выдерживать конкуренции в лице машинного гвоздя. Кузнечный промысел, как на местах так и отходный, продолжал свое существование, но в конце XIX — начале XX века являлся уже менее прибыльным занятием.

Литература:

1. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. — Вып. II. — СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения (ВЫСОЧАЙШЕ утверждённого Товарищества И. Н. Кушнерёв и К), 1896.
2. Карпов, А. В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда. — Арзамас, АГПИ, 2010.
3. Деньгин, Д. Д., Захарова Н. В. Промыслы Нижегородской области: история и современность \\ Нижегородский краеведческий сборник. — Т. 1. — Н. Новгород, 2005.
4. ГУ ГАНО, Ф. 2, Оп. 1, ед. хр. 74.
5. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. — Вып. 7 — Спб., 1879.
6. ГУ ГАНО Ф.2, Оп.1, ед. хр. 203.
7. ГУ ГАНО Ф.2, Оп.1, ед. хр. 207.

Military-administrative Posts and Ranks in the khanate of Khiva during the Reign of Kungirotdynasty (2nd half of the XIXth century and the beginning of the XXth century)

Эшмурадов Мадамин;
Абдалов Умидбек Матниязович, ассистент
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Eshmuratov Madamin;
Abdalov Umidbek Matniyazovich
UrSU (Urganch, Uzbekistan)

History embodies the profit of unique society in the period of profits collision. Time, the creator of human profit, is the author and heir of the chain of uncountable development and decline.

Researching special features of long century development of Uzbek government is one of the important issues of contemporary history.

The research being conducted now has not been separate research so far. Only little information was given by authors who worked on the history of the khanate of Khiva. These are the facts regarding the fields of castle, administrative-regional, military, religious posts and ranks.

Speaking about understanding rank bearers duties, administrative terminologies translations and comments as A. A. Syemyonov and M. Yo Idashev showed correctly, was a barrier for historians and orientalist [1, p. 1848].

The works written by scholars and travelers about government system, ranks and positions, duties have a great role.

For example, the works and booklets of L. F. Kostenko, L. Soboloyev, M. I. Ivanin, N. N. Muravyov, G. I. Danilovskiy, L. Vamberi, V. V. Bortold, A. A. Syemyonov, P. P. Ivanov, M. Yo Idashev, castle historians Ogahiy and Bayoniy and also scientific member of the Khiva Museum, uzbek national artist A. Boltayev and Sh. Vohidov are among the most valuable works.

Officials family tree was cited in different lists and documents in the archive of Khiva, introducing with their title and ranks properly has a big part for not only the building the system of the administrative office, but to learn the development process of Khiva government.

Finance-tax office was perfect in the khanate of khiva, firstly, it was characteristic for for administrative apparatus of government. That is why officials working at this office have a special role in the country. the three men, mehtar, qo shbegi, and devan at finance-tax office.

As N. N. Muravyov cited, Khan's treasure was under the will of **mehtar**, he counted income-outcome, accepting foreign ambassadors and feeding them was also under his will. When the khan made a trip out of Khiva he believed to rule the khanate to mehtar, sometimes even the khan relied him his own governing power also [2, p. 60].

Mekhtar (persian word) -means big, grand, greatest. Mekhtar was chosen from closest people around khan and at the

same time one of the khan's kinsman. Mekhtar was considered as the treasurer and prime minister.

«Qosh begi» the second minister was also the member of council. He was from qiyot-kungurotdynasty as the khan. He was considered as the representative of the clan in conflictive situation and everybody respected him [2, p. 60–61].

Qoshbegi (from turkish «qo'sh» — means military camp, «begi»-the chief, the head, the head of the military camp). Qoshbegi was the second minister in Khivian khanate (a lot of historians called this title as «the head of hunters»).

Qoshbegi, devonbegi, mekhtar and yasovulboshi were the owners of military industrial ranks or the commanders of its departments and of course took part in battles. Qo'shbegi and mekhtar was paid by the khans special decree and they got salary according the ammount of taxation [3, p. 260].

In XIX century. the owners of the above mentioned ranks took main part in social-political life of the khanate. In archieve notes there we can find special chapter which was called «Beklar»(the governors, ministers).

Bek (from turkish) was the name of the title. The word bek means in its origin the governor, but it was used with the meaning *sir*. Among central asian people the word meant the governor of the city or region. This title was given to the khan's relatives and other statesmen's children as the honorary degree.

The rank following after the rank «bek» was «beklarbegi». Beklarbegi (from turkish) was the honorary and military title was awarded to the chiefs of karakalpak and other nations. His main function was checking up the regular tax-collection from his tribe and controlling the tax delivery to the khan's treasure over. Beklarbegi (the assistant of the bek) was the commander of the troop he ruled over a number of «yuzboshi»(the leaders of hundreds) [4, p. 112, 113, 114].

It is known that, **mekhtar**, as the prime minister of the state he was the leader of external affairs of the country besides being responsible for finance, tax and charity affairs. In this sphere **shigavul (a rank)** was the direct assistant of the **mekhtar**. Shigavul, from turkish-mongolian, means the assistant of mekhtar.

The activities of shigavuls were closely connected with the activities of «bukhri». Bukhri a the spy or secret service serviceman. As we can in the 60-notebook of the Khivian

khanate archive, Bukhriy Makhmudbek, Bukhriy Bolokhon got 20 golden coins as the salary (at that time, the officials on the ranks of mekhtar, qoshbegi, devonbegi, bek, beklarbegi and shigavul got about 20 golden coins as wages pay) [4, p. 203–204].

As a result of administrative-territorial reforms implemented during the reign of Mukhammad Rakhimkhon, the khanate was divided into regions and districts which were called «machit». All the administrative and political affairs concerning to the region were in hand and under control of «khokim»-governors and his «noib»-assistant, vice-governors. They were designated from the owners of large landlords, khan's kins and relatives and makhrams (from relatives of khan's wife). The Khokim or governor was the khan's representative in the region. The governors assistants «noib», the chief of hundreds «yuzboshi» and «katkhudo» or leaders ruled the towns in the khanate. In the villages all affairs were under control of imams and «merob» [5, p. 2].

Mirshab (from arabic, persian «mir»-the chief, «shab»-night) has two meanings which of the first one means, night guard, the chief night guard and the second meaning is the night governors of the towns, a rank in khanates of Central Asia, whose post is to control public discipline in towns. Mirshab began his working day after 6 pm everyday, because, at this time, all town markets were closed and in an hour the town gates were closed and the town abated. From this time, nobody shouldn't go out of the house and walk along the streets of the town. All who broke the rule were caught by the «mirshab» and brought to «mirshabkhona» or police office [6, p. 77].

In central Asian khanates the permanent soldiers of troop were called «Sarboz». Sarboz (from persian) means the regular or permanent soldier of the army. In Khivian khanate they were gathered during war times and they were about 30–100 thousand in an army.

The chief commander of the military forces in Khivian khanate was «Amir ul Ulamo» from arabic. Amir ul Ulamo meant the chief amir of amirs or the greatest of all amirs. Amir ul Ulamo from Chigatoy dynasty period, was the commander of all military affairs. During the reign of amir Temur and other Temuriyds, he was the chief supreme commander in some situations the amir's vice-executer, it was a title established in 1272 (1855–1856) in the khanate [7, p. 376 a].

There was another rank of «Mingboshi» (the chief of thousand men) which in khivian khanate mean the chief of «yasavul» (mounted guard), but in Kukon khanate the title was given to the person who stands in second post after the khan. It means that «mingboshi» (from turkish) is a military and administrative title in khivian khanate which means he head of the Yasavul (from mongolian, means a small functionary or state official) and ruled the small military and administrative posts in the khanate.

Besides above mentioned ranks and titles, there were also the titles and posts of «sarkhang» (a responsible official on building defending fortresses), «kutvol» (who was responsible to reconstruct the damages of the fortified city), «sarkarda» (commander, troop leader), «nakib» (the title awarded to sayids and khodja who were considered the noblemen of the khanate), «navkar» (khan, padishakh, sultan and prominent lords' the permanent military serviceman).

In conclusion, we can say that historical process is the direct human development, but the foundation of civilizations and social life as its result, spiritual heritage of the society in its turn connected with a person's spirituality and value. It is required to identify the future progress and forecast by comprehending the content of real development process as foundation of civilization.

References:

1. Семёнов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // СВ. 1848, № 5
2. Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг. гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного к сию страну для переговоров. Ч. 1–2, — М., 1822. 60 б.
3. М. Yo'ldoshev. Ko'rsatigan asar. 260 b.
4. Ivanov P. P. Ko'rsatigan asar. — 112, 113, 114 b.
5. Кун. Л. А. Культурный оазис Хивинского ханства // ТВ. 1874. — С. 2
6. Чориев З. Тарих атамаларининг қисқача изоҳли лўғати. — Т.: Шарк, 1851. — 77 б.
7. Вайони. Хоразм тарихи. 376 а — б.

СОЦИОЛОГИЯ

Депатриотизация современной молодёжи: тенденции и причины

Белоганов Валерий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент;

Будаева Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент

Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Рассмотрены проблемы патриотического воспитания молодежи на современном этапе и положение, в котором она оказалась в результате преобразований происшедших в обществе. Исследования посвящены углубленному рассмотрению особенностей депатриотизации современной молодёжи и её самоопределения в выборе своего пути. Использован вид аналитического исследования для оценки современного молодого человека и представителем какого поколения мог бы назвать себя. Выявлены результаты депатриотизации современной молодежи, полученных в результате социологического опроса студентов факультета Экономики и управления ЗабГУ г. Чита и учащихся многопрофильного лицея г. Борзя Забайкальского края в марте 2015 года. Полученные результаты позволили выяснить причины и тенденции негативной направленности этих оценок на значение патриотического воспитания молодёжи в современных условиях. Обоснованы условия образования негативных процессов, происходящих в основных социальных институтах российского общества, оказывающих деструктивное воздействие на человека, семью, общество в ущерб сохранению и развитию традиционно — патриотических основ нашего бытия. Определены основные меры необходимые для нормального развития общества и формирования чувства долга и уважения к Отечеству. Предлагаются рекомендации по воспитанию патриотов, способных вывести страну из экономического и нравственного кризисов, защитить Россию от любого вмешательства извне и любых проявлений терроризма.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, безопасность, ценности, традиции, молодёжь, самосознание, тенденции, депатриотизация, экономические и социальные перемены, общество, космополитизм, вестернизация.

В настоящее время, складывающиеся и постоянно, изменяющиеся под воздействием различных, в том числе не всегда прогнозируемых, мало управляемых факторов, условия и обстоятельства возвышаются над всеми социальными и государственными институтами, над самим человеком. Сложности и противоречия такой жизни, её бурное, изменяющееся течение «... ломает политические замыслы, сметает министров, премьеров и президентов, заставляет воевать ещё недавно «братские» народы, бросает в объятия друг друга вчерашних врагов... Жизнь переучивает и перевоспитывает многих академиков, профессоров и учителей — тех, кто ставит цели воспитания, учит и воспитывает» [2, с 24]. Гораздо большее воздействие, очень мощное и сильное по своей неотразимости влияние оказывает такая жизнь и сложившаяся в ней социально-педагогическая ситуация на детей и молодёжь, на их несформировавшиеся сознание, чувства и волю. «Дух общества», среда обитания с их стихийными, неписаными требованиями и принципами, словно гигантский и могучий пресс, мнут и ломают, часто уродуют взгляды

и принципы людей, формируя их новый лад, зачастую помимо воли самого человека, тем более — молодого, сводя на нет усилия тех, кто пытается его воспитать — родителей, учителей и педагогов [3, с 25].

И хотя, как это представляется, молодёжь призвана использовать предоставленные ей возможности для самостоятельного самоопределения и выбора своего пути, на практике, в условиях нашей отнюдь не совершенной действительности, в этой связи возникает большая, во многом неразрешимая проблема. Современный молодой человек далеко не всегда может подняться над условиями, обстоятельствами, в которых он оказался не по своей, а нередко и вопреки своей воле и преодолеть сложности, трудности на пути к желаемой цели [4, с 81]. В этой связи весьма характерным является понимание самой молодёжью того положения, в котором она оказалась в результате преобразований, происшедших в обществе и что обуславливает её самооценку как относительно самостоятельной социальной группы нашего общества. Эта самооценка, выраженная в наиболее общем виде, выяснилась в ходе

выборочного анкетного опроса студентов факультета Экономики и управления Заб ГУ г. Чита и учащихся многопрофильного лицея г. Борзя Забайкальского края в марте 2015 года. 528 респондентам был задан вопрос: «С какой из приведенных ниже оценок современного молодого человека Вы согласны?» В качестве ответа предлагались различные варианты предельно краткой характеристики молодёжи. Мнение респондентов не исчерпывалось лишь одной позицией: на один и тот же вопрос могло быть дано 2–3 варианта ответа. Сумма ответов дала следующие оценки подрастающего поколения: скептическое — 21,72%, агрессивное — 15,32%, циничное — 7,22%, обманутое — 9,25%, не пуганное — 8,16%, прагматическое — 8,52%, поколение надежд — 12,71%, разочарованное — 4,52%, потерянное — 9,25%, поколение примирения — 3,33%. Весьма очевидной представляется общая негативная направленность этих оценок, их тревожно-обострённое звучание на Диаграмме 1. «Оценка современного молодого человека».

Пессимистическое начало, скептицизм, катастрофичность самосознания и даже самоуничижение представителей молодёжи еще в большей мере проявились в формулировках собственных оценок, которые были дописаны респондентами в анкетах. Среди этих оценок можно выделить следующее: «Поколение трезвого взгляда с некоторой творческой потенциальностью», «Поколение, которое ещё ни чего не сделало», «Поколение с отсутствием надежд», «Поколение прагматиков и рационалистов», «Новое поколение», «Вымирающее поколение», «Уезжающее поколение», «Жертвенное поколение и некоторые другие». Примечательно, что среди многообразия этих оценок не оказалось формулировок типа: «Молодёжь — будущее России», «Молодёжь-наследница славы и величия России», «Молодёжь — цвет общества». И совершенно исключались такие оценки, как «Молодёжь — преемница лучших российских традиций и патриотизма».

Следующий вопрос анкеты: «Представителями какого поколения Вы могли бы назвать себя?» Считают себя

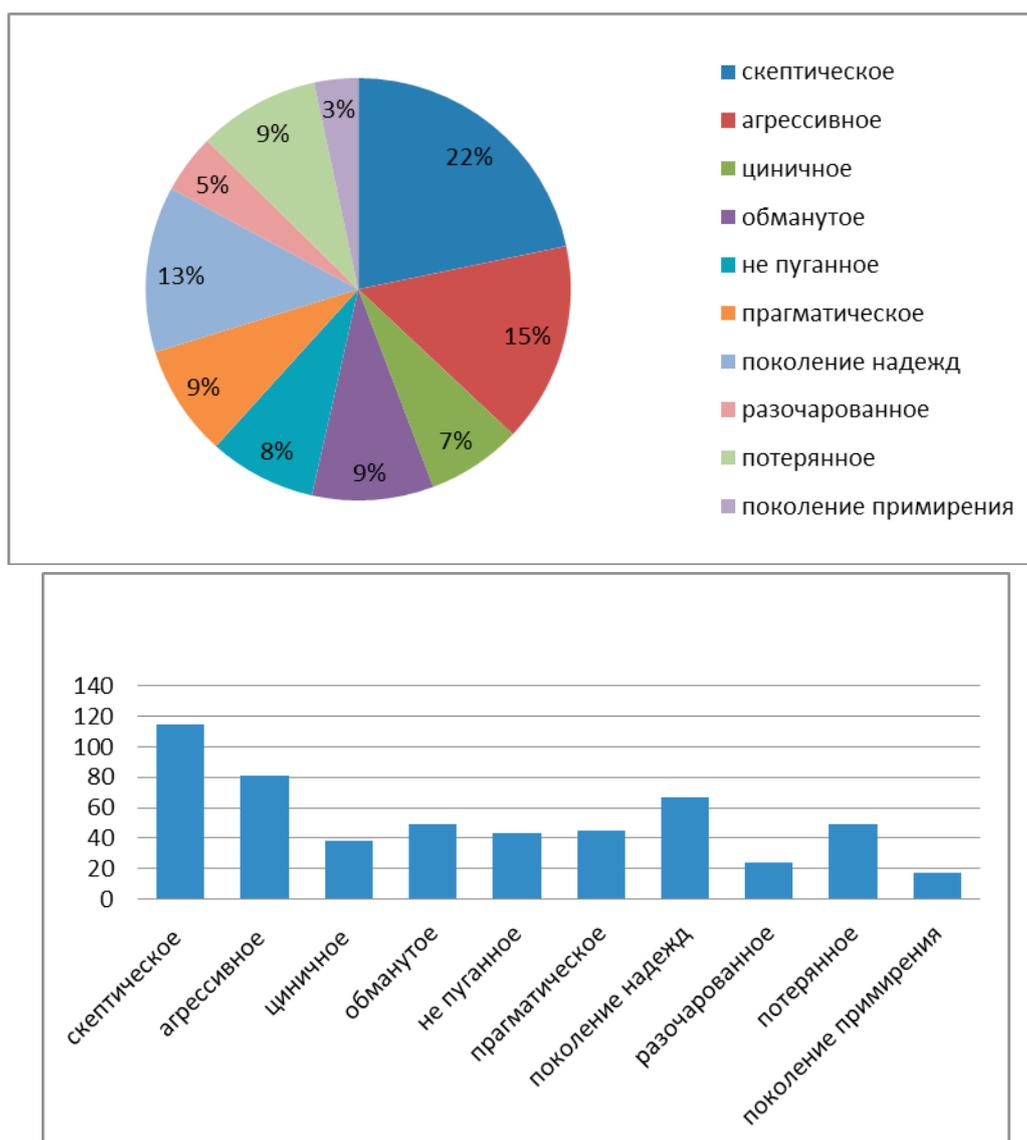

Рис. 1. Оценка современного молодого человека

представителями поколения надежд — 23,64%, разочарованного — 14,32%, скептического — 14,39%, агрессивного — 12,88%, циничного-11,79%, обманутого-9,85%, не пуганного — 5,89%, прагматического — 3,53%, потерянного — 1,82%, поколения примирения — 1,89%.

Результаты анкетирования в целом не могут не вызывать озабоченности. Большая часть молодых людей, испытав горечь первых неудач и поражений в столкновении с самой жизнью, потеряла веру в возможность разумного, оптимального, успешного решения возникших перед ним проблем. Во всяком случае, многие молодые люди уже не рассчитывают на предоставление им условий для нормальной и полноценной жизни в столь сложный и противоречивый период. Как показывают результаты исследования, каждое новое поколение российской молодёжи по целому ряду показателей социального положения и развития заметно уступает предыдущему. Оно менее развито в физическом, умственном, духовном и культурном от-

ношениях, более безнравственно и криминально, с ярко выраженными проявлениями негативного отношения к труду, отчуждения от общества, государства, политики, здоровой экономики, это показано на Диаграмме 2, что вызывает беспокойство за будущее России [5, с 81].

В молодёжной среде, как и во всём обществе, сегодня очевидным является преобладание воздействия последствий разрушительных процессов, прошлых 90-годов над созидательной работой и положительными переменами, происходящими в последнее время [6, с 82]. Одной из главных причин негативных процессов, происходящих в основных социальных институтах российского общества, оказывающих деструктивное воздействие на человека, семью, общество, является их депатриотизация, то есть превознесение и насаждение либерально-рыночных, «общечеловеческих» ценностей в ущерб сохранению и развитию традиционно—патриотических основ нашего бытия это проявляется в следующем.

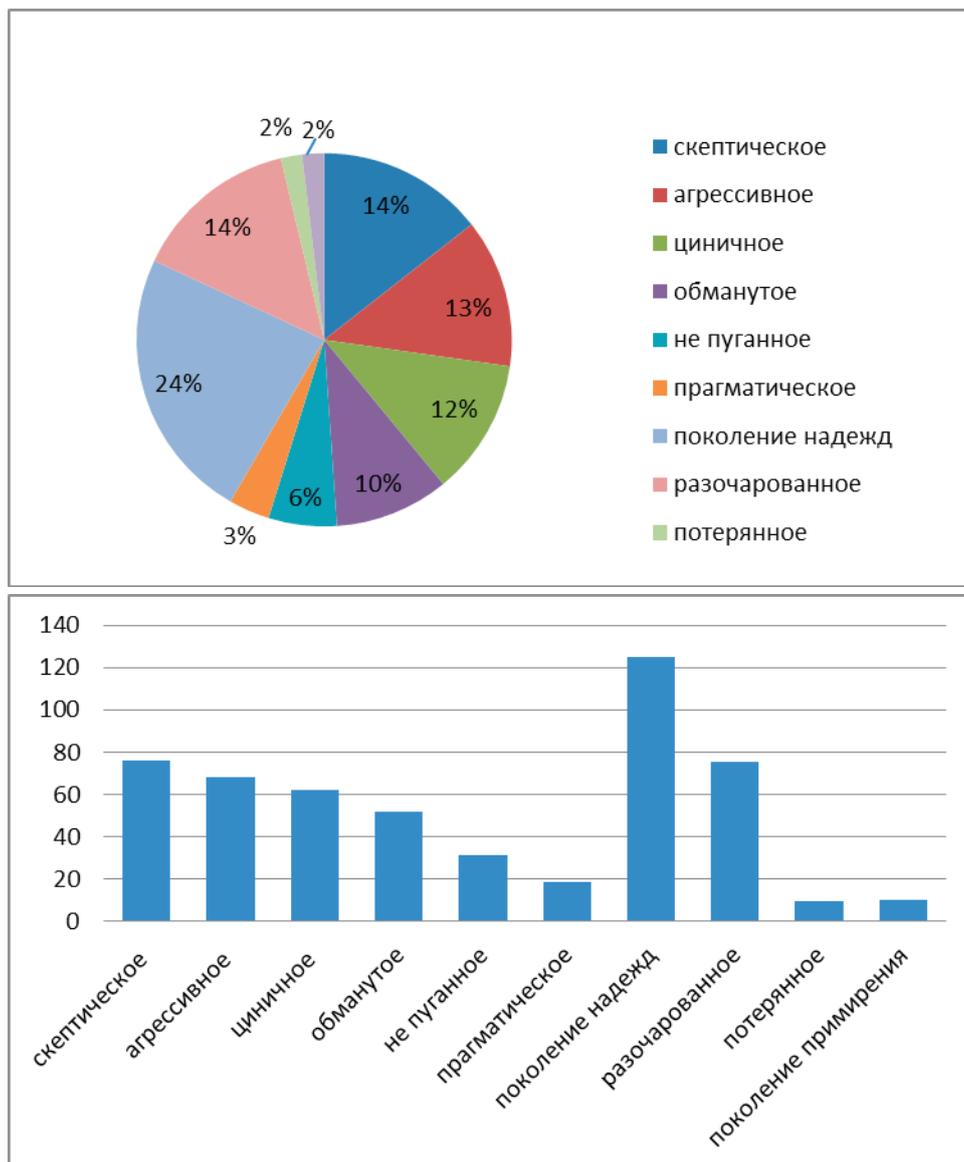

Рис. 2. К представителям какого поколения относят себя

1. В информационной сфере господствует насаждение, целенаправленное внедрение в общественное сознание, особенно в отношении подрастающего поколения прозападных либерально—рыночных ценностей, норм, образцов и стереотипов поведения, развращающих духовность и нравственность, позитивные идеалы, ориентиры и ценности. Патриотический компонент занимает в современном российском информационном пространстве лишь незначительное место, проявляется эпизодически—конъюнктурно, подвергается неослабевающему негативному воздействию и изошренно трансформируется. Большинство средств массовой информации являются проводниками космополитизма и вестернизации и антипатриотичны.

2. В научной сфере многие важнейшие проблемы патриотизма и патриотического воспитания не решены и не решаются. Системного подхода к этой деятельности нет. Научный потенциал соответствующих научных и образовательных учреждений, особенно гуманитарных, в абсолютном большинстве не реализуется. В результате все более утрачивается их истинный смысл. Вместо патриотизма утверждается лжепатриотизм в различных разновидностях. Соответственно современному патриотическому воспитанию присущи размытость, односторонность, фрагментарность и другие негативные проявления.

3. В связи с отсутствием Закона о патриотизме и попыток инициировать его разработку и принятие на всех уровнях деятельности субъектов, участвующих в патриотическом воспитании, имеется множество нерешенных вопросов организационно—правового характера. Очень слабой является правовая основа для организации и проведения важнейших, в том числе традиционных форм патриотического и военно-патриотического воспитания («Зарница», «Орленок», «Движение Постов № 1», поисковое движение, ОСОЛ и др.).

4. В культурной сфере продолжается разрушение и вытеснение подлинной высокой культуры посредством тотального и агрессивного насаждения поп— и масскультуры в кино, театре, музыке, живописи, моде и т.д. Образцы традиционной духовной культуры, подменяются вульгарными псевдоценностями, не оставляющими место патриотическим нравственным основам.

5. В сфере программно-реализационной деятельности Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2010—2014 гг.» и разработанные на ее основе программы в некоторых министерствах, ведомствах, а также регионах характеризуются слабой системностью, неопределенностью в отношении главных приоритетов и целей, низкой эффективностью механизма реализации. Соответствующие министерства и ведомства — главные исполнители Государственной программы — реализуют лишь незначительную часть своего потенциала в качестве субъектов патриотического воспитания даже в ее рамках [7, с 48].

Сложным или очень сложным является положение дел с реализацией программ патриотического воспитания во многих регионах: отсутствие системного подхода, од-

носторонность и ситуативность проводимых мероприятий, их слабая эффективность, низкий процент охвата населения и другие причины. Многие программы и проекты характеризуются слабой проработанностью, что предопределяет низкую эффективность осуществляемой в соответствующих министерствах, ведомствах, органах, организациях и регионах деятельности по патриотическому воспитанию граждан. Определенные усилия по обеспечению координации и управлению деятельностью исполнителей Государственной программы в рамках ее реализации осуществляют Российский военный центр (в отношении некоторых министерств, ведомств, органов, организаций и регионов в большей или меньшей степени), а также отдельные министерства и ведомства (Министерство обороны, Федеральное агентство образования) и некоторые регионы. Однако системного, постоянного, эффективного механизма координации и управления этой деятельностью нет, особенно на горизонтальном уровне — между министерствами, ведомствами, органами и организациями, даже ветеранскими; между регионами (субъектами РФ), между объединениями (клубами) патриотической направленности не только на федеральном, но и на региональном, в том числе и на местном (органы местного самоуправления) уровне (за небольшим исключением). Отсутствует единый орган координации и управления патриотическим воспитанием, который был бы способен осуществлять взаимодействие между основными субъектами патриотического воспитания, как по вертикали, так и по горизонтали. Вследствие крайней недостаточности такого взаимодействия крайне сложно говорить о системе патриотического воспитания во всероссийском масштабе. Финансирование патриотического воспитания является не только недостаточным, но и просто мизерным. Причина — в негативном отношении к этой деятельности в Правительстве РФ и прежде всего в Министерстве финансов. На пятилетнюю Государственную программу этим ведомством выделено менее 400 млн. руб. из федерального бюджета [8, с 105].

Естественно, таких средств явно недостаточно не только для развития, но и хотя бы для продолжения деятельности по патриотическому воспитанию на минимальном уровне. В большинстве субъектов РФ, которые являются дотационными, финансирование патриотического воспитания является недопустимо низким, а в ряде из них отсутствует вообще. Внебюджетные источники, спонсорская помощь имеют очень слабое распространение.

Использование учебно-материальной базы и соответствующих средств Минобороны, МВД, МЧС, РОСТО, как правило, затруднено и обусловлено многочисленными ограничениями. В отсутствие системного и централизованного обеспечения данная проблема давно стала проблемой самовывживания для тех, кто непосредственно осуществляет работу по патриотическому воспитанию, особенно на местах. Уровень методического обеспечения патриотического воспитания на всех ступенях его осуществления с основными категориями граждан, особенно с учащейся молодежью, является очень низким.

Данное направление патриотического воспитания давно прекратило свое существование в деятельности абсолютного большинства научных и образовательных учреждений, потенциал которых используется совершенно для других, не связанных не только с патриотическим воспитанием, но и просто с воспитанием целей. Характерно, что именно в высшей школе (за очень редким исключением) отсутствуют основы методики патриотического воспитания студентов. Методическое обеспечение общеобразовательной школы, дошкольных образовательных учреждений, семьи — удел, как правило, очень немногих энтузиастов.

Отсутствие системы планирования подготовки и повышение квалификации кадров в области патриотического воспитания не соответствует либо лишь частично соответствует их специальности. Чтобы противопоставить этим разрушительным центробежным процессам, ослабляющим общество изнутри необходимо, прежде всего, изменить систему высших ценностей, курс развития, внутреннюю политику в важнейших сферах нашей жизни и деятельности. Совсем другой, патриотически направленной, должна стать молодежная политика, до сих пор лишенная сколь ни будь вразумительной стратегии. Она должна быть национально-ориентированной, направленной на создание условий для самореализации молодежи во благо общества и государства во всех областях. При этом должна быть восстановлена тесная, неразрывная связь между старшим и подрастающим поколениями на всех уровнях государственной и общественной жизни, и прежде всего в семье.

В настоящее время всё острее проявляются тенденции возрастания интереса молодёжи как далёкому, так и к недавнему прошлому нашего Отечества, к духовно-нравственным и социально-философским проблемам. Это означает, что в молодёжной среде идёт поиск жизненных духовных ориентиров. Следовательно, возрождение патриотизма подрастающего поколения не только на макроуровне, но и в семье является одной из первостепенных и неотложных задач. В этой связи следует наращивать усилия по созданию качественно новой системы патриотического воспитания детей и молодежи на базе Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 годы». В качестве обобщенных оценочных показателей реализации Программы нравственно-духовными ориентирами первые два места занимают:

- 1) повышение толерантности, снижение степени идеологического противостояния в обществе;
- 2) упрочение единства и дружбы народов.

Одной из концептуальных общегосударственных задач сегодня является разработка методологии и теории воспитания российского патриотизма и дружбы народов, значительное повышение роли социальных институтов воспитания, в том числе учебных заведений, семьи и т.д. Воспитание молодого поколения должно стать общенародным делом. Ведь российская молодежь сегодня — это

38 млн. граждан в возрасте 14... 30 лет, составляющих 27% населения страны. В недалеком будущем — это основной трудовой ресурс страны, от гражданской позиции, духовно-нравственных установок и социальной ответственности которого зависит будущее всей России, ее устойчивое развитие. Поэтому особое значение приобретает выстраивание системы работы с молодежью, обеспечение взаимодействия государства, общественных и религиозных институтов в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодого поколения, стимулирование творческой, инновационной активности молодежи, сохранение физического и духовного здоровья, профилактика асоциальных проявлений в молодежной среде [1].

В настоящее время нашему государству жизненно необходимо воспитывать патриотов, способных вывести страну из экономического и нравственного кризисов, защитить Россию от любого вмешательства извне и любых проявлений терроризма. Исходя из вышеперечисленного, можно предположить принятие ряда мер, необходимых для нормального развития общества и формирования чувства долга и уважения к Отечеству, а именно:

поднять на должный уровень современного государства производственную и социальную инфраструктуру;

для молодых ученых и талантливых личностей создать условия для научной и творческой работы, чтобы не было «утечки мозгов» за границу;

создать новую эффективную систему патриотического воспитания, обеспечивающую оптимальные условия развития у населения любви к Отечеству, готовности к укреплению основ общества и государства, достойному и честному выполнению обязанности гражданина и патриота Отечества, осуществлять мероприятия по активизации патриотического воспитания на всех его уровнях;

формировать у молодежи уважительное отношение к военной истории Отечества, участникам войн и военных конфликтов, готовность служить обществу и государству;

активизировать борьбу с негативными и чуждыми проявлениями в молодежной среде — преступностью, наркоманией, проституцией и т.д.;

формировать и культивировать как основу патриотизма идеи духовного единства и сотрудничества, дружбы народов, межнационального согласия.

Таким образом, анализ проблем современной молодежи свидетельствует о наличии большого числа негативных тенденций в ее социальном становлении и развитии. Хотелось бы отметить, что то, каким будет подрастающее поколение, во многом зависит от отношения к молодежи со стороны общества. Изменение этого отношения позволит сформировать более позитивное отношение молодежи к самой себе и даст ей возможность создать новый поведенческий стереотип, соответствующий социальным требованиям и нормам, принятым в нашем обществе. Решение этих требований служит сильная государственная политика, составной частью которой является государственная молодежная политика.

Литература:

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»
2. Лутовинов, В. И. Молодёжь: будущее России. М.: ИМ, 1995. — 24 с.
3. Лутовинов, В. И. Молодёжь: будущее России. М.: ИМ, 1995. — 25 с.
4. Лисовский, В. Т. Социология молодёжи. Кн.1. М.: ИМ, 1995. — 81 с.
5. Лисовский, В. Т. Социология молодёжи. Кн.1. — М.: ИМ, 1995. — 81 с.
6. Лисовский, В. Т. Социология молодёжи. Кн.1. — М.: ИМ, 1995. — 82 с.
7. Медведев, Ю. В. О проявлении депатриотизации в современной России. Материалы российской научно-практической конференции. Уфа: 2008. — 48 с
8. Фролов, В. Ф. Проблемы развития личности в современном российском обществе. М.: ИМ, 1996. — 105 с.

Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте

Каршибаева Гулноза Абдукадыровна, преподаватель
Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Суицид — умышленное самоповреждение со смертельным исходом. Психологический смысл этого явления, чаще всего заключается в реагировании аффекта, снятии эмоционального напряжения, ухода от той ситуации, в которой человек волей неволей оказался.

Отечественная наука трактует суицид как действие, содержащее явное или неявное намерение лишиться себя жизни. Также существует термин «пубертатный суицид». Им обозначают целое явление, это — подростковые самоубийства. Проблеме суицидального поведения уделяется особое внимание.

Особое внимание уделяется проблеме суицидального поведения.

Суицидальное поведение — это проявление суицидальной активности. Оно включает в себя суицидальные мысли, намерения, высказывания, угрозы, суицидальные покушения и попытки. При истинном суицидальном поведении намерение лишиться себя жизни не только обдуманно, но и нередко долго «вынашивается».

Важно понять, что подростковый суицид сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Период подросткового возраста в психологии характеризуется как кризисный период. Это момент перехода из детства во взрослую жизнь. Подросток — это уже не ребёнок, но еще и не взрослый. У него появляется новообразование — «чувство взрослости», а новых смыслов, ценностей взрослой жизни, форм взаимодействия во взрослом мире еще нет. Ведущей деятельностью в этот период является общение со сверстниками. Быть принятым в своем окружении друзьями и одноклассниками становится гораздо значимее и важнее, чем у взрослого человека. Сложный кризисный период подросткового возраста характеризуется не только внутренними конфликтами самого ребенка, но и появлением огромного количества конфликтов с окружающим миром. Мир для него кажется пока непонятным, неясным, пугающим. Попытка войти

в новый, взрослый мир связана с проблемами, которые подросток не в силах решить самостоятельно, и не в силах объяснить это окружающим.

Подростки, как правило, более чувствительно, более сердито и импульсивно реагируют на события, чем люди из других возрастных групп. Наконец, внушаемость подростков и их стремление подражать другим, в том числе тем, кто пытается покончить с собой, может создать почву для суицида.

Самоубийство подростка чаще всего рассматривается как результат того, что его крик о помощи не был услышан вовремя. Но, кроме того, это поступок, при помощи которого юноша или девушка пытается привлечь к себе внимание.

В отечественной и зарубежной литературе наиболее часто используют такую классификацию суицидального поведения: демонстративное поведение, аффективное поведение и истинно суицидальное поведение.

Демонстративное поведение — стремление подростка привлечь внимание на себя и свои проблемы, показать, как ему трудно справляться с жизненными ситуациями. Это своего рода просьба о помощи. Как правило, демонстративные суицидальные действия совершаются не с целью причинить себе реальный вред или лишиться себя жизни, а с целью напугать окружающих, заставить их задуматься над проблемами подростка, «осознать» свое несправедливое отношение к нему. При демонстративном поведении способы суицидального поведения чаще всего проявляются в виде порезов вен, отправления неядовитыми лекарствами, изображения повешения.

Аффективное суицидальное поведение — суицидальные действия, совершенные под влиянием ярких эмоций относятся к аффективному типу. В таких случаях подросток действует импульсивно, не имея четкого плана своих действий. Как правило, сильные негативные эмоции — обида, гнев затмевают собой реальное восприятие действи-

тельности и подросток, руководствуясь ими, совершает суицид в аффективном состоянии. Суицидальное поведение чаще проявляется попытками повешения, отравления токсичными и сильнодействующими препаратами.

Истинное суицидальное поведение характеризуется продуманным планом действий. Подросток заранее готовится к совершению суицидального действия. При таком типе суицидального поведения подростки чаще оставляют записки, адресованные родственникам и друзьям, в которых они прощаются со всеми и объясняют причины своих действий. Поскольку действия являются продуманными, такие суицидальные попытки чаще заканчиваются смертью. При истинном суицидальном поведении чаще всего прибегают к повешению или к прыжку с высоты.

Причины суицида очень сложны и многочисленны. Их можно искать в биологических, генетических, психологических и социальных сферах человека. Несмотря на то, что подростки обычно совершают суицид в экстремальных ситуациях, таких, как публичное унижение, проблемы в учебе, предательство, большинство экспертов предполагает, что это скорее повод для совершения суицида, чем его причина.

Э. Шнейдман выделяет такие общие черты, свойственные всем суицидентам:

— общая цель всех суицидентов — поиск решения. Цель каждого суицида состоит в том, чтобы найти решение стоящей перед человеком проблемы, вызывающей интенсивные переживания.

— общим стимулом при суициде является невыносимая психическая (душевная) боль. Боль рассматривается как мучение, душевные страдания и терзания. Невыносимая душевная боль является тем, от чего хочется избавиться или убежать. Никто не совершает суицид от радости.

— общей суицидальной эмоцией является беспомощность. В суицидальном состоянии человек испытывает состояние безнадежности, бессилия, беспросветности, уныния, а нередко депрессии.

— общим внутренним отношением к суициду является двойственность. Это одновременное переживание двух противоположных чувств, например, любовь и ненависть.

— общим действием при суициде является бегство (агрессия). Смыслом самоубийства является избегание чего-то.

Во многих литературах можно встретить описание различных причин подростковых суицидов:

- конфликт в личной жизни;
- одиночество;
- воздействие искусства;
- неразделенные чувства;
- нестандартная ориентация;
- разрушение этических традиций;

Вместе с тем, следует иметь в виду, что мотивировки самих суицидентов редко совпадают с истинными мотивами суицида.

Суицидальные действия обычно носят спланированный характер и совершаются в одиночестве. Реакция данного типа характерна для зрелых лиц старше 40 лет, у которых совершению суицида обычно предшествует выраженное депрессивное состояние. Необходимо отметить, что у большей части суицидентов на ранних этапах суицидального поведения наблюдается состояние борьбы мотивов: с одной стороны, возникают суицидальные побуждения, с другой — появляются мысли об обязательствах перед детьми, нежелание доставить горе близким, страх смерти и прочие, удерживающие человека от совершения суицидального акта мотивы. Другими словами, суициденты переживают борьбу суицидальных и антисуицидальных мотивов. Чем сильнее выражены последние, тем меньше вероятность совершения суицидального акта.

На разных этапах подросткового возраста — раннем (12–14 лет), среднем (15–16 лет) и старшем (17–18 лет) существуют свои особенности формирования и проявления суицидального поведения, связанные со спецификой физиологии, психологии, личностными и поведенческими индивидуальными качествами.

В младшем подростковом возрасте суицидальные проявления, как правило, не планируются заранее, попытки самоубийства совершаются при помощи первых попавшихся под руку средств. У этой группы подростков покушения на самоубийство не имеют тяжелых медицинских последствий. Это не истинное стремление к смерти, а желание избежать конфликта, уклониться от трудной ситуации.

В средней возрастной группе суицидальные проявления характеризуются демонстративными самоповреждениями, попытками, имеющими целью отомстить обидчику, наказать окружающих. Часты попытки суицида в состоянии аффективного напряжения, в кульминационные моменты конфликта, а медицинские последствия таких покушений бывают тяжелыми. Для подростков данной возрастной группы характерны приступы раздражительности и злобности, эмоциональной неустойчивости, жажда чувственных (сенсорных) переживаний в сочетании с бедностью интересов, ограниченностью кругозора, неадекватным реагированием на различные ситуации обмана, крушения надежд, неудачи. Такие подростки еще неустойчивы к стрессам, практически не владеют навыком самоконтроля.

Чем меньше возраст, тем ярче обнаруживается агрессивная направленность в психологической структуре суицидального поведения. В описанных типах 1–4 агрессивный компонент уменьшается. По мнению большинства исследователей, наиболее суицидогенны те семьи, которые внешне благополучны, но внутри них — скрытые конфликты. Семьи с асоциальной направленностью способствуют адаптации ребенка к такой же среде, выполняя роль защитных механизмов. Для младшего пубертата наиболее суицидоопасны внутрисемейные конфликты, для среднего и старшего — конфликты со сверстниками и в школе. Социально-психологические факторы играют

решающую роль в стимуляции всех видов суицидального поведения. Среди них на первом месте оказываются факторы дезадаптации, связанные с нарушением социализации, когда статус не соответствует уровню притязаний.

Одним из главных факторов суицидального поведения в подростковом возрасте выделяют неблагоприятную семейную обстановку. Разрушительность семейного уклада отмечена практически всеми отечественными учеными, исследовавшими проблему детского суицида:

— ситуация длительного конфликта в семье или ситуации развода родителей. Подростку нелегко выдерживать моменты, когда каждый из родителей «гнёт свою линию»;

— утрата значимой привязанности, например, смерть мамы или любимого человека для ребенка становится нелегким испытанием;

— отсутствие в семье «значимого взрослого». В этой ситуации проявляется социальная и психологическая изолированность подростка.

Формирование суицидального поведения в детском и подростковом возрасте во многом зависит также от некоторых особенностей личности суицидента. У всех лиц были обнаружены эмоциональная неустойчивость, повышенная внушаемость, сенситивность, некоторая импульсивность. Эти черты, выраженные нередко до уровня

акцентуации характера, создают предпосылки для социально-психологической дезадаптации личности в пубертатном периоде.

Подводя итоги, отметим специфичные для подростков проявления:

— у подростков нет по настоящему осмысленной картины смерти. Взрослый человек осознает, что смерть — это конец жизни, а подросток до конца не понимает этого. Для них это в какой-то мере виртуальная игра;

— для подростков важны три сферы: семья, школа, ровесники;

— причина самоубийства в подростковом возрасте может быть на первый взгляд незначительной, пустяковой или даже случайной;

— у подростков могут отсутствовать стадии, предшествующие собственно суициду, т.е. идеи и намерения;

— подростку очень трудно вербализовать (объяснить), что с ним происходит, описать свое состояние или проблему;

— для подростка, нередко, страшнее жить в той реальности, которая у него есть, нежели умереть;

— подростковый суицид — это чаще всего крик о помощи, попытка обратить на себя внимание, попытка решить свои проблемы «по-взрослому».

Литература:

1. Бачило, Е. В. Факторы риска развития суицидального поведения (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. — 2012. — Т. 8. — № 2. — ст. 403–409
2. Зотов, М. Б. Суицидальное поведение: механизмы развития, диагностика, коррекция. — СПб., 2006. — 144 с.
3. Ефремов, В. С. Основы суицидологии. — СПб., 2004. — 479 с.
4. Малькина-Пых, И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М., 2008. — 960 с.
5. Погодин, И. А. Суицидальное поведение: психологические аспекты: учебное пособие. М., 2008.
6. Синягин, Ю. В., Синягина Н. Ю. Детский суицид: психологический взгляд. — СПб, 2006. 176 с.

Обзор научных исследований проблемы чтения в современной методической науке

Кузнецова Наталья Петровна, учитель начальных классов
ГБОУ № 612 (г. Санкт-Петербург)

Можно определить достоинство народа по количеству книг, которые он поглощает...

Э. Лабуле

Наш век — век технологий. Сохранение навыка чтения у школьников становится особенно актуальным в условиях массового распространения интернета, который с одной стороны должен способствовать сохранению этого навыка, а с другой стороны серьезно его деформирует. Приоритеты поменялись. Молодое поколение уже не интересуется чтением, но в большей степени

интересуют технологии. Школьники не понимают художественную литературу и стараются все больше уделять свое внимание техническому прогрессу.

Все больше исследователей обращают свое внимание на вопросы, связанные с чтением. Статья посвящена анализу работ в исследованиях методик с 60-х годов по наше время.

В 70-е — 90-е годы количество работ, связанных с проблемой чтения очень мало. Многие исследователи уделяют внимание внеклассному чтению. Это понятие было предложено В. П. Шереметевским еще в 1886 году. В своей статье «В защиту живого слова...» ученый ввел термин «внеклассное чтение». Этот термин он связывал с чтением в классе и с семейным чтением. Ученый подводит знак равенства между семейным и самостоятельным чтением.

В работе Акбашевой А. С. «Уроки внеклассного чтения как средство педагогического взаимодействия на самостоятельное чтение школьника-подростка» (1975) автор пришел к выводам, что «усиление внимания к самостоятельному чтению ребенка связано в определенном смысле и с закономерной ограниченностью программы по литературе». Автор подводит нас к выводам, что внеклассное чтение способствует широким возможностям для реализации творчества каждого школьника.

В работе Рахманалиева Рустанали «Культура чтения как книговедческая проблема» (1986) автор приходит к выводам, что определять базовое понятие «культура чтения» надо с позиции книговедения. То есть автор предлагает разработать и обосновать книговедческую модель читательской деятельности.

В работе Николаевой Е. Л. «Внеклассное чтение в системе нравственного воспитания школьников» (1999) автор рассматривает внеклассное чтение как один из факторов системы нравственного воспитания учащихся начальных классов современной школы.

В 90-е годы внеклассное чтение расценивают как инструмент к подходу о нравственном воспитании младших школьников.

В начале XXI века многие исследователи стали обращаться к проблематике вопроса, увеличивается количество работ, связанных с проблемой чтения. Термин «внеклассное чтение» заменяет термин «читательская самостоятельность» или «самостоятельное чтение». Причиной этого может служить увеличение книжной продукции разного уровня качества. Учитель больше не в состоянии руководить внеклассным чтением школьников, так как не может быть в курсе всех новинок детской школьной литературы. Учащиеся читают книги, которые рекомендует им друзья, книжные магазины, Интернет. Школа перестала влиять на внеклассное чтение и таким образом его контролировать. Такое чтение школьников и повлекло за тем, что понятие «внеклассное чтение» сменилось на понятие «самостоятельное чтение».

В работе Иншаковой О. А. «Развитие читательской самостоятельности учащихся в процессе изучения русской литературы в 5–9 классах средней школы» (2001) автор приходит к выводам, что «формирование и развитие читательской самостоятельности учащихся осуществляется на основе личностного отношения к изучаемым произведениям и происходит в аспекте их самоуглубления, обогащения мироощущения и миропонимания посредством установки на сотворчество с писателем, диалог с ним на

основе «вчитывания», «вчувствования» в тексты и перечитывания их. Модель развития читательской самостоятельности базируется на стимулах читательской деятельности школьников в свете самопознания и ценностного самоопределения читательской личности».

В 2000-е годы исследователей интересует молодежь, ведь она представляет собой специфическую часть аудитории СМИ. Ее характеристики и черты обусловлены психологическими закономерностями и социальным положением развития данной группы, которая требует определенного подхода к себе. Исследователей интересует чтение в условиях развития, как привлечь молодежь к чтению. Что надо делать, чтобы сохранить аудиторию?

В работе Аникиной М. Е. «Молодежная аудитория печати: чтение в условиях развития» (2006) автор приходит к выводам, что «Резервы сохранения аудитории сегодня видятся в умении печатных изданий отвечать запросам читателей и оставаться интересными для них, в использовании редакциями новых технологических возможностей для модернизации собственной деятельности, а также в усовершенствовании системы распространения молодежной прессы с тем, чтобы сделать ее более доступной молодым людям».

В 2008 году Галактионова Т. Г. в своем исследовании «Чтение школьников как социально-педагогический феномен открытого образования» предлагает ввести новые понятия, такие как «обучению чтению», «воспитание читателя», «формирование читательской культуры». Выделяет модели приобщения школьников к чтению в истории отечественной культуры. Модель «Послушничество», ориентированная на воспитание богопослушного человека, сохранение и развитие религиозной духовной традиции. Модель «Наставничество», направленная на общественно полезное воспитание, на образовательное чтение для общественной пользы. Модель «Развлечение», связанная с реализацией гедонистической функции чтения и предполагающая лояльное отношение к легкому, развлекательному чтению. Модель «Просвещение», ориентированная на воспитание образованного, нравственного человека путем овладения содержанием культурно и социально значимых текстов. Модель «Агитация», связанная с воспитанием оппозиционно настроенных членов общества, развитием революционных идей. Модель «Пропаганда», ориентированная на сохранение стабильности существующего строя путем овладения содержанием идеологически «грамотных» произведений. Модель «Руководство» — традиционно ориентированная на передачу опыта от старших к младшим с помощью содержания социально одобряемой литературы. Модель «Анархия» — отрицающая системное педагогическое влияние, ориентирующая на свободу выбора, регулирующую читательской модой, рекламой и ограниченную возможностями книжного рынка.

В 2011 году Колосова Е. А. в своей работе «Детское чтение в современной России» приходит к выводам, что «несмотря на изобилие в книжных магазинах дорогой

и модной литературы, родители не перестали доверять книгам, на которых сами выросли, и продолжают воспитывать детей на основе этих книг, закладывая традиционные нормы и ценности. Чтение книг в детской среде остается более женским занятием, так же, как и во взрослом обществе. Выявлено три группы факторов, способствующих поддержке и развитию детского чтения в современной России. К макрофакторам отнесены устойчивое книгоиздание; сеть публичных детских библиотек; доступный рынок книготорговли; поддержка школ с литературным уклоном, стимулирующие условия формирования человека читающего. Мезофакторами следует считать процессы глобализации и информатизации в современном российском обществе. Микрофакторы — традиции чтения в семье, читающее окружение (сверстники), направленные действия воспитателей и учителей по приобщению подрастающего поколения к чтению».

В «Национальной программе поддержки и развития чтения» авторы ставят перед собой следующие задачи:

— Упорядочение социокультурного пространства чтения и укрепление основных институтов, составляющих инфраструктуру поддержки и развития чтения — библиотек, образовательных и культурно — просветительских учреждений, книжной индустрии, индустрии производства и распространения иных видов контента различными средствами (газеты, журналы, документы и т.п.), системы популяризации чтения, системы подготовки кадров для инфраструктуры чтения, системы научно — методического изучения проблем чтения;

— Создание системы эффективного информационного обмена между институтами инфраструктуры чтения, а также между институтами и системой управления, обеспечивающего упорядочение соответствующего социокультурного пространства;

— Создание системы управления инфраструктурой поддержки и развития чтения, т.е. эффективных механизмов координации и кооперации ведомств и институтов, формирующих и реализующих политику в области чтения.

Вывод по статье:

На основе этого анализа, можно сделать вывод, что проблема кризиса чтения активизировалась примерно десять лет назад. Как мы видим, в последние годы обращения исследователей к данной проблематике стали более частотны. В 70-е — 90-е годы авторы уделяли внимание термину «внеклассное чтение». В 70-е годы они

рассматривали применение внеклассного чтения, как способа, дающего широкие возможности для реализации творческого потенциала каждого школьника. В 90-е годы авторы приходят к выводу, что внеклассное чтение — это инструмент к реализации эффективного нравственного воспитания младших школьников. Таким образом, мы видим, что термин «внеклассное чтение» в разные годы трактовали по-разному, в зависимости от потребности актуализации того или иного направления воспитания учащихся.

В начале XXI века многие исследователи стали обращаться к проблематике вопроса, увеличивается количество работ, связанных с проблемой чтения. Термин «внеклассное чтение» заменяет термин «читательская самостоятельность» или «самостоятельное чтение». Причиной этого может служить увеличение книжной продукции разного уровня качества. Учитель больше не в состоянии руководить внеклассным чтением школьников, так как не может быть в курсе всех новинок детской школьной литературы. Существенно снизилась культура чтения, интересы учеников, а также претерпели изменения факторы, влияющие на сознание детей. Учащиеся читают книги, которые рекомендует им друзья, книжные магазины, Интернет. Школа перестала влиять на внеклассное чтение и таким образом его контролировать. Такое чтение школьников и повлекло за тем, что понятие «внеклассное чтение» сменилось на понятие «самостоятельное чтение».

В 2000-е годы исследователей интересует молодежь, ведь она представляет собой специфическую часть аудитории СМИ. Ее характеристики и черты обусловлены психологическими закономерностями и социальным положением развития данной группы, которая требует определенного подхода к себе. Исследователей интересует чтение в условиях развития, как привлечь молодежь к чтению. Что надо делать, чтобы сохранить аудиторию? Происходит пересмотр прежних методов, активно развивается поиск новых способов мотивации к чтению.

В 2008 году Галактионова Т.Г. в работе «Чтение школьников как социально — педагогический феномен открытого образования» предлагает ввести новые понятия, такие как «обучение чтению», «воспитание читателя», «формирование читательской культуры». Появление новой терминологии подводит нас к тому, что в современном мире кризис чтения более очевиден.

Литература:

1. Рыбакова, Л. Н. Подростковое пьянство: восприятие проблемы в России и Германии// Педагогика. — 2012. — № 5.
2. Акбашева, А. С. Уроки внеклассного чтения как средство педагогического воздействия на самостоятельное чтение школьника-подростка Текст.: автореф. дис. канд. пед. наук. Л., 1975. 19 с.
3. Рахманалиев, Р. Культура чтения как книговедческая проблема Текст.: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1986.
4. Николаева, Е. Л. Внеклассное чтение в системе нравственного воспитания младших школьников: дис. канд. пед. наук. М., 1999.

5. Иншакова, О.А. Развитие читательской самостоятельности учащихся в процессе изучения русской литературы в 5–9 классах средней школы: дис. канд. пед. наук. М., 2001.
6. Аникина, М.Е. Молодежная аудитория печати: чтение в условиях развития Интернета: дис. канд. филол. наук. М., 2006.
7. Галактионова, Т.Г. Чтение школьников как социально-педагогический феномен открытого образования: диссертация доктора педагогических наук. СПб, 2008.
8. Колосова, Е.А. Детское чтение в современной России: диссертация доктора социологических наук. М., 2011.
9. Национальная программа поддержки и развития чтения <<http://chtenie-21.ru/national>> (дата обращения 25.04.2013).

Потребитель о качестве медицинских услуг: общественное мнение горожан

Поликарпов Павел Борисович, аспирант
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Одним из главных условий стабильного и поступательного развития цивилизованного общества является здоровье его членов, оптимальные условия для его сохранения, поддержания и укрепления. И в этом плане особую роль играют медицинские учреждения, призванные нести ответственность за здоровье каждого гражданина и вести постоянную профилактическую и оздоровительную работу в виде предоставления соответствующих услуг в рамках государственной политики заботы о здоровье каждого человека.

В этой связи, взяв за основу необходимость предоставления медицинских услуг населению, автором был проведен социологический опрос, цель которого определить: что думают жители городов о своем здоровье, о возможности получения и качестве получаемых медицинских услуг [1]. Опрашивались городские жители, которые обращались в медицинские учреждения за медицинской помощью.

В первую очередь удалось определить, что большинство горожан охарактеризовали свое состояние здоровья как среднее. Только каждый третий оценил его на «хорошо» и около 6% указали на отличное состояние своего здоровья.

Важным критерием субъективной оценке здоровья респондентов, выступает посещение медицинских учреждений. Наиболее оптимальным, по мнению значительной части опрошенных (36,3%), является посещение реже

одного раза в год. Практически каждую неделю посещают медицинские учреждения лишь 0,7% саратовцев (Таблица 1). 8,9% респондентов усматривают возможным и необходимым частоту с периодом в месяц (2–3 раза в месяц). Довольно редкой частотой посещения, отличаются 28,1% горожан, бывающие у врача лишь 2–3 раза в год. Сходной по количеству, а не по периоду посещений является частота 2–3 раза в месяц, отражающаяся в поведении 23% респондентов. Доля затруднившихся ответить по данному вопросу составляет 3% жителей г. Саратова.

46,7% москвичей определяют свое здоровье как хорошее, без каких-либо хронических заболеваний и редких болезней. Подобное количество опрошенных не усматривают полную удовлетворенность своим здоровьем, в связи с наличием хронических заболеваний. Доля, квалифицирующих свое здоровье как неутешительное, а именно с частыми болезнями и наличием хронических заболеваний, составляет 6,7% респондентов. В результате, можно предположить, что большая часть опрошенных обращаются в медицинские учреждения не так часто, а по мере необходимости, исходя из конкретной ситуации. Другими словами обращение к врачу носит скорее не обязательный характер.

Жители столицы России отличаются от саратовцев менее частым обращением к врачам, о чем свидетель-

Таблица 1. Посещение медицинских учреждений пациентами, % от общего

Категория	% Саратов	% Москва
Каждую неделю	0,7	0
Два-три раза в месяц	8,9	0
Несколько раз в полгода	23,0	18,8
Несколько раз в год	28,1	62,5
Реже одного раза в год	36,3	18,8
Не могу ответить	3,0	0
Итого	100,0	100,0

ствуют полученные результаты. Основная масса опрошенных (87,5%) предпочли за последний месяц обойти посещение подобных учреждений, в то время как абсолютная идентичность в количестве посещений, характеризует такие частоты как 1 или 2 раза в год. Вышеописанная частота посещений медицинских учреждений в общем количестве, является проекцией посещений врача за последний месяц. А именно, незначительное количество респондентов, посещающих медицинские учреждения реже одного раза в год в общем количестве, служат отражением непосещений врача за последний месяц. Подобной частоты придерживается большинство опрошенных (50,8%).

Жители г. Саратова (32,1%) считают, что качество медицинских услуг в государственных лечебных учреждениях за последние два года не изменилось. По мнению 27,6% респондентов оно незначительно улучшилось. 10,4% горожан заметили значительные ухудшения в качестве медицинских услуг. 6,7% саратовцев выделили незначительное ухудшение качества медицинских услуг. По мнению 3,7% опрошенных оно значительно улучшилось. 19,4% горожан затруднились определить изменения за последние два года в качестве медицинских услуг государственных учреждений.

Среди опрошенных москвичей 33,6% считают, что качество медицинских услуг в частных лечебных учреждениях за последние два года не изменилось. Для 17,2% респондентов оно незначительно улучшилось. По мнению 7,5% опрошенных оно значительно улучшилось. 2,2% горожан заметили значительные ухудшения в качестве медицинских услуг. 1,5% выделили незначительное ухудшение качества медицинских услуг. 38,1% горожан затруднились определить изменения за последние два

года в качестве медицинских услуг частных учреждений. Это может быть связано с тем, что услуги платных клиник чаще всего недоступны для большинства горожан.

50% опрошенных москвичей неоднократно сталкивались с оказанием некачественной медицинской помощи. 37,5% горожан не имеют опыта получения некачественных медицинских услуг, а 12% — пришлось столкнуться с данной проблемой единожды. Среди опрошенных саратовцев 39,3% не приходилось получать некачественные медицинские услуги. 28,1% респондентов имеют опыт однократного получения некачественного медицинского обслуживания, столько же саратовцев (28,1%) сталкивались с данной проблемой неоднократно. 4,4% горожан затрудняются сказать о наличии опыта получения некачественных медицинских услуг. В итоге, больше половины респондентов, так или иначе, сталкивались с некачественным медицинским обслуживанием (См. таблицу 2). В основу вопросов, обращенных к респондентам, был взят общепринятый перечень видов некачественных медицинских услуг [2].

Среди получаемых, точнее, недополучаемых медицинских услуг наиболее распространенными являются: низкий уровень качества или дефекты в оказании медицинской помощи, несоответствие качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, не повлекшие причинения вреда здоровью (28% — в Саратове и 34,8% — в Москве). 26,1% москвичей испытали на себе необоснованное взимание или требование платы за лечение.

На необоснованное взимание или требование платы за лечение указывают 10,4% жителей г. Саратова, а злоупотребление со стороны медицинских работников — 8,8%. По 8,7% приходится на тех москвичей, кто столкнулся

Таблица 2. Получение некачественных медицинских услуг, % к опрошенным

Виды некачественных медицинских услуг	% Саратов	% Москва
Низкий уровень качества или дефекты в оказании медицинской помощи, несоответствие качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, не повлекшие причинения вреда здоровью	28,0	34,8
Низкий уровень качества или дефекты в оказании медицинской помощи, несоответствие качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, повлекшие причинение вреда здоровью или смерть застрахованного	16,0	0
Необоснованный отказ от оказания медицинской помощи	15,2	4,3
Нарушение условий и режима лечения	12,0	8,7
Необоснованное взимание или требование платы за лечение	10,4	26,1
Злоупотребления со стороны медицинских работников	8,8	8,7
Применение не щадящих (болевых) методов лечения при возможности их исключения или использования иных, щадящих методов.	6,4	8,7
Нарушение прав застрахованного в части его информированности о диагнозе, возможном риске, последствиях и результатах лечения и на сохранение в тайне сведений, составляющих врачебную тайну.	1,6	8,7
Отсутствие, дефекты оформления, представление недостоверной медицинской, статистической и финансовой документации	1,6	0
Итого	100,0	100,0

со злоупотреблениями со стороны медицинских работников, а так же применением не щадящих (болевых) методов лечения, при возможности их исключения, или использования иных, щадящих методов. Применение таких не щадящих (болевых) методов лечения встречали 6,4% саратовцев. Нарушение условий и режима лечения и нарушение прав застрахованного в части его информированности о диагнозе, возможном риске, последствиях и результатах лечения и на сохранение в тайне сведений, составляющих врачебную тайну, ощутило на себе 8,7% москвичей. В Саратове нарушение условий и режима лечения отметили 12%, а нарушение прав застрахованного в части его информированности — 1,6%. Реже всего москвичи сталкиваются с необоснованным отказом от оказания медицинской помощи (4,3%). Саратовцы сталкиваются с такими проблемами, как необоснованный отказ от оказания медицинской помощи чаще (15,2%). Низкий уровень качества или дефекты в оказании медицинской помощи, несоответствие качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, повлекшие причинение вреда здоровью или смерть застрахованного выделяют 16% саратовцев.

По мнению жителей Москвы чаще всего некачественные медицинские услуги оказываются в частных клиниках (40%), чуть меньше — 33,3% случаев отмечается в участковых больницах (Таблица 3). В городской боль-

нице были некачественно обслужены 20% москвичей, 6,7% — в больнице ведомственного подчинения.

В Саратове самым распространенным медицинским учреждением, в котором были оказаны некачественные услуги, является городская больница — 45,3%, на втором месте по популярности стоит участковая больница (24,2%). В областной больнице имели опыт получения некачественных медицинских услуг 11,6% опрошенных, а в центральной районной больнице — 8,4%. Среди учреждений, в которых были оказаны некачественные медицинские услуги, саратовцы выделили так же частную клинику (8,4%). По 1,1% приходится на тех, кто столкнулся с некачественным медицинским обслуживанием в федеральной больнице и больнице ведомственного подчинения.

Выяснилось, что больше половины жителей г. Саратова, имеющих опыт некачественного обслуживания, получили его во взрослой поликлинике (53,4%). В травматологическом пункте была оказана некачественная медицинская помощь 11,7% горожан, а в стационаре — 8,7% (Таблица 4). Недовольными стоматологической поликлиникой остались 7,8% саратовцев, а в детской поликлинике были оказаны некачественные услуги 5,8%.

Оказалось, что почти 70% москвичей, имеющих опыт получения некачественного медицинского обслуживания, столкнулись с ним во взрослой поликлинике,

Таблица 3. Тип медицинского учреждения, в котором были оказаны некачественные медицинские услуги, % к опрошенным

Виды медицинского учреждения	% Саратов	% Москва
Городская больница	45,3	20,0
Участковая больница	24,2	33,3
Областная больница	11,6	0
Центральная районная больница	8,4	0
Частная клиника	8,4	40,0
Федеральная больница (Федеральный медицинский центр)	1,1	0
Больница ведомственного подчинения	1,1	6,7
Итого	100,0	100,0

Таблица 4. Структурное подразделение учреждения, в котором были оказаны некачественные медицинские услуги

Структурное подразделение	% Саратов	% Москва
Взрослая поликлиника	53,4	69,2
Травматологический пункт	11,7	0
Стационар	8,7	0
Стоматологическая поликлиника	7,8	23,1
Детская поликлиника	5,8	0
Станция скорой медицинской помощи	4,9	7,7
Женская консультация	3,9	0
Родильный дом	1,9	0
Аптека	1,0	0
Диспансер	1,0	0
Итого	100,0	100,0

23,1% — в стоматологической поликлинике, 7,7% выделяют станцию скорой помощи. 4,9% саратовцев среди структурных подразделений учреждения, в котором были оказаны некачественные медицинские услуги, указали станцию скорой медицинской помощи, а 3,9% отметили подразделение женской консультации. В родильном доме столкнулись с некачественным медицинским обслуживанием 1,9% респондентов, а по 1% приходится на тех, кто недоволен оказанными услугами в аптеке и диспансере. Таким образом, большинство оказанных некачественных услуг в медучреждении приходится на взрослые поликлиники.

Москвичи, которые обратились в медицинское учреждение и встретили ненадлежащее обслуживание, рассчитывали на оказание лечебной помощи (57,1%), 35,7% респондентов столкнулись с трудностями при получении диагностической помощи. Так же некачественную помощь в медицинском учреждении получили и горожане, обратившиеся туда с целью оформления документов (7,1%). Большинство саратовцев, получивших некачественную

помощь в медицинском учреждении, обращались туда с целью вылечиться (60,2%), а 32,7% — с целью получения диагностики. Некачественные услуги получили 3,1% саратовцев, обратившихся с целью получения лекарственной помощи, а 2% — организационной. По 1% приходится на тех, кто обращался в медучреждение с целью получения материальной и санаторно-курортной помощи соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод о более значительной распространенности в сознании жителей столицы низкого уровня качества или дефектов в оказании медицинской помощи, несоответствии качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, не повлекших причинения вреда здоровью, чем в Саратове. Москвичи чаще сталкиваются с необоснованными требованиями оплаты за лечение. Саратовцы же в большей степени испытывают на себе нарушения условий и режима лечения, а также тяжелые последствия некачественной медицинской помощи и необоснованные отказы в медицинских услугах.

Литература:

1. Исследование проводилось в Москве и Саратове методом анкетирования в 2014 году.
2. Домашняя правовая энциклопедия. Медицина и здоровье [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал Гарант — Режим доступа http://base.garant.ru/58038904/#block_14016. 03,02,14.

About abbreviation in English (through the example of Internet communication)

Сидакова Виктория Станиславовна, студент;
 Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
 Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Sidakova Victoria Stanislavovna, student
 Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
 National research Tomsk polytechnic university

The emergence of a new text language is due to the popularity of social networking services such as Facebook, Twitter, LinkedIn, various Internet forums, chat rooms, discussion boards and online gaming services. Internet communication is full of slang words, acronyms and abbreviations.

An abbreviation is a shortened form of a word or phrase. Until quite recently, abbreviation has been used only in political, juridical, military, scientific and economical spheres [2]. Nowadays it is used in everyday life, business communication, medicine, journalism, literature and art. Colloquial abbreviations, used in the Internet and mobile phones, contribute to the increase of communication services popularity [3, 4, 8].

There are three types of abbreviations in typology:

- author's (occasional);
- textual;

— universally acknowledged [1, 5].

Researchers state that there are different reasons for the emergency of abbreviations and the ways of their formation. It is widely accepted that there are extralinguistic and intralingual factors for the origin of abbreviations.

Extralinguistic:

- scientific-and-technological advance, social and cultural development, international exchange, etc.
- widespread use of mechanical and technical communication.

Intralingual:

- commonness of language skills among speakers;
- influence of other languages;
- influence of everyday language and slang;
- tendency towards monosyllabism;
- specific features of the language [1, 6, 7].

However, in most cases abbreviations emerge due to the economy of speech means. Abbreviations are classified according to:

a) alphabetic acronyms (every letter is read as in the alphabet):

- BR — Best Regards;
- BFN — Bye For Now;
- BRH — Be Right Here;
- JK — Just Kidding;
- KBD — Keyboard;
- NP — No Problem;
- SH — Same Here.

b) *initial acronyms (it includes a vowel)*:

- EM — e-mail;
- IB — I Am Back;
- IRL — In Real Life;
- ILY — I Love You;
- KIT — Keep In Touch;
- TIA — Thanks In Advance;

— TMI — Too Much Information.

c) *portmanteau words* (a word made from combining two words):

- blog — web and log;
- cyborg — cybernetic and organism;
- nanotech — nano and technology;
- sporgery — from spam and forgery;
- webinar — World Wide Web and seminar.

Figures and letters are also used in abbreviations:

- 10Q — Thank You;
- 121 — One To One;
- 143 — I Love You;
- 2U2 — To You Too;
- b4 — Before, etc.

Thus Internet abbreviations are making a significant impact on our use of daily language. They increase the effectiveness of communication, enrich the vocabulary of the language, attract readers' attention and improve international communication in the era of globalization.

References:

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. М.: Военное изд-во МО СССР, 1972. 320 с.
2. Жаркова Т. И. Аббревиатура в межкультурной деловой коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 2. № 19. с. 22–27.
3. Иванова Н. К. Английские аббревиатуры-неологизмы: особенности образования и написания // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2013. № 4. с. 52–60.
4. Мартынова И. И. Аббревиатура как средство создания слов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 27. с. 88–95.
5. Мурычева А. С. Структурно-функциональные особенности конфронтируемых аббревиатур: (на материале англо-американской периодики): Дис... к. филол. наук. М., 1991. 178 с.
6. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). с. 174–179.
7. Шаповалова А. П. Опыт построения общей теории аббревиации: на материале французских сокращенных лексических единиц: Дис... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 421 с.
8. Internet Abbreviation and Daily Communication. <https://stephenleeatwork.wordpress.com/2013/09/04/internet-abbreviation-and-daily-communication> (accessed March 30, 2015).

О развитии толерантности как качества личности

Шабалин Роман Викторович, студент;

Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Высшим результатом образования является терпимость

Хелен Келлер

Толерантность, терпение, умение воспринимать чужой образ жизни очень важны для обеспечения стабильности и консолидации общества. Учить слушать, слышать, вести диалог, уважать собеседника, быть терпимым друг к другу нужно в семье и в школе. Преподаватель должен

создавать условия для формирования культуры, содействовать повышению коммуникативной компетентности, учить обучающихся вступать в диалог, самовыражаться.

Воспитание толерантности направлено на развитие потребности и готовности к конструктивному взаимодействию.

ствию с людьми безотносительно их национальной, социальной, религиозной принадлежности, мировоззрения и поведения [5]. В целом, исследователи отмечают следующие качества толерантной личности:

- терпимость к различиям;
- чуткость, расположение к другим;
- способность к сопереживанию;
- доброжелательность;
- снисходительность;
- открытость;
- умение владеть собой;
- умение слушать и слышать;
- чувство юмора;
- гуманизм [1, 2, 7].

Развитие толерантности требует инновационных подходов к организации образовательного процесса, направленности на развитие знаний и умений общения, социально-психологических, этических и моральных качеств. Коммуникативная направленность обучения формирует гибкость в решении задач, стимулирует взаимопонимание, учит предотвращать конфликтные ситуации, формирует толерантное мировоззрение [4, 6].

Развитию толерантности способствуют:

1) аудиторная работа (изучение дисциплин гуманитарного цикла: литература, история, естествознание, иностранный язык и т.д.):

- творческие работы;
- проекты;
- беседы;

— дискуссии и т.д.

2) внеаудиторная работа, участие в:

- творческих клубов;
- научных обществах;
- олимпиадах;
- конференциях;
- фестивалях;
- конкурсах национальной песни, кухни, костюмов;
- спортивных мероприятиях;
- волонтерских движениях и т.д.

Уровень нравственности, духовности и толерантности обучающихся предполагает не только усвоение учебного предмета, но и психологическую готовность к терпимости, принятию и уважению многообразия культур, развитие независимого мышления, основанного на моральных ценностях, развитие чувства собственного достоинства и уважения к другим [3].

Воспитание толерантности подразумевает формирование приветливости, дружелюбия, навыков конструктивного отношения к проявлениям различий между людьми, терпимости к традициям, обычаям других народов, навыков независимого, критического мышления.

Таким образом, формирование толерантного отношения и толерантного поведения, миролюбия, отзывчивости, внимания, уважения по отношению к другим, развитие умений осуществлять **нравственный** выбор и нести за него ответственность, совершенствование внутреннего духовного потенциала являются важными задачами современного образования.

Литература:

1. Гурьянов, А. Качества толерантной личности // Теория и практика физической культуры. 2008. № 6. с. 58.
2. Зелова, Т. П. Формирование толерантности «Толерантность — гармония многообразия». <http://festival.1september.ru/articles/411279/> (дата обращения: 31.03.2015).
3. Калимуллин, Р. Х. Духовно-нравственное воспитание молодежи — путь к развитию толерантности // Фундаментальные исследования. 2013. № 11—5. с. 1035—1039.
4. Можейкина, Л. Б. Развитие толерантности подростков в рамках образовательного процесса // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). с. 181—183.
5. Николаева, Л. В., Слепцова Г. Н. Теоретические основы формирования толерантности личности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. с. 930.
6. Семашко, М. А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках // Письма в Эмиссия.Оффлайн: электронный научный журнал. 2007. № 10. с. 1204.
7. Тучина, О. Р. Толерантность и самоинтерпретация личности // В мире научных открытий. 2012. № 5. с. 192—212.

ПСИХОЛОГИЯ

Познавательные мотивы подростка в процессе обучения

Абдувахобова Дилдора Эркиновна, старший преподаватель;
Кадырова Малика Кахрамоновна, старший преподаватель;
Хужакова Нафиса Йулдашевна, студент
Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Потребность в самостоятельности и взрослости растет с возрастом. Но не столь же быстро складываются нужные для этого способы самостоятельной учебной работы. Подростки, особенно младшие, хотя и тяготеют к самостоятельности, пока не умеют сами организовать свою умственную деятельность, не владеют в достаточной мере приемами осмысления материала, его запоминания, концентрации внимания.

Представьте достаточно многообразную и противоречивую картину, так сказать, учебного поведения подростка. В реальной действительности дело обстоит еще сложнее: возрастные особенности не в воздухе витают, на них накладывается и индивидуальность ребенка. Да и сами по себе возрастные особенности тоже меняются: 20–30 лет назад подростки были не совсем такие, как сегодня.

Это значит, что, обращаясь к школьникам — подросткам, надо прежде всего учитывать те особенности, с которыми они только приходят в среднюю школу. Одновременно надо видеть и цель — каким может и должен стать подросток, оканчивающий неполную среднюю школу.

Широко известно плодотворное положение Л. С. Выготского: обучение должно ориентироваться на завтрашний день развития. Это значит, что в обучении подростка нельзя не учитывать психологические особенности последующего — раннего юношеского возраста. Педагогика всех возрастов исходит сегодня из признания больших резервов развития внутри каждого возраста, обусловленных чрезвычайной пластичностью нервной системы. Есть такие резервы и в подростковом возрасте.

Решая двуединую задачу — дать систему знаний и обучить их самостоятельному приобретению, современная школа постоянно обращается и к еще одной задаче: мы хотим, чтобы в нем сформировались новые, достаточно устойчивые психические качества. Именно здесь и лежат резервы психического развития, возможности развертывания способностей ребенка. Эти резервы развития могут

быть приведены в действие, если удастся включить ребенка в новые, ранее недоступные ему виды активной деятельности.

О результатах обучения, об эффективности тех или иных его методов нередко судят главным образом по объему знаний и умений детей, а проще говоря — по их успеваемости. При этом в тени остается более существенное — сами способы, приемы учебной деятельности школьников. Разумеется, они для родителей не выступают столь наглядными, как отметки в дневниках их детей. Но этого они не становятся менее реальными и менее важными.

Мы описали выше ряд несовершенств психических процессов у младших подростков. Речь шла о том, что в начальных классах не всегда складывается умение работать с отвлеченным материалом, с обобщениями, о том, что у младших подростков недостаточно сформированы познавательные интересы, часто отсутствует умение концентрировать свое внимание. Уже в этом возрасте возникают новые психические процессы, представляющие собой резерв умственного развития.

Установлена возможность освоения младшими школьниками теоретически насыщенного, абстрактного материала — надо только особым образом организовать учение, поставить ребят в такие условия, когда они активно работают с материалом, преобразуя его. Кстати, при усвоении теоретически насыщенного материала складываются познавательные интересы, которые начинают играть роль ведущих мотивов учения; тогда в средней школе легче перейти к самостоятельным формам учения.

В начальных классах могут быть расширены возможности запоминания. Если учебный материал дается на основе стержневых понятий данной науки, а усвоение перестает быть пассивным, то весьма повышается эффективность так называемого произвольного запоминания; и, оказывается, механическое запоминание — это вовсе не «неизбежная» возрастная особенность младших школьников.

Принципиально новые возможности обнаружили младшие школьники и в организации своего внимания. Оказалось, что для этого надо научить детей проверять сам ход своей работы, последовательно применяя все операции самоконтроля: определить, что именно надо проверить каковы «единицы» проверки, чем проверять (критерии и образцы, по которым будет проведена проверка), в каком порядке... в конце концов возникает сокращенная, отработанная форма самоконтроля — она и составляет основу внимания в ходе учебной работы. Естественно, что такие виды самоконтроля должны применяться и в средней школе.

Знание резервов развития младших школьников заставляет нас совершенно иначе смотреть на подростков. Их подлинные возможности также нуждаются в тщательном изучении, и может статься: то, что мы сегодня считаем возрастной особенностью, является на самом деле лишь следствием тех или иных особенностей обучения.

Посмотрим теперь на подростка с точки зрения задач последующего, юношеского возраста. Какие черты должны быть сформированы у юношей и что, с этой точки зрения, можно сделать в подростковом возрасте?

Можно считать, что черты эти таковы: устойчивой внутренней побуждение к тому, чтобы включиться в общественно значимую деятельность (учение и самообразование, труд, общение), и саморегуляция в ходе этой деятельности. Резервы подросткового возраста и следует искать, по — видимому, в новых источниках интереса к учению и в новых возможностях самоорганизации учения.

Мы говорили о трудностях, которые испытывают в учении подростки, о том, как разнообразна их активность. Через все многообразие фактов проступает одна весьма интересная закономерность. Она состоит в том, что отношение подростка к школе, побуждение к учению тесно связаны с тем, овладел ли он способами самостоятельной учебной работы (переработки учебного материала, запоминания, внимания). Если да, то готовность подростка к самоорганизации в учении, интерес к учению упрочивается. Не владение же способами учебной работы делает неустойчивым интерес к учению, а нередко порождает и отрицательное отношение к школе. Стало быть, мы можем управлять отношением подростка к учению, к школе, вооружая его способами самостоятельного выполнения учебной работы (и на этой основе — способами активного самоутверждения, которое так им необходимо).

Что реально побуждает учеников средней школы учиться? Несмотря на наблюдаемое порой снижение интереса к учению, у большинства подростков складываются мотивы, позволяющие им так или иначе выполнять требования школы. Хотя среди этих мотивов немалое место занимают так называемые отрицательные (страх перед плохой отметкой, боязнь наказания), в целом у подростков преобладают положительные мотивы учения, которые условно можно разделить на такие группы:

Широкие познавательные мотивы (стремление вообще получать новые знания) и их разновидность — учебно-познавательные мотивы, основанные на интересе к самим способам получения новых знаний; широкие социальные мотивы (стремление своими знаниями быть полезным людям, включиться в общественно полезные виды деятельности) и проявление этих мотивов так называемые позиционные мотивы, основанные на стремлении учиться, чтобы иметь авторитет у окружающих (учителей, родителей, товарищей). Познавательные мотивы «работают» у подростков прежде всего на самостоятельное приобретение знаний, чаще во внешкольных занятиях; в широких социальных мотивах намечаются перспективные линии — ориентация на предстоящие сферы жизнедеятельности, на будущую профессию; источник позиционных мотивов смещен с оценки учителей и родителей на оценку товарищей.

Даже в лучшем случае, если есть положительная внутренняя мотивация учения, источники ее нередко лежат у подростков вне самого учения. Как же придать самой учебной деятельности роль основного побудителя к учению? Ответ таков: вызвать и поддерживать у подростка интерес к способам самостоятельного добывания знаний. При этом приходится учитывать особенности отрочества: ориентацию подростка на сверстника, а также стремление его представить себе предстоящие виды деятельности.

Только на первый взгляд задача внести новое в учение подростка может показаться посторонней для родителей, стоящей лишь перед школой. Мы убеждены, что уже само понимание того, как теперь должен учиться наш ребенок, немаловажно, не говоря уж о том, что многое из школьной учебной практики может быть вдумчиво переведено на «домашний язык», поскольку так или иначе семья влияет на организацию значительной доли учебной работы ребенка. Поэтому мы все должны понимать, что самое существенное в нашем отношении к учению подростка, — это учить его:

1. Способам самостоятельного приобретения знаний;
2. Способам коллективной учебной работы, ведущейся совместно с товарищами;
3. Способами включения результатов учения в предстоящие виды деятельности.

Уже для младшего школьника учение дело общественно значимое. Но если для него важно и ценно само по себе пребывание в школе, само включение в школьную жизнь, то подросток начинает учения для подготовки к самостоятельной жизни, к труду.

Правде, не все темы учебной программы можно прямо связать с понятными подростку сторонами его самостоятельной жизни. Остается, по — видимому, ряд разделов, которые приходится к ним. Но верно и другое: не всегда, когда есть такая возможность, мы открываем ребятам связь между разделами учебной программы и теми областями общественной практики, где могут пригодиться приобретаемые ими знания.

Много, например, говорится о том, что падает интерес к изучению родного языка. Дело тут, видимо, в том, что школьники не видят, как они смогут применить за порогом школы знания, которые они получают на уроках. Но разве нельзя раскрыть ребятам многообразие задач речевого общения, необходимость для каждого человека уметь ясно и точно излагать свою позицию, говорить и писать по-разному в деловой и дружеской обстановке? Тогда — в свете этих задач речевого общения — оживут в их глазах все эти синтаксические конструкции и выразительные средства языка...

Нередко приходится сталкиваться с тем, что подростки еще не могут «работать» на далекие цели и перспективы, на то дело, которым им придется заниматься где-то далеко за порогом школы и которое им пока трудно себе представить. Это понятно. К такому умению еще надо прийти. И прийти через более близкое, доступное.

Поэтому, когда мы говорим о предстоящих видах деятельности, то имеем в виду то, что может начаться сегодня же, сразу же после звонка с урока. Это труд — коллективная и общественно полезная деятельность самих подростков. Это самообразование — самостоятельное приобретение знаний за пределами школы. Это общение — взаимодействие подростков со взрослыми и сверстниками, в ходе которого обогащается понимание окружающей действительности.

Таким образом, значимая деятельность не откладывается на «потом», она уже началась. Вместе с тем — что также важно у подростков вполне можно вызвать понимание того, что многому «из жизни взрослых» можно научиться уже сейчас.

Подростки очень заинтересовываются, например, когда им показывают, что в ходе учения они могут овладеть навыками согласования действий, координации усилий, умением планировать работу и соразмерять свои планы с планами других и что все это понадобится им во всяком труде.

Подросткам непременно надо раскрыть значимость самообразования как важной деятельности каждого человека и помочь им перекинуть мостик к этой деятельности от самостоятельной работы на уроке.

Много сказано о специфически человеческой, бескорыстной потребности детей в новых впечатлениях, их насыщенной познавательной потребности. Но задумаемся над тем, что представляет собой человек, движимый исключительно одной только познавательной потребностью. Если нет установки на воплощение познавательных интересов в реальной жизни, то не исключено однобокое развитие личности.

Не менее, чем познавательная потребность, важна другая, тоже специфически человеческая потребность — в отдаче обществу, другому человеку. Если подросток представляет себе, пусть еще в общем виде, в какую сферу общественной практики он сможет активно включиться с полученными знаниями, то это и побуждает к учению и в известной мере помогает социальной зрелости.

Скажем, социальную значимость учения для практики общения подросток лучше поймет, если он хотя бы время от времени будет получать такие задания в связи с изучением русского языка: написать письмо разным людям с описанием одного дела, написать письмо с изложением какого — либо события или с попыткой убедить кого-то, опровергнуть его мнение. Если речь идет о трудовой деятельности, пусть ребята, получив задание создать некий конечный продукт, сами распределяют между собой обязанности. Вкус к самообразованию возникает с овладением навыками составления конспектов, рефератов и т.д.

Подросток понимает: надо заниматься, чтобы научиться жизненно нужным вещам. Значит ли это, что интерес к учению обеспечен раз и навсегда? Конечно нет. Все мы прекрасно знаем, как часто охлаждаются ребята к новым учебным предметам, сначала увлекшим их. Нужны, значит, новые источники, которые поддерживали бы интерес к учению. Очень важно, что приходится изучать (само построение учебного материала) и как идет усвоение (научаются ли ребята способам и приемам учебных действий, т.е. умеют ли работать с материалом, преобразовывать его, расчленять, выделять отдельные стороны, сравнивать их систематизировать и т.д.).

Широко известно, что неправильный отбор учебного материала, — все это ставит школьников перед необходимостью зубрить, существенно снижает у них интерес к учению. Выход из этого положения некоторые ребята находят в саморазгрузке, когда они просто не учат отдельные темы и разделы по своему выбору. Это означает, что фактически происходит стихийная переработка самими школьниками учебных программ.

Мы не собираемся обсуждать здесь содержание школьных программ и учебников. Позволим себе высказать только одно принципиальное соображение. Иногда приходится сталкиваться с мнением, что перегрузки в школе — неизбежное возрастающего потока информации. Не дело вовсе не в росте информации как таковой. Развитие науки и техники — то ведь не просто накопление все новых фактов, но и открытие новых общих закономерностей, стягивающих в один узел большое количество конкретных сведений, вводящих лавину информации в некое русло. И если задачу обучения в средней школе видеть прежде всего в усвоении именно ключевых закономерностей, то в будущем программы и учебники совсем не обязательно будут увеличиваться в объеме, а, напротив, сократятся.

Многие проблемы — перегрузка ребят, снижение интереса их к учению — в известной мере решаются, если перенести центр тяжести в обучении с памяти на мышление. Когда человек увлечен интересной для него умственной деятельностью, он запоминает материал и без задачи запомнить т.е. произвольно. Установлено также, что материал запоминается лучше, если в результате размышления он оказывается сгруппированным, упорядоченным, если происходит укрупнение частей запоминаемого материала за счет выделения в нем «основных единиц» усвоения.

Мы уже говорили выше, что подросток тяготеет к обобщениям. Эта тяга должна быть у него подкрепление, обеспечена реальными способами учебной работы, помогающими выявлять общие закономерности. Когда это происходит, у подростка складывается новое отношение к изучаемому предмету, к предметам окружающей действительности вообще — это отношение принято называть теоретическим.

Психологи установили, что такое отношение можно выработать уже у младших школьников и даже у дошкольников. Подросток же особенно готов к этому; вспомним о том, что подросткам свойственны начала исследовательского отношения к материалу, стремление проникнуть в суть изучаемого, доискаться до общих причин и выводов. Вместе с тем нельзя не учитывать, что подростки склонны порой отрываться от фактов, от реального жизненного опыта. Поэтому так важно, чтобы у ребят складывалось умение как «заземлить» общие закономерности на конкретный материал, так и в конкретных фактах уловить общую закономерность. Между прочим, совершенно очевидно, что не в последнюю очередь семья обладает немалыми возможностями для того, чтобы из-за дня в день ставить перед подростком задачу «заземления» теории на решение разнообразных повседневных проблем.

То, что подросток будет знакомиться с общими закономерностями возможно более рано, нисколько не помешает усвоить конкретные факты; напротив, тогда отдельные факты лучше и понимаются, и запоминаются. Вместе с тем если умеешь охватить область какого-то знания целиком, то можно увидеть не только те факты, которые укладываются в известную закономерность, но и те, которые никак не могут быть ею объяснены. А это толчок к работе мысли, начало всякого исследования.

Итак, вникая в то, чему и как учатся ваши дочь и сын, обратите особое внимание на то, как они знают, насколько понимают «основные единицы» материала — определения понятий и формулировки законов. Что касается конкретного материала, постарайтесь различать: если основные факты надо твердо знать, то с поясняющим материалом достаточно просто ознакомиться, уметь опереться на него. Поощряйте ребят к использованию справочников, словарей, энциклопедий; они должны научиться извлекать оттуда различные сведения, не перегружая ими свою память. Опора на фундаментальное знание делает более зрелой — управляемой и регулируемой — познавательную потребность подростка, помогает сложиться в определенной мере культуре умственного труда.

Любому ребенку присуще стремление к новым впечатлениям, широкая познавательная потребность. В разное время эта потребность выглядит по — разному. В раннем детстве она больше зависит от внешнего, от того что попадет на глаз. Чем старше ребенок, тем больше эта потребность регулируется им самим, на смену наивному «хочу все знать» приходит более зрелое понимание того, что все знать невозможно (хотя стремление знать как можно больше похвально), но надо знать основное, уметь

видеть его за многообразием фактов; вместе с тем надо — это тоже входит в культуру умственного труда — уметь увидеть и «почувствовать» конкретный факт во всей его неповторимости.

Пойдем дальше. Обратим внимание не то, что очень важна и такая сторона дела: осознает ли сам подросток, как именно он работает с учебным материалом? Задумывается ли он над тем, каким способом решена задача, могут ли быть тут другие способы? Или он просто довольствуется результатом?

В одном психологическом исследовании ситуация была построена так, что ребята могли либо ограничиться одним решением довольно трудной задачи, либо «для интереса» решать ее еще и еще раз. И вот что получилось: «четко выделилась группа испытуемых, которые в конце концов справились с предложенной им интересной задачей, но не делали никаких попыток вернуться к ней, явно удовлетворенные результатом. Другие, найдя один вариант решения, снова возвращались к этой же задаче, старались понять, как именно они решили». Вывод: эти ребята обнаружили настоящий теоретический интерес.

Итак, первый признак возникновения интереса к особенностям собственной учебной деятельности у подростка — то, что он, правильно решив задачу, по своей воле возвращается к обсуждению способа решения (обращается с этим к учителю, к товарищам, к отцу или матери, сам подолгу сидит над уже решенной задачей).

Другой показатель — способность самостоятельно переходить от одного звена учебной работы к другому. Правда, дома это не так легко заметить. (В классе же учитель специально нацеливает на это ребят, спрашивая: «Кто скажет, что должно быть следующим шагом, что надо делать вслед за постановкой задачи?» Или: «Мы наметили не сколько способов своей работы. Что будем делать дальше?») Тем не менее стоит использовать подходящие ситуации, чтобы побуждать подростка как бы со стороны взглянуть на то, что он сделал, делает, будет делать. Если он умеет охватить в целом все этапы своей учебной работы, умеет отдать себе отчет в том, что уже выполнено, а что еще предстоит выполнить умеет по ходу работы оценить, на каком этапе ее он находится, то все это весьма важно для всякого труда. Такие навыки самоорганизации, полученные в учении, успешно применяются ребятами и в другой общественно значимой деятельности.

Умение анализировать, оценивать свою деятельность — это особая, впервые отчетливо заметная именно в отрочестве черта психического развития. У подростков складывается теоретический познавательный интерес — интерес не только к знаниям, но и к способам их приобретения.

Здесь, кстати, подросток соприкасается и с эстетической стороной умственного труда. Когда он учится сравнивать несколько способов решения одной задачи как по правильности, рациональности, так и по «красоте» — простоте, изяществу, накопленному опыту творчества, осваивает эстетическое отношение к познавательной деятельности. Связанные с этим радостные переживания, за-

крепляясь, сами станут побуждать к познанию, послужат впоследствии постоянно действующим мотивом самообразования.

Здесь и рост эмоциональной культуры. Если подросток чувствует доброжелательное внимание к тому, как

он учится, в школе и дома, если он понимает, что и от него ждут такого же внимания к тем, кто так или иначе включен в его учебные дела, — и к товарищам, и к учителям, и к родителям, то у него не может не возникнуть общего положительного настроения на учение, на школу.

Литература:

1. Крутецкий, В. А. Психология обучения и воспитания школьника. — М.: Просвещение, 1976.
2. Ковалев, А. Г. Психология личности. — М.: Просвещение, 1970.
3. Усова, А. В. Вологодская З. А. Самостоятельная работа учащихся по физике в средней школе. — М.: Просвещение, 1981.
4. Хрипкина, А. Г. Подросток. — М.: Педагогика, 1989.

Психологические аспекты формирования компьютерной зависимости

Кострикова Мария Владимировна, педагог-психолог
Тульский государственный университет

В данной статье представлен теоретический обзор и краткий статистический анализ проблемы компьютерной зависимости в современном обществе. Автор дает обобщенное определение и классификацию компьютерной зависимости. Рассмотрены факторы формирования компьютерной зависимости и ее влияние на человека с точки зрения психологии.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, социальная дезадаптация, компьютерная зависимость, игровая зависимость.

Проблема компьютерной зависимости набирает все больший интерес у ученых. Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день достаточно сложно обойтись без компьютера. Начиная со школьного возраста, и заканчивая пенсионным — везде необходимо компьютерное оборудование. В школах и институтах все чаще требуют подготавливать сообщения и различные виды письменных работ в печатном виде, что затрудняет жизнь тех, кто не имеет такой возможности. В более зрелом возрасте компьютер необходим для работы, создания проектов и т.д. Практически любую информацию сегодня можно найти в интернете. Но, как известно, интернет выполняет не только познавательную функцию для человека, но и развлекательную (игры, социальные сети и т.п.). Таким образом, многие из нас начинают предпочитать реальной жизни виртуальную (живому общению предпочитают переписку в чатах, vkontakte, одноклассники и т.п.). Что и формирует, а впоследствии развивает компьютерную зависимость.

Итак, компьютерная зависимость, по мнению многих авторов (П. Д. Шабанов, А. Е. Войскунский, И. П. Короленко, Ю. М. Бабаева и др.) — это одна из форм аддиктивного поведения, которая проявляется в патологической склонности к любым занятиям, связанным с использованием компьютерного оборудования; вследствие которой человек резко сокращает свою социальную активность и другие виды деятельности, имеющей для него некоторый интерес ранее [7, 8].

Компьютерная зависимость, в свою очередь, можно разделить на 3 вида, а именно:

1) Игровая компьютерная зависимость — пристрастие к компьютерным играм (как правило, играм в интернете). Игровую зависимость также называют игровой наркоманией [2].

2) Коммуникативная компьютерная зависимость — пристрастие к общению в интернете (социальные сети). Данный вид зависимости набирает все большие обороты в современном обществе и наблюдается гораздо чаще, чем остальные виды компьютерной зависимости.

3) Познавательная компьютерная зависимость, которая заключается в стремлении узнавать все больше нового, как правило, в сфере программирования [1].

Причины формирования компьютерной зависимости

Многие авторы в своих работах (К. Янг, А. Шень, А. Голдберг и др.), в первую очередь, рассматривают психологические причины формирования компьютерной зависимости. Одной из самых главных причин, на их взгляд, является попытка человека уйти от реальности, избежать насущных проблем, абстрагироваться от окружающих людей, а также желание принять себя в роли другого (как правило, основной контингент таких людей, это — подростки и молодые люди). Эти причины, в основном, зависят от негативных установок на самих себя и формиро-

вания негативных переживаний, связанных с различными сферами жизнедеятельности человека [3].

При коммуникативной компьютерной зависимости выделяют такие психологические аспекты как:

1. Желание отделиться от семьи. Как известно, в подростковом возрасте молодой человек стремится к полной автономии от родителей. Но, как показывает опыт, это практически невозможно. В связи с этим подросток «окунается» в социальные сети, чтобы почувствовать самостоятельность и независимость от родителей, а также возможность распоряжаться своей жизнью, показывая и доказывая это своим друзьям в интернете.

2. Поиск интимности и принадлежности. В социальных сетях, на сегодняшний день, достаточно легко найти «друзей» со схожими интересами и жизненными ценностями. В реальной же жизни этот поиск вызывает массу сложностей, таких как: неуверенность в себе, недоверие окружающим людям и т.п.

3. Идентификация. Подросток часто пытается найти ответ на вопрос «Кто Я?», «Зачем я нужен в этом мире?» и т.п. Также остро стоит вопрос о выборе профессии [6]. Ответы на эти вопросы в реальной жизни найти достаточно сложно, а вот киберпространство, как кажется подростку, облегчает эту задачу.

Кроме того, выделяют ряд психологических аспектов, которые привлекают молодых людей в компьютерных играх:

1. Отсутствие ответственности. В повседневной жизни человеку необходимо брать на себя ответственность за себя, а также за других людей, принимать решения — обоснованные и взвешенные. Так как молодые люди, зачастую просто не готовы быть ответственными,

то рано или поздно люди устают от этого и им необходима эмоциональная разрядка; вследствие чего, они избегают этого путем ухода от реальности, а именно — уход в игру.

2. У человека, находящегося в игре, есть возможность принимать любые самостоятельные решения вне зависимости от того, к чему они могут привести [9].

3. В отличие от реальной жизни, в игре практически всегда есть возможность в случае неудачи исправить свои ошибки путем множественных попыток.

4. Наличие собственного мира — интимного. В игре у молодого человека есть возможность создать тот мир, доступ в который будет только самым близким людям или никому вовсе. Что в реальной жизни сделать достаточно трудно и практически невозможно.

В России за последние несколько лет проведено масса исследований, посвященных компьютерной зависимости среди молодых людей. На наш взгляд необходимо предоставить следующие данные по проблеме:

Литвиненко О.В. в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук на тему «Психологические детерминанты компьютерной игровой зависимости и особенности ее психопрофилактики» обнаружила, что наиболее подвержены компьютерной зависимости средний школьный (5–8 классы) и старший школьный (9–11 классы) возраст — 33% и 38%, соответственно [7].

В диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук Лоскутовой В.А. «Интернет зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств» предоставлены статистически достоверные различия по следующим критериям:

Таблица 1. Статистически достоверные различия между зависимыми и независимыми индивидами

Считают, что с другими людьми легче общаться в социальных сетях, чем при личной встрече			
Зависимые от компьютера		Независимые от компьютера	
Да	Нет	Да	Нет
85,71%	14,29%	33,85%	66,15%
При работе на компьютере испытывают эйфорию			
Зависимые от компьютера		Независимые от компьютера	
Да	Нет	Да	Нет
92,86%	7,14%	32,03%	67,97%
Отмечали у себя суицидальные мысли			
Зависимые от компьютера		Независимые от компьютера	
Да	Нет	Да	Нет
86,11%	13,89%	36,05%	63,95%

По таблице 1 видно, что компьютерно-зависимые люди наиболее подвержены суициду, общению в социальных сетях, а также наличием эйфории при работе за компьютером, в отличии от независимых [8].

Как и у любого вида зависимости, у компьютерной зависимости есть огромное количество негативных последствий. Коротко остановимся на основных из них:

1. Люди, страдающие компьютерной зависимостью склонны реальной жизни предпочитать виртуальное пространство, что, в свою очередь, сказывается на учебе, работе и личных взаимоотношениях человека. Сложности адаптации в социуме.

2. Проявление конфликтности. Особенно в периоды ограничения компьютера у человека возникает раздра-

жительность и агрессивное поведение. Такие люди часто конфликтуют с окружающими, чтобы добиться своего, при этом, не видя других возможных конструктивных способов взаимодействия.

3. Нарастающие депрессии. Человек с компьютерной зависимостью склонен в несколько раз чаще переживать состояние депрессии. Депрессия может быть связана как с неудовлетворением своих потребностей, связанных с компьютером, так и с отсутствием других интересов.

4. Кроме того, человеку, зависимому от компьютера, присуще не «думать», а «искать». Зависимый человек при первой возможности будет искать ответы на вопросы

в интернете, вместо того, чтобы подумать самому. Это приводит к тому, что продуктивность мыслительной деятельности будет неумолимо снижаться [5].

5. У таких людей возникают проблемы с родителями, супругами, детьми. Для них гораздо важнее компьютер. Многие семьи разрушаются.

6. Появляются суицидальные мысли (см. таблицу 1). Таким образом, чрезмерное пристрастие к работе/играм/общению за компьютером приводит к компьютерной зависимости и влечет за собой ряд негативных последствий для человека. Положительные качества человека постепенно сменяются отрицательными, что ведет к социальной дезадаптации.

Литература:

1. Арестова, О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестн. Моск. Ун-та. Психология. — 1996. — № 4. — с. 14–20.
2. Бабаева, Ю.Д. Психологические последствия информатизации / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский // Психологический журнал. — 1998. — № 1. — с. 89–100
3. Войскунский А.Е., Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М, 2000. — С 100–131.
4. Друзин, В.Н. Педагогическая профилактика игровой компьютерной аддикции подростков. Автореф... канд. пед. наук. — Ярославль, 2011. — 23с.
5. Иванов, М.С. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека. — Кемерово, 1999. — Электронный ресурс / [Режим доступа]: <http://www.flogiston.ru/articles>
6. Кострикова, М.В. Ведущие мотивы выбора профессии в подростковом возрасте // Теоретические и методологические проблемы современных наук. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Центр содействия развитию научных исследований. Новосибирск, 2013, с. 223–225.
7. Литвиненко, О.В. Психологические детерминанты компьютерной игровой зависимости и особенности ее психопрофилактики. Автореф. ... канд. Психол.наук. — Санкт-Петербург. 2008. — 28с.
8. Лоскутова, В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств. Автореф... канд. мед. наук. — Новосибирск, 2004. — 17с.
9. Юрьева, Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография / Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Большот. — Днепропетровск: Пороги, 2006, — 354с.

Феномен лидерства в коллективе младших школьников

Макарова Оксана Анатольевна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Интерес к лидерству возник еще в глубокой древности. Поэтому сейчас очень актуальной проблемой является феномен лидерства, который на протяжении веков волновал сознание многих ученых на разных этапах развития общества. Обстановка и условия жизни ставят нас в такое положение, где выживает сильнейший. Успеха добьется тот человек, в котором присутствуют черты лидера.

Феномен лидерства — это определенный естественный процесс в группе, строящийся на основе влияния на поведение членов этой группы личного авторитета лидера. Лидер не только указывает путь своим последова-

телям, но имеет желание делать это, а его последователи без принуждения идут за ним также по собственному желанию.

К лидерским следует отнести такие психологические качества как: уверенность в себе, острый ум, умение понять особенности психологии людей, сильную волю, организаторские способности.

Сейчас в наше время проблема лидерства находится в поле зрения различных наук, изучается как зарубежными, так и отечественными социологами, политологами, педагогами, психологам, юристами. В отечественной лите-

ратуре данной теме посвящены исследования Г. К. Ашина, И. Р. Колтуновой, Л. И. Кравченко, Л. Р. Кричевского, Е. С. Кузьмина, Б. Д. Парыгина, А. В. Петровского, Л. И. Уманского и других.

Что же такое лидерство? Лидерство — это определенная способность влияния на окружающих людей, направляющая все их усилия непосредственно для достижения собственных интересов.

На протяжении долгих лет многие исследователи изучали феномен лидерства, разработали целый ряд неопровержимых теорий происхождения данного феномена. Также кроме этого выделяют самые различные стили лидерства.

В ходе изучения феномена лидерства Э. Х. Шейн были выделены основные **функции лидерства**. Одной из них является интегративная функция, которая заключается в том, что лидерство объединяет определенных людей, имеющих общие цели, общие интересы, похожие хобби в одну организованную группу. Дезинтегративная функция предполагает, что люди, объединенные своими целями в одной группе, становятся единственным в своем роде обособленным коллективом.

Также к функциям лидерства относится и организационная функция — создание одной общей для всех системы управления и таких условий, в которых бы комфортно существовали и общались члены коллектива, планирование всех предполагаемых действий, событий, своевременное распределение обязанностей и ролей между членами коллектива, кроме этого, регулирование существующих отношений между участниками данной группы.

Конструктивная функция выражается в определенной программе, в которой предусмотрены общие интересы членов команды. Эта программа должна подходить для всех участников группы, удовлетворять их интересы, не ущемляя ни в чем других членов группы.

Координационная функция предполагает то, что все решения, принятые в коллективе, были согласованы с общественным мнением, со всеми системами, принятыми в данном обществе. [3, с 102].

Любая определенная социальная группа людей нуждается в лидере, который поставит перед членами группы задачи и найдет способ решить их, обеспечит совместные действия в команде и ее сплоченность, кроме этого удовлетворит ожидания всех членов этой команды. При возникновении каких-либо трудностей или проблем, последователи лидера не должны разочаровываться в нем и поставленных им целях, а продолжать путь к достижению этих целей, сохраняя при этом целостность своей группы.

Лидер — это прежде всего человек в какой либо группе, пользующийся большим, признанным авторитетом, обладающий влиянием, которое проявляется как управляющие действия.

Б. Д. Парыгин приводит следующие характеристики лидера:

1. Лидерство возникает стихийно.
2. Явление лидерства менее стабильно, выдвижение лидера в большей степени зависит от настроения в группе.

3. Лидер в основном призван осуществлять регуляцию межличностных отношений

4. Лидерство можно констатировать в условиях микросреды.

5. Лидер принимает непосредственные решения, касающиеся групповой деятельности.

Сфера деятельности лидера является в основном малая группа, где он является лидером.

Лидер хочет направлять и вести за собой последователей, а последователи не просто идут за лидером, но и хотят идти за ним. Исследования показывают, что знания и способности лидера оцениваются людьми всегда значительно выше, чем соответствующие качества остальных членов группы. Лидеру присущи следующие психологические качества: уверенность в себе, острый и гибкий ум, компетентность как доскональное знание своего дела, сильная воля, умение понять особенности психологии людей, организаторские способности. [2, с 128].

Лидерские качества в онтогенезе человека закладываются и развиваются, по мнению, ученых в младшем школьном возрасте.

Особенностями детей младшего школьного возраста является то, что это возраст, соответствующий годам обучения в начальных классах, возраст спокойного и равномерного физического развития, когда происходит повышение работоспособности, основной ведущей деятельностью становится учение.

Обычно уже в шестилетнем возрасте выявляются те дети, которые могут придумать и организовать игры, руководить распределением ролей, подсказывать другим детям действия, нужные в игре. Это и есть лидеры. Они, как правило, выполняют главную роль, хотя и могут уступить другому ребенку ту роль, которую сами хотели взять.

В школьном возрасте качества лидера только развиваются. Лидером в игре может стать ребенок, который пользуется небольшой популярностью, умеет договориться со сверстниками. Лидерство в этом возрасте не гарантирует этой способности в дальнейшей жизни, однако в лидерстве, обнаруженном в шестилетнем ребенке, есть предпосылки к тому, чтобы эта способность развивалась и в средней школе. [1, с 98].

Когда формируется коллектив младших школьников, часто вводится система лидерства, например, лидеры-дежурные или же привносятся лидерское руководство путём назначения лидера.

Обсуждаемым остается вопрос как именно следует применять эту систему? Нужно ли выбирать лидера и как это надо делать? Выбрать путь назначения всех по очереди или же пусть дети сами выбирают лидера? Если вводить очередность, то чаще всего это будут дежурные. Назначение лидера в порядке очередности более демократично, т.к. все дети имеют возможность получить опыт лидерства. В этом случае нужно рассмотреть следующие моменты.

Прежде всего, определить, то что, учитель ожидает от содержания деятельности ребенка, назначенного на роль лидера.

Выдвигая лидера с целью, чтоб он чему-то научил коллектив, необходимо, позаботиться о том, что бы продумать для ребенка, выполняющего в данный момент роль лидера, определенный объем работы по организации деятельности своих товарищей. А для такой деятельности надо дать лидеру соответствующие полномочия для руководства.

Эта работа, как и всякая другая практическая деятельность, должна носить такой характер, чтобы исполнители смогли делать ее попеременно. Если лидером становится все по очереди, содержание деятельности лидера необходимо ограничивать кругом повседневных практических дел.

Если же требовать от детей исполнения работы, для которой требуется соответствующий пакет полномочий на руководство, появятся такие, кто и без назначения на лидерство будет прекрасно выполнять порученное. С виду принцип очередности выглядит вполне демократичным, обеспечивающим равенство. Но разве на деле опыт практического лидера не заставляет испытать чувство превосходства неравенства.

Размышляя о том, что такое лидер коллектива, нельзя подходить к этому явлению односторонне, уделяя внимание только тем детям, которые могут стать лидерами. Коллектив должен уметь сам выбирать наиболее подходящего для себя лидера, критиковать и переизбирать его, если он не оправдывает надежд групп. Наряду с осознанием возможности для себя стать лидером, возможности влиять на события ребенку важно иметь способности избирать и переизбирать лидера.

В этом плане идеал очередности имеет один недостаток: в ней не предполагается избрание лидера, как наиболее достойного система передачи роли лидера каждому члену коллектива по очереди не дает власть лидера автоматически каждому ребенку, а напротив, становится тормозом в понимании значения лидерства.

Возникают также сомнения относительно того, что, если нет системы в очередности лидерства, в коллективе остаются дети, которых не выбирают лидерами и такой ребенок может никогда не испытать, что такое быть лидером.

Однако лидер имеет основную задачу руководства другими детьми, и чем лучше результат его руководства, тем больше пользы от него руководимым, т.е. чем лучше руководит лидер, тем сильнее и самостоятельнее становится коллектив.

Таким образом, лидерство в детской группе считается очень важной проблемой, так как учителю при организации учебно-воспитательного процесса необходимы

дружные взаимоотношения между детьми, и ребенок, который будет посредником между учителями и классом. Именно умение найти в своем классе помощника (лидера), который, смог бы поднять, увлечь за собой ребят, помогает учителю в учебно-воспитательном процессе и в формировании нормальной, здоровой детской группы.

Изучение лидерства в младшем школьном возрасте остается актуальным.

В исследовании феномена лидерства в коллективе младших школьников приняли участие дети 3 «В» класса, обучающиеся в НОШ № 31 г. Чита, в количестве 25 человек.

С помощью метода социометрии в составе класса определялись наиболее и наименее популярные учащиеся — с одной стороны своего рода «вожаки», с другой стороны — дети, которых класс не любит, не принимает, игнорирует.

Были выявлены статусные группы: «звезды», «предпочитаемые», «принятые», «не принятые».

С помощью социометрии мы выявили «звезду класса», то есть ребенка, к которому максимально положительно расположены дети. Диагностировали симпатии учащихся. В 3 «В» классе выделились следующие группы детей:

один человек — «звезда» класса, двенадцать человек — наиболее предпочитаемые и тринадцать человек — менее предпочитаемые.

«Звезда» получила 13 выборов из 25, этот человек является старостой класса и оказывает ценностное влияние на школьный коллектив, обладает такими качествами как доброта, отзывчивость, преданность, оказание помощи. С этим человеком общаются почти все члены класса, то есть в данном коллективе роль лидера принадлежит учащемуся, который выполняет и формальную роль лидера — является старостой класса.

Благополучная ситуация подтверждается и классным руководителем, по его словам климат в классе достаточно благоприятный, все дети играют вместе.

Таким образом, можно сделать вывод, в любой группе есть лидер, который ведет и направляет членов группы. Люди привыкли выбирать лидера или человека, являющегося для всех авторитетом. Лидером в коллективе младших школьников может стать ребенок, который пользуется популярностью среди сверстников, имеющий такие качества как доброта, преданность, отзывчивость, старание оказать помощь.

В группе младших школьников иногда трудно выделить лидера, но можно увидеть учащихся с задатками лидера. Чаще это веселые, умные, инициативные, общительные, самостоятельные дети.

Литература:

1. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет): Учебное пособие. М.: Изд-во Ун-та Российской академии образования, 2006. 175с.
2. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1990. 315с.
3. Шейн, Э. Х. Корпоративная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2008. 280с.

Особенности взаимоотношений подростков с родителями в условиях сельской школы

Митичева Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент;
Максимова Александра Алексеевна, студент
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье исследуется проблема особенностей взаимоотношения подростков со с родителями. Экспериментальным путем доказывается, что слабый уровень взаимоотношения подростков со родителями влечет за собой низкий показатель доверия и высокий уровень тревожности.

Ключевые слова: подростки, взаимоотношения, родители, тревожность, взаимопонимание.

Features of relationship of teenagers with parents in the conditions of rural school

Minicheva Tatiana Ivanovna, candidate of pedagogical Sciences, docent;
Maksimova Aleksandra Alekseevna, student
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch)

In article, the problem of features of relationship of teenagers with with parents is investigated. It is experimentally proved that the weak level of relationship of teenagers with parents involves a low indicator of trust and high level of uneasiness.

Keywords: teenagers, relationship, parents, uneasiness, mutual understanding.

Проблема выстраивания детско-родительских отношений подростков с родителями в период социально-экономических изменений, происходящих в стране, является актуальной темой на современном этапе. Установление позитивных взаимоотношений подростков с родителями, как утверждают психологи, сказывается на их дальнейшем развитии.

К проблеме детско-родительских отношений в последние годы обращаются многие авторы: как российские (А. А. Бодалев, Г. А. Ковалев, А. В. Петровский, А. С. Спиваковская, И. В. Дубровина, А. Я. Варга, И. С. Кон), так и зарубежные Э. Г. Эйдемиллер, Ю. Г. Гиппенрейтер, К. Юнг, Э. Эриксон, К. Хорни, Э. Фромм, К. Роджерс и др.)

Российские психологи (А. Я. Варга, Г. А. Ковалев, А. В. Петровский, А. С. Спиваковская, В. В. Столин, В. И. Руденко и др.) важным для подростков является отношение родителей к ним. Эти отношения могут повлиять на благоприятное развитие личности подростков, либо привести к нежелательным последствиям как для подростка, так и для его родителей.

Российские педагогики (Н. Е. Щуркова, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский и др.) затрагивают проблему о воспитании детей. Они считают, что детей необходимо воспитывать с любовью и пониманием, не лгать и не обманывать их, а также возможности расширения прав и самостоятельности подростка.

Зарубежные авторы (К. Юнг, Э. Эриксон, К. Хорни, Э. Фромм, К. Роджерс, Д. Боулби, М. Эйнсворт, Р. Сирс и др.) разрабатывали новые подходы к проблеме дет-

ско-родительских отношений. Они рассматривали эти отношения как главное и важное в жизни ребенка, подчеркивая значимость и материнской, и отцовской любви.

С родителями подростка выстраиваются самые близкие взаимоотношения в детском возрасте, однако к подростковому возрасту у ребенка эта связь нарушается. Родители, в связи с этими изменениями, меняют и свое отношение к ребенку, свой стиль воспитания. Некоторые родители адекватно воспринимают такой переход ребенка к взрослой жизни и при этом помогают ему: стараются во всем поддержать ребенка, быть рядом с ним, так чтобы он чувствовал их поддержку. Другие родители, наоборот, начинают воспринимать все в штыки, недопонимать своего ребенка, стараются показать свое превосходство над ним. Задача родителей — помочь подростку повзрослеть. Однако, если семья не готова «отпустить» подростка, предоставив ему права и свободы, неминуемы проблемы из-за разных взглядов на права ребенка.

Родители общаются с ребенком всегда — когда учат и приучают, когда кормят и гуляют, наказывают и играют. От того, как проходят общение, зависят и результаты воспитания, и конечно общее благополучие ребенка, да и от родителей — говорила Ю. Г. Гиппенрейтер [1, стр.42–44].

Несмотря на стремление к самостоятельности, подростку в любой период времени необходимо теплое родительское отношение. Если подросток ощущает любовь и заботу со стороны родителей, уважение к нему, то он чувствует себя значимым, любимым, ему комфортно в семье, его самооценка становится адекватной.

Таким образом, противоречие очевидно: у родителей сохраняется отношение к подростку как к ребенку, и они не могут или не хотят что-либо менять, но подросток представляет себя уже вполне взрослым, а отсюда возникают различные претензии. Именно это противоречие лежит в основе трудностей и конфликтов между родителями и подростками [2, стр. 212].

Большинство семей не могут самостоятельно разрешить эти противоречия, приводящие к конфликтам. Это может быть связано с личностными особенностями, как подростка, так и его родителей, нежелание идти у кого-то на поводу и просто поговорить. В связи с этой проблемой родителям и подросткам необходимо оказывать психолого-педагогическую поддержку специалистами образовательных учреждений [3, стр. 167].

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме развития детско-родительских отношений в подростковом возрасте позволил нам разработать программу экспериментального исследования.

Исследование проводилось на базе МБОУ Шатовская СОШ. Испытуемыми стали подростки 9 «А» и 9 «Б» класса, в количестве 40 человек.

Основной задачей нашего исследования было изучить взаимоотношения родителей с подростками.

В качестве испытуемых выступали 40 подростков в возрасте 13–14 лет: 10 девочек и 10 мальчиков. Число экспериментальной группы составило 20 подростков, обучающихся в 9 Б классе, из них 7 девочек и 3 мальчика. Состав контрольной группы — 20 подростков, обучающихся в 9А классе, из них 14 девочек и 6 мальчиков.

Перед началом исследования была проведена беседа с педагогами и классным руководителем школы. В целом учителя отзываются об учениках данных классов с положительной стороны: «ученики достаточно дисциплинированные, неплохо усваивают учебный материал, хотя некоторые из них требуют большего внимания к себе». Классный руководитель отметил, что существуют разные типы взаимоотношений между родителями и подростками, которые оказывают непосредственное влияние на развитие личности ребенка.

Подросткам экспериментальной группы классным руководителем была дана следующая характеристика. Все учащиеся воспитываются в полной семье. По взаимодействию со школой можно отметить, что 7 семей можно отнести к типу здоровой семьи, которой характерна сильная родительская позиция с ясными семейными правилами.

Контрольную группу 20 учащихся, из них 14 девочек и 6 мальчиков характеризует (из беседы с классным руководителем) более стабильное поведение на уроках и во взаимоотношениях со старшими, но им также характерны участвовавшие конфликты, как между собой, так и с учителями, родителями.

В обеих группах отмечено снижение успеваемости. Но классный руководитель отмечает, что учащиеся контрольной группы собраннее на занятиях. Родители данных учащихся идут на контакт со школой, принимают активное

участие в делах школы и класса, прослеживается единство в воспитании семьи и школы, на собраниях приходят почти всегда в полном составе, что нельзя сказать о родителях учащихся экспериментальной группы.

Наиболее значительные изменения личностного плана, которые происходят в подростковом возрасте, касаются взаимодействия родителей с современными подростками, поэтому нами были использованы методики для изучения взаимоотношения родителей с современными подростками.

Данные методики позволяют получить разностороннюю картину взаимоотношения родителя и ребенка и судить о том, насколько те или иные черты характера оказывают влияние на взаимоотношения родителей с подростками.

Для исследования особенностей развития детско-родительских отношений в подростковом возрасте нами были использованы следующие методики: «Изучение родительского отношения с подростками» (А. Я. Варга, В. В. Столин), «Отношение подростка с родителями» (Е. И. Рогов), «Типовое состояние семьи» (Р. В. Овчарова).

По результатам методики «Изучение родительского отношения с подростками» А. Я. Варга, В. В. Столина в контрольной и экспериментальной группе можно выделить такую особенность детско-родительских отношений в подростковом возрасте, как социальная желательность (40% и 35%), т.е. стремление родителей к взаимопониманию с ребенком, однако в экспериментальной группе также на достаточно высоком уровне находятся такие особенности отношений родителей к подросткам, как отвержение (15% и 15%) и авторитарная гиперсоциализация (25% и 15%).

По результатам опросника «Отношение подростка с родителями» (Рогова Е. И.) можно сделать следующие выводы: в контрольной и экспериментальной группе в некоторых семьях наблюдаются хорошие взаимоотношения родителей с подростками (60% в обеих группах), в других семьях, наоборот, отсутствует необходимый дружеский контакт между членами семьи и доверительная атмосфера (15% и 25%).

В контрольной группе по результатам методики «Типовое состояние семьи» у 10% испытуемых наблюдается неудовлетворенность отношениями в семье, подростки не чувствуют себя комфортно в сложившемся психологическом климате семьи. Еще 10% учащихся контрольной группы имеют высокий уровень нервно — психического напряжения. И 20% испытуемых ждут негативного отношения других людей, не уверены в себе, своем будущем, проявляют конформность в общении с окружающими.

В экспериментальной группе по методике «Типовое состояние семьи» Р. В. Овчаровой, многие подростки испытывают тревожность (15%), напряжение (15%) и неудовлетворенность внутрисемейными взаимоотношениями (20%).

Таким образом, по результатам проведенных методик можно сказать, в контрольной и экспериментальной группе по таким параметрам как доверие, напряжение, испытываемое подростком в семье, степень тревожности у испытуемых наблюдаются разные результаты. В экспериментальной группе, как показали результаты исследования, взаимоотношения подростков с родителями несколько сложнее, менее доверительны, чем у испытуемых

в контрольной группе. В целом, у подростков в экспериментальной группе выше уровень тревожности, наблюдается менее тесная связь со своими родителями, а также использование последними авторитарного стиля воспитания или гиперопеки.

На основании полученных результатов нами была разработана программа работы психолога по оптимизации взаимоотношений подростков с родителями.

Литература:

1. Гиппенрейтер, Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? — М.: Издательство «МАСС МЕДИА», 2012. — 240 с.
2. Макаренко, А.С. Книга для родителей. — М.: Издательство «Педагогика», 2001. — 300 с.
3. Руденко, В.И. Родители и подростки: умные отношения. — Изд. 2-е. — Ростов н/Д.: Издательство «Феникс», 2012. — 219 с.

Психологическая готовность спасателей к риску

Назарова Ольга Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Пензенский государственный университет

Сайфетдинова Марьям Кяримовна, кандидат педагогических наук, доцент
Московский государственный университет технологий управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет),
Пензенский региональный центр высшей школы (филиал)

В статье рассматриваются особенности проявления тенденции к риску и психологическая готовность спасателей к риску. Предложены способы формирования психологической готовности спасателей к риску.

Ключевые слова: риск; готовность к риску; склонность к риску; стресс; мотивация; индивидуальные особенности; нервно-психическое напряжение; экстремальные условия.

Psychological readiness of rescue workers to the risk

In article features of manifestation of a tendency to risk and psychological readiness of rescuers for risk are considered. Ways of formation of psychological readiness of rescuers to risk are offered.

Keywords: risk; readiness for risk; tendency to risk; stress; motivation; specific features; psychological tension; extreme conditions.

Риск представляет собой осознанную человеком возможную опасность. Ежедневные жизненные ситуации постоянно сталкивают человека с риском, и он уже не замечает его, т.к. автоматически, на подсознательном уровне оценивает его вероятность и потенциальную угрозу.

Высокая готовность к риску обычно сопровождается низкой мотивацией к избеганию неудач, и пропорциональна числу допущенных ошибок.

Как показывают исследования и практика, с возрастом и опытом готовность к риску падает, у наиболее опытных работников готовность к риску ниже, чем у новичков. Гендерные особенности тоже накладывают свой отпечаток: у женщин готовность к риску реализуется при более определенных условиях, чем у мужчин. Еще одной причиной роста готовности к риску является назревание вну-

тренного конфликта. Если рассматривать коллективную жизнь человека, то можно говорить о том, что готовность к риску в коллективе у субъекта проявляется сильнее чем, если бы он был один. Следовательно эта готовность зависит от групповых ожиданий относительно конкретного человека.

В некоторых жизненных ситуациях нет возможности избежать риска, но если знать абсолютно несложные правила и выполнять их можно эти риски минимизировать и не рисковать напрасно.

В нашем хоть и сложном мире можно практически всем управлять. Риск не исключение. Используя различные меры, можно прогнозировать наступление рискованного события, его степень риска и естественно принимать меры к снижению этой степени.

Активность — это то, что характеризует человека деятельностью, и в то же время риск является неотъемлемой человеческой чертой. Так же как и активность, риск, как правило, присущ абсолютно любой сфере человеческой деятельности. Это связано с достаточно большим количеством условий и факторов, которые влияют на положительный результат принимаемых человеком решений.

Творческая деятельность не исключение, риск присутствует и в этой стезе, а бывает он просто необходим для выживания. Рискованный характер присущ многим решениям, а причиной служит всего лишь невозможность предугадать их исход и последствия. Поэтому можно смело говорить о том, что любое решение рискованно в той или иной степени. И независимо от степени риска, в большинстве случаев, принятое решение есть обеспечение психологической безопасности личности.

Риск характеризует деятельность человека не только в контексте ориентированной на возможность неуспеха, потому как человек способен показать умение просчитать и изменить ситуацию в соответствии со своими целями.

Риск — ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха [1].

Склонность к риску это не константа. Современная жизнь полна всевозможных обстоятельств на которые люди по-разному реагируют и соответственно рискуют. Это касается и личной жизни, и профессиональной работы. Можно выделить достаточно много средовых факторов от которых зависит проявление готовности к риску. Вот некоторые из них: сущность и особенности проблемной ситуации; структура социальных систем; методы формирования проблемы, вызывающей риск; типы принимаемых человеком решений и т.д..

Огромную роль к готовности к риску играют конечно же определенные свойства человека, такие как: импульсивность, возбудимость, агрессивность, склонность к доминированию, самоутверждению, гендерная принадлежность (мужчины более рискованны). Выявлено так же, что социальная ответственность, чувство совести, конформность, внушаемость, страх стать «белой вороной» либо изгоем в социуме — это те свойства, которые являются показателем неготовности к риску.

Рассматривая готовность к риску при принятии рискованных решений можно говорить о следующих исходных данных, позволяющих дать им оценку:

— список предполагаемых отрицательных результатов, в контексте того, что любое рискованное решение предполагает потери, а благодаря такой констатации есть возможность минимизировать потери;

— особая роль отводится установкам, которые расставляют приоритеты между личным и служебным;

— зависимость уровня готовности к риску от субъективной вероятности;

— достижение результата и констатация последствий.

Исходя из выше сказанного можно говорить о том, что достаточно важно оценивать степень готовности к риску,

для того чтобы при необходимости была возможность провести коррекционные мероприятия, дабы избежать негативных последствий риска в жизни человека.

В специальной литературе можно найти классификацию, где оценки проявления риска разделяют на объективные и субъективные. Психологическая концепция мотивации достижения успеха объясняет проявление тенденции к риску в условиях свободного выбора задач различной трудности. Однако предпочтение рискованных вариантов действия осторожным не всегда может быть предоставлено в виде исхода борьбы двух конкурирующих тенденций — надежды на успех и страха перед неудачей, постулируемых этой концепцией [2]. В психологических исследованиях встречается такая категория как стремление к бескорыстному риску. Говоря о бескорыстном риске, говорим о предпочтении опасных вариантов поведения безопасным с точки зрения стоящих перед субъектом задач. Подобная спонтанная активность иногда переживается субъектом как влечение к опасности. Этой тенденции принадлежит важная роль в предопределении повышенной склонности к риску.

Что же такое переживание страха? Какова природа страха? С одной стороны переживание опасности можно отнести к предостерегающему, мобилизирующему и активизирующему человека фактору, а с другой — это фактор, который угнетает активность, тем самым нарушая поведение человека. Исходя из этого можно утверждать, что чувство опасности и страха не всегда явление негативное, его природная сущность — оградить и оберегать жизнь и существование человека.

Человек рискует сознательно если решается на поступок или действие заведомо зная о предстоящей опасности и предполагаемых результатах. В подобных случаях успешное завершение поступков часто зависит от уровня развития моральных и волевых качеств человека, сознания ответственности, долга перед коллективом, самообладания, мужества и мастерства. Переживание опасности, сопровождающееся страхом, обычно неприятно, то есть носит характер отрицательной эмоции. Необходимо отметить, что переживание опасности не всегда негативно. Иногда именно опасность, придавая пикантность ситуации, вызывает интерес к ней и дает возможность человеку креативно и когнитивно подойти к решению задач в ней. Опасные ситуации и рискованные действия могут вызывать разнообразные и при том противоположные эмоциональные отношения и реакции у людей, которые характеризуются как «смелые» или «робкие», имеют различные индивидуально-психологические особенности.

Опасность пробуждает в человеке многогранные переживания, но это далеко не всегда то, что мы называем скованностью. Если у человека хорошо развиты волевые свойства личности, то он может реагировать на сигнал об опасности напротив подъемом сил, обострением интуиции, активизацией мыслительных операций и способностей мышления в целом, а так же стремлением бороться.

Все, что связано с подобными переживаниями оставляет у человека яркие, увлекательные, интересные воспоминания.

Но даже самый хорошо организованный и волевой человек, под влиянием надвигающейся опасности, может испытать чувство страха. Страх — это сильнейший манипулятор, это то, что в силах нарушить любое волевое действие человека. Чем сильнее чувство страха, тем меньше у человека остается возможностей преодолеть его, тем больше вероятность того, что человек потеряет контроль над своими действиями и поведением вообще [3].

Знания, умения, опыт иногда не только подкрепляют волевое качество смелости, но даже, если можно так выразиться, принимают часть ее функции на себя. Однако в минуты реальной опасности даже у опытного человека возникает нервное возбуждение, свойственное переживанию опасности. Оно мобилизует человека на активные действия и помогает выйти из этой ситуации. Активно действуя, человек уже не переживает страх. Если же вызванный сознанием опасности приток сил и энергии по тем или иным условиям не находит выхода в активной деятельности, возникает неприятное, тягостное состояние пассивного ожидания, бездействия, а следовательно, и страх. В связи этим «наблюдатели» в опасных и рискованных ситуациях часто проявляют большую нервозность, чем человек, сам подвергающийся опасности или риску [4].

Экстремальные условия деятельности тесно связаны с возникновением чрезмерного эмоционального напряжения, которое может приводить к различным формам психической дезадаптации. В таких условиях осуществляется деятельность спасателей. Она сопровождается неблагоприятным воздействием физических, химических, психологических и других патогенных факторов, вызывающих выраженный физиологический и психоэмоциональный стресс [2]. Экстремальные условия характеризуются сильным травмирующим воздействием событий, происшествий и обстоятельств на психику сотрудника. Это воздействие может быть мощным и однократным при угрозе жизни и здоровью, взрывах, обрушениях зданий и т.п., или многократным, требующим адаптации к постоянно действующим источникам стресса. Оно характеризуется различной степенью внезапности, масштабности, может служить источником как объективно, так и субъективно обусловленного стресса.

Стресс — состояние душевного (эмоционального) и поведенческого расстройства, связанное с неспособностью человека целесообразно и разумно действовать в сложившейся ситуации [5]. К наиболее мощным объективным стрессорам относятся: угроза собственной жизни, жизни товарищей по службе, некоторых категорий граждан (женщин, детей, стариков). К субъективным причинам стресса относятся: недостаточная опытность, психологическая неподготовленность, низкая эмоциональная устойчивость. Готовность к риску также может обратиться в стрессовую ситуацию.

Для оценки степени готовности к риску спасателей мы использовали тест оценки степени готовности к риску Шуберта (PSK).

В исследовании участвовали сотрудники Пензенской поисково-спасательной службы (ППСС), деятельность которых связана с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС), сохранением жизни и имущества граждан. В исследовании принимали участие 30 человек (27 мужчин и 3 женщины) в возрасте от 22 до 47 лет. Испытуемые были поделены на три группы в зависимости от стажа работы: первая группа со стажем работы до пяти лет, вторая группа со стажем от шести до десяти лет, третья группа со стажем работы от одиннадцати лет и выше.

Результаты исследования показали, что первая и третья группы имеют положительные значения, а вторая — отрицательное. На основе этих показателей можно предположить, что сотрудники ППСС со стажем работы до 5 лет и сотрудники со стажем от 11 лет и выше более склонны к риску, чем те, которые оказались в группе со стажем работы от 6 до 10 лет. То есть неопытные и более опытные сотрудники больше склонны к риску, чем сотрудники со стажем работы от 6 до 10 лет.

При изучении индивидуальных особенностей сотрудников МЧС в зависимости от их готовности к риску был использован «Опросник Мини-мульти» (сокращенный вариант Миннесотского многомерного личностного перечня ММРП). Диагностика реализовывалась с использованием компьютерных технологий, применяемых в области психологии.

В зависимости от склонности к риску спасатели показывают различные результаты в выполнении специальных упражнений. Нервно-психическое напряжение у спасателей, не склонных к риску, более ярко выражено, чем у лиц, обладающих таким качеством. При этом замечено, что высокий уровень стресса у спасателей, избегающих риска, отрицательно влияет на эффективность их деятельности в экстремальных условиях.

Анализ результатов выполнения упражнения, связанного с большой физической работой, показывает, что лица, склонные к риску, значительно эффективнее действуют в экстремальных условиях (гораздо дольше работают, чем лица, не склонные к риску). Спасатели, не склонные к риску, испытывают высокий уровень стресса, как в обычных, так и в экстремальных условиях. Стресс, заметно улучшая деятельность лиц, склонных к риску, не позволяет лицам, не имеющим такого качества, повысить эффективность своей деятельности. Первые более склонны к адаптации действиям стресс — факторов. Показатели их психической напряженности (частота пульса, артериальное давление) по мере формирования динамического стереотипа приближаются все более к норме.

Лица, не склонные к риску, избегают действовать в опасной зоне, стремятся выбрать наиболее безопасное место, часто преувеличивают опасность. Они стремятся

уклониться от воздействия стресс — факторов, нередко, вплоть до отказа от выполнения задания.

Таким образом, в экстремальных условиях спасатели в зависимости от склонности к риску ведут себя по-разному. Одних объективно существующая опасность может лишить воли, заставить отказаться от действий, других же, наоборот, она мобилизует, приводит к дополнительному приливу сил. Лица, склонные к риску, в экстремальных условиях находят источник острых и возвышенных чувств, а переживаемая опасность доставляет им удовольствие, способствуя выполнению боевого задания.

Знание индивидуально-психологических особенностей подчиненных позволяет начальствующему составу целенаправленно проводить воспитательную работу и повышать эффективность спасательных работ. В своей практической работе руководители подразделений могут использовать такой метод, как составление психологических характеристик на каждого спасателя. Анализ характеристик поможет более обоснованно выбирать средства и способы психологической подготовки.

Литература:

1. Психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Политиздат, 1999—494 с.
2. Альгин, А. П. Риск и его роль в общественной жизни, М.: Мысль, 1989. — 192 с.
3. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов / П. С. Гуревич. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 495 с.
4. Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. Тарас А. Е., Сельченко К. В. — М.: АСТ, Мн: Харвест, 2002. — 480 с.
5. Корнилова, Т. В. Диагностика мотивации и готовности к риску Текст. / Т. В. Корнилова. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. — 232 с.

Анализ психолого-педагогических условий профессиональной подготовки будущих учителей математики на основании изучения представлений студентов о математическом образовании

Нешумаев Михаил Викторович, аспирант

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре)

В соответствии с программой федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) требования предъявляются не только к компетенциям, которыми должен овладеть выпускник в результате освоения образовательного курса, но и также к созданию необходимых психолого-педагогических условий, оптимальных для их формирования. В представленной статье автором рассмотрен вопрос об анализе таких условий, созданных в одном из педагогических вузов Дальнего Востока. В основу изучения были положены психологические представления студентов о математическом образовании, получаемых ими.

Ключевые слова: ФГОС ВПО; профессиональная подготовка будущих учителей математики; психолого-педагогические условия обучения

Психологические представления совокупного субъекта всегда отражают условия его бытия. Но прежде

Для формирования психологической готовности спасателей к риску следует внедрить в практику:

— проведение деловых игр по отработке действий спасателей в ЧС, характеристике района ЧС, моделированию возможных причин и последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий в районе, отработке реабилитационных мероприятий в ходе профессиональной деятельности спасателей на стадии подготовки и выполнения ПСР. По завершению провести разбор действий и ошибок спасателей при проведении деловой игры;

— использование компьютерных тренажеров, моделирующих действия сотрудников службы спасения в условиях чрезвычайных ситуаций;

— использование компьютерной программы «Служба спасения», где представлена реальная физическая модель действий спасателей в чрезвычайных ситуациях;

— использование симулятора террористической атаки (компьютерный вариант), призванный моделировать поведение различных государственных служб во время чрезвычайной ситуации.

чем изложить представления молодых специалистов о математическом образовании в процессе их профес-

сиональной подготовки, мы решили прокомментировать) основные проблемы и психологическую сущность современного образования. Нам удалось найти новые подходы к оценке современного математического образования с точки зрения психологии. Особо импонирует идея Ареста М. Я. (Arest Michael), современного математика, доктора философии и психологии, проживающего сейчас в Израиле. Основные положения его теории легли в наше обоснование перспектив развития современного математического образования.

В настоящее время в системе образования продолжает господствовать процесс обучения, который осуществляется посредством субъектно-субъектного отношения «учитель-ученик» и проходит в возрастном развитии следующие стадии в процессе образования:

1) «родитель-ребенок» (возрастная категория от рождения до 3 лет). На этой стадии ребенок познает мир через познавательную среду, создаваемую родителями. Его интеллектуальный уровень определяется интеллектуальным потенциалом родителей. Психология познавательной деятельности определяется психологической подготовкой родителей;

2) «воспитатель-ребенок» (возрастная категория 3—6 лет). На этой стадии ребенок познает мир через познавательную среду, создаваемую детским садом. Его интеллектуальный уровень определяется интеллектуальным потенциалом воспитателя. Психология познавательной деятельности определяется психологической подготовкой воспитателя;

3) «учитель-ученик» (возрастная категория 6—17 лет). На этой стадии ученик познает мир через познавательную среду, создаваемую учителем. Его интеллектуальный уровень определяется интеллектуальным потенциалом учителя. Психология познавательной деятельности определяется психологической подготовкой учителя;

4) «профессор-студент» (возрастная категория 17—22 года). На этой стадии студент получает специализацию через познавательную среду, создаваемую профессором. Его интеллектуальный уровень определяется интеллектуальным потенциалом профессора. Психология познавательной деятельности определяется психологической подготовкой профессора.

Мы видим, что во всех случаях образовательная деятельность является обучающей деятельностью, определяемой такой парой как педагогическая деятельность и учебная деятельность. Возможны два способа организации педагогической деятельности:

1) лекционно-вербальный подход, психологической основой которого является принцип Ж. Пиаже (слова обрабатывают мышление). В этом случае педагог объясняет и добивается понимания вопросами «Это понятно?». Если он скрупулезно раскрывает содержание, то у учащихся возникает иллюзия понимания. Свое непонимание они обнаруживают потом в самостоятельной деятельности;

деятельностный подход, психологической основой которого является принцип Л. С. Выготского (самостоятельная деятельность порождает мышление). В этом случае педагог проблемно ориентирует ученика вопросами, формируя в нем умения к самопознанию. «Почему? Откуда это видно?», а также провокативным методом ложной информации. Если он активно раскрывает деятельность, то у учащихся возникает понимание изучаемого материала. В этом случае они способны задавать вопросы и активизировать образовательную деятельность.

То, что деятельностный подход Л. С. Выготского, построенный на диалектическом понимании мышления, более эффективен, чем подход Ж. Пиаже понято пока только в России, поскольку переводы Л. С. Выготского на иностранные языки смазывают содержательный смысл самого подхода. Работы Л. С. Выготского можно читать только на русском языке, а у западных психологов не всегда есть такая возможность.

Процесс обучения возникает в то время, когда информация не является массовой. В этом случае требуется источник информации, который и создает образовательное развитие. Поэтому процесс обучения начинается тогда, когда ребенок готов к восприятию информации. Ф. Энгельс отмечал, что пространственные материальные формы и количественные отношения между ними составляют основу математики. Понятно, что пространственные материальные формы могут иметь разное предназначение, поэтому теория отражения В. И. Ленина четко обозначает характер процесс познания, которая выдвигает два положения:

1) процесс познания — это процесс логического отражения реальной действительности;

2) процесс познания направлен от живого созерцания к абстрактному мышлению.

Однако В. И. Ленин не только не указал логические средства отражения, но и не раскрыл формы абстрактного мышления. Владея историей развития математического знания от древности до наших дней (филогенез математического знания) В. И. Ленин «снял» процесс этого развития в форме математических отношений, определив для каждого отношения тройку (логическое средство; логический способ; логическую форму). Следует отметить, что впервые задачу построения математики как системы развивающегося знания поставил В. В. Агеев, им были найдены те математические отношения, которые продвигали вперед интеллектуальное развитие социума. После этого была высказана гипотеза о соотношении (но не отождествлении!) филогенеза математического знания с онтогенезом интеллектуального развития личности. Оказалось, что математические отношения найденные учёными, обладают следующими свойствами:

1) их освоение составляет содержательный смысл познавательного развития;

2) указанные отношения применимы на любом этапе возрастного развития, начиная с рождения ребенка;

3) движение от одного отношения к другому вызывает подлинное интеллектуальное развитие, поскольку напрягает гипофиз в поисках нового логического средства отражения.

Раскроем более подробно теорию М. Я. Ареста «Построение диалектической логики на базе теории множеств», а также его личные впечатления его как школьника и студента. Он писал о том, что получив высшее математическое образование, пришел к тому, что изучение математики проходит бессистемно. Начиная наблюдать за этим еще в школе, он закрепил это представление уже в университете. Тут следует отметить еще тот факт, что математическое образование на всей планете строится на принципе метафизического идеализма. Содержательной основой такого принципа является подача логических форм математических объектов без интерпретации содержательного смысла этих объектов. Такой способ изучения математики М. Я. Арест мысленно назвал «логическим хламом» и отказался принимать на веру все математические факты. По его мнению, ни одна из математических книг не пыталась донести до читателя содержательный, жизненный смысл того, что она предлагает. Поэтому впервые идею дифференциального и интегрального исчисления он понял не в университете при изучении математического анализа, а при чтении книги К. Маркса «Математические рукописи».

Именно К. Маркс открыл М. Я. Аресту диалектический смысл математического знания. Дальше он использовал в своем самообразовании (сохраненное от традиционного математического образования) природное диалектическое мышление и построил новое представление о математике, как об общей теории развивающихся структур. Теперь владея принципом развития, как методом построения фактор множества по заданному отношению (математический метод построения нового качества) и принимая за базу пространственные материальные формы, М. Я. Арест без труда смоделировал те познавательные уровни, которые общество прошло в своем интеллектуальном развитии: сенсорный; образный; символический; понятийный. Таким образом, было подтверждено утверждение В. И. Ленина о том, что теория познания, диалектика, диалектическая логика — это синонимы.

На основе этого М. Я. Арест изучил структуру интеллекта с целью описать процесс мышления. Он отмечает, что в традиционном математическом образовании под интеллектом понимается способность адаптироваться к восприятию логических форм, а под развитием логического мышления искусство манипулировать указанными логическими формами. Что касается математического развития, то при этом понимается движение в математическом знании от одного объекта к другому по мере возрастного развития. Понимая под математическим развитием движение от одного математического отношения к другому, М. Я. Арестом в соавторстве с Т. Акбашевым была опубликована работа [2], которая прошла без внимания и откликов со стороны педагогов и психологов.

В этой работе авторы представляли не только математическое развитие, но и связывали его с познавательным развитием. С этой целью моделировался процесс познания содержания как развивающаяся структура математических отношений. В другой работе [3] указанные идеи доводились до технологического воплощения посредством системы заданий, формирующих педагогическую деятельность. Тем не менее, опубликованные результаты не вооружили воспитателей детских садов и учителей из-за того куцевого математического образования, которое они получили. Совершенно очевидно, что чем сложнее внутренняя организация содержания объекта, тем более точными должны быть средства его изучения. Если для математического образования инженера-механика было нужно дифференциальное и интегральное исчисление (диалектический аппарат моделирования механического движения), то для математического образования педагога и психолога нужен более совершенный аппарат, которым является общая теория развивающихся структур, построенная М. Я. Арестом.

Только математическое образование поможет не только учителям математики, но и психологам так организовать процесс базового образования, что он приведет к процессу саморазвития субъекта. Математическое образование в его новом понимании становится необходимым инструментом познания в любой деятельности. Именно математическое образование позволит перейти от процесса обучения к процессу самопознания. Необходимо пересмотреть всю концепцию математического образования, которая была и остается психологически некорректной. М. Я. Арест проанализировал содержание математического образования и выявил его недостатки. Сложность в изменении концепции состоит в том, что она знаменует подлинную логическую революцию в виде перехода от логики Аристотеля (формальная логика) к логике Г. Гегеля (диалектическая логика, которая адекватна природному мышлению).

Различные попытки в совершенствовании обучающей деятельности уже обречены в условиях сегодняшних информационных технологий (доступность массовой информации). Переход от обучающей деятельности к познавательной знаменует новый смысл математического образования, в котором математика становится теорией познания. М. Я. Арест не только создал альтернативную методологию, но и обеспечил ее технологическое воплощение, построив базовое образование на игровой основе.

М. Я. Арестом была детально разработана концепция игрового образования как средство самопроектирования познавательной деятельности субъекта в математическом образовании. На идею игрового образования автора навел ныне покойный мурманский режиссер В. Штернберг. Но его идея относилась к школе начального развития: создание настольной образовательной игры. Взяв эту идею за основу, М. Я. Арест разработал теорию игрового образования в виде следующей последовательности: образовательная игрушка, образовательная настольная

игра, образовательная компьютерная игра. Были определены ступени базового образования:

- 1) родительская школа;
- 2) школа начального развития;
- 3) школа самоопределения личности, также установлены видовые формы игрового образования для каждой ступени. Возник принципиально новый по качеству игровой мир.

На каждой ступени базового образования игровое образование имело собственные цели:

- 1) родительская школа была предназначена для активного развития всех сенсорных каналов восприятия и при этом активно задействовалась работа с подсознанием (при условии закрытых глаз);
- 2) школа начального развития формировала с помощью тех же отношений первичные экономические навыки, навыки чтения и письма, навыки рисования и музицирования;
- 3) школа самоопределения личности формировала профессиональную ориентацию.

В игровой системе автора (М.Я. Арест) получили особое значение электронные игрушки, построенные на микропроцессорной основе. Они стали первым познавательным инструментом. Другой смысл получили и различные конструкторы: они стали образным аналогом подлинного конструирования и потребовали более серьезного отношения к проектированию детских конструкторов. Что касается компьютерных игр, то они должны были проектироваться старшими школьниками для младших. Указанная игровая система образования исключила процесс обучения и обучающую деятельность. Игровая форма стала средством самопроектирования познавательной деятельности. Игровая познавательная деятельность вывела ученика на саморазвитие.

Применение игровых методов в образовательных системах не новшество, однако на практике идет разрыв между обсуждением данных методов с применением в практике обучения школьников и студентов. Неприменение игровых методов в процессе образования снижает учебную мотивацию как студентов, так и школьников. В оценке состояния математического образования в России мы решили проанализировать условия современной математической подготовки студентов будущих учителей математики (математическое педагогическое образование) в сравнении с профподготовкой «студентов-статистиков» (математическое экономическое образование).

Мы исходили из того, что представления человека отражают условия его бытия, таким образом, субъективные представления студентов будут отражать условия их математического образования на современном этапе, при этом следует отметить, что обучение в университете осуществляется по существующим образовательным стандартам системы образования России. Испытуемые студенты получили задание продолжить предложение: «По-моему мнению современное математическое образование...».

Результаты обрабатывались с помощью метода контент-анализа и методикой, предложенной Б.А. Еремевым. Массив слов статистически обработан ранговой корреляцией Ч. Спирмена в программе «Статистика 6.0»

На рис. 1 изображена корреляционная плеяда, отражающая представления студентов-«математиков» о состоянии математического образования в России.

Из рисунка 1 мы видим, что одной из естественных категорий выделилось слово «готов», которое обозначает «сделавший все необходимые приготовления, такой который может что-нибудь предпринять или с которым может что-нибудь произойти, окончательно сделанный, годный к употреблению» (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 2000). В представлениях будущих учителей математики «готов» приобретает обратную характеристику, которая отталкивается от естественной категории и приобретает отрицательное семантическое значение. Группа слов-интерпретаторов представляет нам двойственную ситуацию. С одной стороны, это человек, который «учился правильно, в соответствии с требованиями составлять программы», «учился правильно заполнять журнал». С другой стороны, во всей связке слов так или иначе присутствует слово «незнание», положительно коррелирующее с остальными, что порождает некий парадокс «учили незнание». В качестве естественных категорий также выделились слова «школа», которое согласно Толковому словарю обозначает «учебно-воспитательное учреждение, здание такого учреждения; выучка, достигнутый в чем-нибудь опыт, а также то, что дает такую выучку» и «учитель», обозначающее «лицо, которое обучает чему-нибудь, преподаватель; глава учения, человек, который учит чему-нибудь» (Толковый словарь), которые имеют нулевую связь с остальными словами. Складывается интересная интерпретация выпускниками своей профессиональной подготовки. Получается, то, чему их обучали ни коем образом не связано ни со школой, ни с учительством вообще.

На рис. 2 изображена корреляционная плеяда, отражающая представления студентов «статистиков». В плеяде обнаружены четыре цепочки слов, из которых две связаны между собой, а именно цепочки слов с естественными категориями «математическое» и «уровень», остальные цепочки слов с естественными категориями «мне» и «образование» выстроились автономно. Таким образом, в плеяде выделилось условно четыре характеристики состояния современного математического образования в отражении студентов «статистиков».

Со словом «мне», которое обозначает местоимение «я» в форме принадлежности, положительно связана наука «математика», что подчеркивает личностный смысл этой науки для студентов, данная наука им нужна, она напрямую связана с их профессиональными интересами.

Вторая цепочка слов обнаружила отрицательную корреляцию между словами «образование» и «практика», что указывает на то, что получаемое образование студентами сложно применимо на практике, особенно в усло-

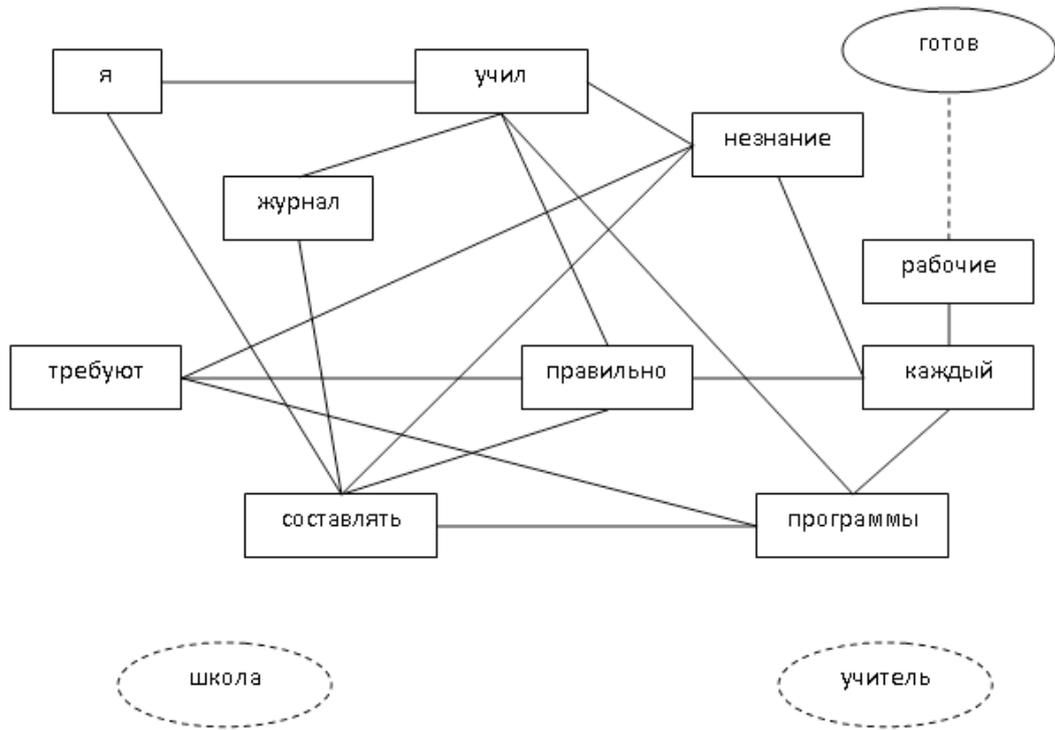

Рис. 1. Корреляционная плеяда, отражающая субъективные представления студентов «математиков» о состоянии математического образования в России (общий массив слов — 654)

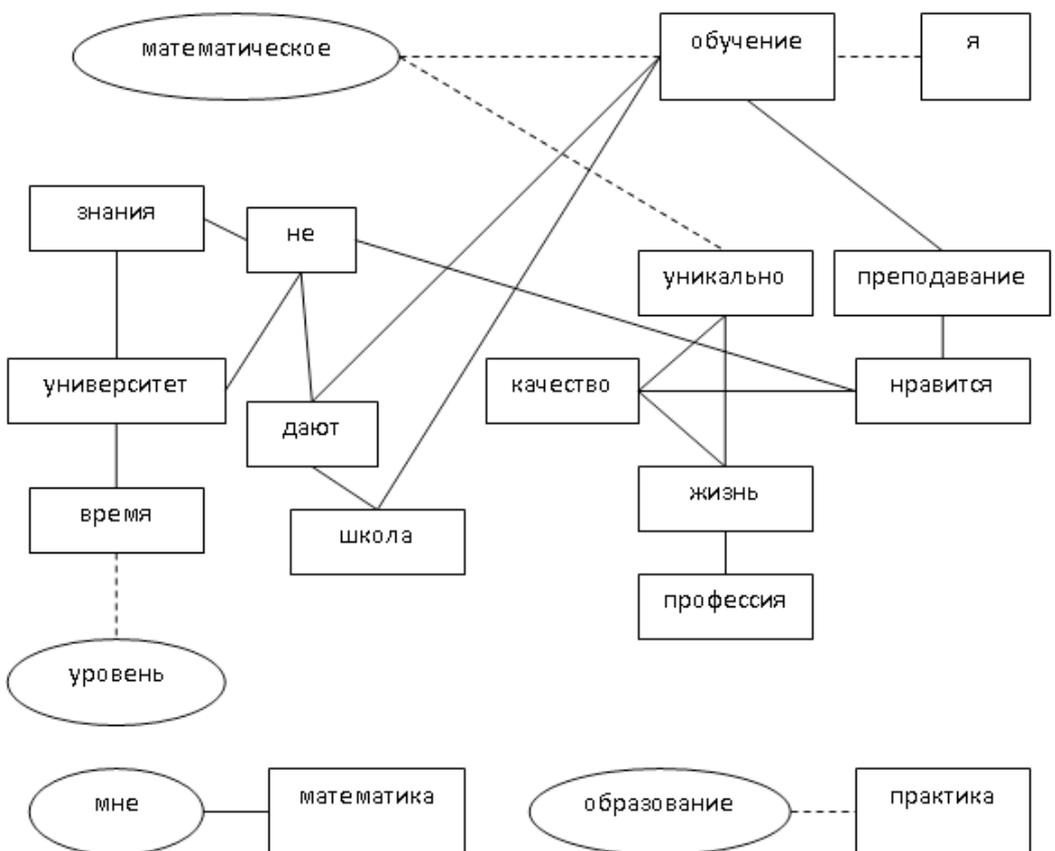

Рис. 2. Корреляционная плеяда, отражающая субъективные представления студентов «статистиков» о состоянии математического образования в России (общий массив слов — 248)

виях их профессиональной деятельности. В текстах было много эмоциональных высказываний после прохождения ими практики в отделе статистики при администрации города, диагностическом медицинском центре и пр. Многие студенты указывали на то, что им приходилось вновь осваивать математику и мат. статистику на рабочем месте, и не было ничего общего с полученным образованием в стенах университета.

Третья цепочка слов от естественной категории «уровень» имеет более сложную структуру, согласно толковому словарю русского языка «уровень» означает степень величины, развития и значимости чего-либо. Данное слово отталкивается от исходящей от него цепочки группы слов-интерпретаторов. Это приобретает обратный смысл, «время» не определяет «уровень» математического образования, «знания» «не» «даются» в «школе», а также «не» в «университете». Кроме этого частица «не» связывает данную цепочку слов с другой цепочкой слов-интерпретаторов, так складывается следующий смысл — «не нравится преподавание и обучение», а слово «обучение» связано с цепочкой слов «дают» и «школа». Таким образом, в представлениях студентов «статистиков» школа связана с процессом обучения, а университет с процессом преподавания, однако как не назови эти педагогические процессы, они не обеспечивают достойный уровень математического образования.

Четвертая цепочка слов с естественной категорией «математическое» отталкивается от слов «обучение» и «уникальное», этого следует, что все уникальное и процесс обучения не связаны с математической областью. Кроме этого местоимение «я» отталкивается от слова «обучение», студенты фактически признаются, что они не учатся. Однако «не математическое» образование «уникально», определяет «качество» «жизни», которое связывается студентами с получаемой «профессией», а упоминаемое ими «качество» в свою очередь связано с «преподаванием» и «обучением», которое им «нравится». То есть студенты разделяют образование в университете в целом и математическое образование, получается, что всё «математическое» как таковое отсутствует, а существует просто система образования.

Таким образом, мы видим, что студенты факультета технологии, экономики и дизайна не обнаруживают достойный уровень математического образования как в школе, так и в университете, причиной чего является собственное отрицательное отношение к обучению, они не хотят учиться и считают, что образование невозможно применить на практике, однако математическая наука

приобретает для студентов личностный смысл в процессе ее применения на рабочем месте, в профессии статистика.

Парадоксальная ситуация сложилась с профессиональной подготовкой учителей математики, из плеяды четко выделилась их неготовность к профессии учителя. С одной стороны они готовы применять математическое образование, но не связывают его со школой и профессией учителя математики. Здесь явно у студентов отсутствует личностный смысл труда учителя математики.

Полученные нами результаты исследования показывают, что в процессе профессиональной подготовки студентов в области математического образования, следует не только транслировать математические знания, а связывать их с будущей профессией студентов, показывая им ситуации по их применению. Нельзя также забывать про профориентационную работу школ, которая готовит школьников психологически к выбору будущей профессии. Однако сейчас мы можем констатировать факт о разрыве связи между школами и вузами, современная профориентация построена на количественном подходе, какие предметы школьники в состоянии сдать, на такие направления образования они и делают выбор, то есть у них полностью отсутствует смыслообразующая составляющая своего выбора будущей профессии. Это приводит к тому, что математическое образование проходит формально, и студентам на практике в учреждениях приходится заново осваивать некоторые аспекты профессиональной подготовки и учиться самим применять свою математическую подготовку на практике.

Устные собеседования со студентами факультета информационных технологий, математики и физики показали, что при изучении методики преподавания математики в школе их обучают устаревшим игровым методам в преподавании математики школьникам. Таким образом, студенты «математики» ощущают отсталость и недоступность математического образования в плане практического применения. Современные математические книги по курсу высшей математики написаны очень сложным символическим языком, все, что остается в жизни человека, это умение оперировать числами, а алгебраические и тригонометрические формулы, и геометрические идеи — вылетают из головы и не применяются в жизни, что утрачивает весь смысл математического образования. Мы сталкиваемся с утратой смыслов у студентов-математиков, которые уже в своей профессиональной деятельности при преподавании математики в школе не могут передать смысл математического образования последующим поколениям.

Литература:

1. Арест, М. Я. Качественно новый подход к образовательной деятельности (31.08.2012). — Источник. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/104549682> (дата обращения 17.03.2015).
2. Арест, М. Я. Концепция базового математического образования в непрерывном образовании / Т. Акбашев, М. Я. Арест. — 2012. — Источник. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/104550921> (дата обращения 21.01.2015).

3. Арест, М. Я. Что изучает математика. — 2012. — Источник. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/103698154> (дата обращения 21.01.2015).
4. Логвинов, И.Н. 10 избранных лекций по педагогической психологии / И.Н. Логвинов, С.В. Сарычев. — Источник. [Электронный ресурс]. URL: <http://vashpsixolog.ru> (дата обращения 21.01.2015).
5. Сергеева, Т. Ф. Актуальные проблемы школьного математического образования /Т. Ф. Сергеева // Математика и математическое образование: материалы международной конференции «Proceedings of the Forty First Spring Conference of the Union of Bulgarian Mathematicians Borovetz», April 9–12, 2012. — с. 107–112.
6. Шакирова, Р.Г. Структура и уровни психологической готовности учителя к профессионально-педагогической деятельности. — Источник. [Электронный ресурс]. URL: <http://childpsy.ru/dissertations/id/20108.php> (дата обращения 18.12.2014).

Влияние феномена лидерства на формирование межличностных отношений в классном коллективе младших подростков

Патрикеева Элла Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент;
Ивонтьева Юлия Константиновна, студент
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье затронуты проблемы организации работы педагога по развитию ученического коллектива, исследуется феномен лидерства и его влияние на формирование межличностных отношений в школьном классе, изучаются социально-психологические аспекты развития коммуникативной компетентности обучающихся с выраженными лидерскими тенденциями личности.

Ключевые слова: феномен лидерства, межличностные отношения, выраженность лидерских тенденций в личности, формирование классного коллектива, младшие подростки, коммуникативная компетентность.

The influence of the phenomenon of leadership in the formation of the classroom team of teenagers

Patrikeeva Ella Gennadievna, Ph.D., Associate Professor;
Ivontieva Yulia Konstantinovna, student
Lobachevsky State University

The article investigates the problem of the influence of the phenomenon of leadership on the formation of the school team. The investigation proved that the degree of development of communicative competence of the leader depends on the level of group cohesion and the state of the psychological climate in the school team.

Keywords: the phenomenon of leadership, interpersonal relations, the severity of leadership trends, the formation of a classroom team, teenagers, communicative competence.

Одним из ведущих направлений педагогической деятельности является воспитательная работа с классом обучающихся по формированию дружного коллектива, так как классный коллектив является средством организации совместной учебной деятельности школьников. Сплоченный классный коллектив — важное условие развития индивидуальности каждого ребенка. Известно, что учебный коллектив имеет двойственную структуру: с одной стороны, он является объектом и результатом сознательных целенаправленных воздействий педагогов, которые определяют многие его особенности (виды и характер деятельности, число членов, органи-

зационную структуру и т.д.); с другой стороны, учебный коллектив — это относительно самостоятельно развивающаяся организация, которая подчиняется особым социально-психологическим закономерностям.

Проблематикой детских коллективов в психологии занимались многие исследователи: П.П. Блонский, Е.А. Аркин, Н.И. Иорданский, А.П. Пинкевич, М.М. Пистрак. Свои идеи воплощали в практической деятельности в детских учреждениях С.М. Ривес, Н.М. Шульман, В.Н. Сорока-Росинский, С.Т. Шацкий. Особенно отметим А.С. Макаренко, который разработал и обосновал методы и принципы управления коллективом.

Проблемами характеристики лидерской компетенции, педагогических условий для развития лидерских качеств занимались Т. Е. Вежевич, Т. Л. Хацкевич, Т. Е. Конникова, Х. Лийметц, Л. И. Новикова, А. Т. Куракин и др.

Проблема формирования классного коллектива и лидерства в ученическом коллективе и остаётся значимой и актуальной в настоящее время. Формирование межличностных отношений в классе — процесс педагогически управляемый, и важнейшим средством его осуществления является подробное изучение специфики и динамики симпатий, антипатий, лидерства и подчинения в детском коллективе. Для эффективной педагогической деятельности учителю необходимо четко представлять структуру межличностных отношений в классе школьников, чтобы позитивно влиять на психологический климат, на формирование и развитие сплоченного коллектива. Сплоченность коллектива является защитой коллектива от неблагоприятных воздействий социальной среды, критерием нравственности. Одним из условий эффективного формирования классного коллектива является совместная деятельность учащихся. Ведь коллектив создается, растет и крепнет только в процессе разнообразной совместной деятельности учащихся. Эта деятельность служит источником коллективных интересов, источником накопления морального опыта, делает жизнь коллектива содержательной и интересной. Где нет совместной работы, там нет необходимых условий для сплочения коллектива.

Наличие общей цели, определение путей ее достижения вызывает необходимость определения лидера. Ведущее качество, отличающее лидера — это стремление к власти, которое выражено у одних людей сильнее, у других — слабее. Однако не всегда личность с выраженными лидерскими чертами способна реализовать свой потенциал, например, заявить о себе в группе, взять на себя ответственность, повлиять на принятие решения. Каждому ребенку необходимы определенные знания, умения, компетенции, с помощью которых он сможет не только самоутвердиться, занять удовлетворяющее его положение в классном коллективе, но и активно реализовывать лидерские способности в учебной и внеучебной деятельности. У лидера должно быть развито чувство перспективы, страстность, убедительность, настойчивость, выдержка, терпение. Кроме того, лидер должен обладать высокой мотивацией, то есть устойчивым выраженным стремлением, желанием, готовностью стать лидером. Выше названные личностные качества составляют, на наш взгляд, основу коммуникативной компетентности личности.

При работе с классным коллективом необходимо учитывать психологические особенности подросткового возраста. Ведущий вид деятельности в этом возрасте интимно-личностное общение со сверстниками, которое является движущей силой развития важнейших психологических новообразований подростка. Известно, что в этом возрасте активно формируется самосознание, выражена потребность в самореализации, происходит ак-

тивная «проба» своих возможностей и площадкой для самоутверждения становится классный коллектив. Для того чтобы влиться в коллектив, подростку необходимо проникнуться целями, задачами совместной деятельности, проявить свои способности. При отсутствии позитивных условий, неприятие подростка коллективом, непонимание, несовпадение ценностных ориентаций, при завышенном уровне притязаний и амбициозности, самоутверждение взрослеющей личности может принимать негативные формы и приводить к «протестному поведению», конфликтам.

С проблемой сложных межличностных отношений в классном коллективе, с трудностями управления и организации школьного класса мы столкнули в ходе педагогической практики в одной из школ города Арзамаса в марте 2014 года. В 5 классе — 32 человека. В данном классе было решено организовать исследование для решения проблем по формированию коллектива, для оптимизации межличностных отношений, с целью развития благоприятного психологического климата и повышения уровня групповой сплоченности.

На первом этапе исследования предположили, что психологический климат классного коллектива и уровень его сплоченности зависит от социометрического статуса членов группы с ярко выраженными лидерскими качествами. В качестве диагностического инструментария для изучения социально-психологических характеристик классного коллектива и отдельных его членов, применялись следующие методики: 1) Социометрия; 2) Тест «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий); 3) Карта-профиль психологического климата группы; 4) Методика Сишора-Ханина (выявление степени интеграции и уровня сплоченности).

Согласно результатам социометрического исследования в неформальной структуре класса выделяются 5 подгрупп — социометрические «звезды», предпочитаемые, принятые, изолированные, отвергнутые. Выявлено шесть «звезд», пять «отвергнутых» и два «изолированных», что вызывает затруднения в формировании позитивных межличностных отношений, острые и хронические конфликты между «звездами» и «отвергнутыми» членами классного коллектива.

В ходе анализа результатов диагностики уровня выраженности лидерских способностей обнаружили, что трое членов коллектива с ярко выраженными лидерскими тенденциями имеют статус «отвергнутых». У этих школьников выявлены трудности с реализацией лидерских качеств, диагностирована низкая коммуникативная компетентность, в связи с этим имеют место проблемы с самоутверждением в коллективе сверстников, что по законам возрастного развития в подростковом возрасте неизбежно приводит к «протестному поведению», конфликтам, снижению успеваемости.

Согласно карте-профилю психологического климата группы уровень эмпатийного общения в классе средний (общее количество баллов — 8). Это свидетельствует

о наличии в данном коллективе нейтральной атмосферы, атмосферы безразличия. Уровень групповой сплоченности по результатам исследования — ниже среднего.

На втором этапе нашего исследования (март — октябрь 2014 г) была организована и проведена система занятий с элементами психологического тренинга с обучающимися, получившими социометрический статус «отверженных» и высокий балл по степени выраженности лидерских тенденций. Занятия были направлены на развитие лидерских способностей и навыков эффективного общения, на повышение личной мотивированности, устойчивого желания быть лидером, готовности принимать решения и брать на себя ответственность.

В ноябре 2014 года осуществлен третий этап исследования. В экспериментальном классе была проведена повторная диагностика психологического климата классного коллектива, уровня его сплоченности, вновь изучена социометрическая структура коллектива, а также социометрический статус членов группы с ярко выраженными лидерскими качествами. Психодиагностический инструментарий был аналогичен первому этапу исследования.

Результаты социометрии обнаружили положительную динамику в социометрической структуре классного коллектива, а именно повышение статуса испытуемых, которые прежде попали в группу «отверженных». Они набрали значительно меньше отклонений и оказались в группе «принятых». Кроме того, выявлена положительная динамика в показателях уровня групповой сплоченности (средний уровень) и психологического климата группы (уровень выше среднего). Оптимизацию психологического климата и групповой сплоченности в классном коллективе мы связали с повышением коммуникативной компетентности «отвергнутых» школьников, появлением возможности реализации их лидерских способностей, у подростков исчезла необходимость самоутверждаться за счет негативистского и протестного поведения, что привело к нормализации межличностных отношений в классе, снижению остроты и частоты конфликтов между одноклассниками.

Таким образом, воспитательную работу по формированию школьного коллектива классному руководителю необходимо начинать с изучения социометрической структуры группы, динамики симпатий и антипатий школь-

ников, выраженности лидерских качеств подростков и уровня социальной компетентности. Особое внимание необходимо уделять школьникам с ярко выраженными лидерскими тенденциями. Лидерские качества формируются в первую очередь в школе, поэтому очень важно для ребенка в этом возрасте воспитывать стремление быть успешным, стремление состояться в жизни. Лидерские способности, как определенный набор свойств, качеств, которые позволяют подростку изменить свой социальный статус очень важны и для группового, коллективного развития.

Из нашего опыта работы с данным классом можем рекомендовать учителю продумать постановку общей, социально значимой для всех членов коллектива цели, таких общих задач, которые требуют для своей реализации только слаженной коллективной деятельности. В процессе этой работы необходимо так формировать подгруппы, чтобы учащиеся со взаимовыборами оказались в разных командах. Полезно также устроить соревнование между группами, так как «здоровая» конкуренция усиливает чувство опасности, что способствует большему сплочению группы. Кроме того, подростки в этих условиях лучше смогут узнать друг друга, проявить свои способности и их представления друг о друге изменятся.

При организации коллективно-распределительной деятельности необходимо учитывать данные социометрии, количество социометрических звезд, чтобы потребности в лидерстве были удовлетворены у каждого школьника. В противном случае будут возникать конфликты и проблемы в формировании коллектива. С изолированными и отвергнутыми учащимися необходимо проведение целенаправленной систематической работы для выявления причин их социального отторжения, дополнительные индивидуальные и групповые занятия для развития коммуникативной компетентности, встречи с родителями.

Отметим, что проблемы организации работы педагога по развитию ученического коллектива, феномен лидерства и его влияние на формирование межличностных отношений младших подростков, социально-психологические аспекты развития коммуникативной компетентности, особенности взаимоотношений лидеров и классного руководителя, являются сложными и многоплановыми, поэтому мы считаем необходимым продолжение исследования ключевых аспектов вопроса.

Литература:

1. Агапова, Н. В. Основы общей педагогики — Учебное пособие // [режим доступа] <http://bookmeta.com> (дата обращения — 2. 05. 2014)
2. Аникеева, Н. П. Психологический климат в коллективе / Н. П. Аникеева-Изд. 2 — е — М.: Просвещение, 2000. — 224 с.
3. Болдырев, Н. И. Классный руководитель. — М.: «Просвещение», 1971.
4. Гордин, Л. Ю. Организация классного коллектива. — М.: «Просвещение», 1984. — 173 с.
5. Земцова, Т. Классное руководство. Курс лекций // [режим доступа] <http://tinread.usb.md> (дата обращения — 6. 05. 2014)
6. Новикова, Л. И. Педагогика детского коллектива: Вопросы теории. — М.: Просвещение, 2000. — 144 с.

7. Немов, Р.С. Психология Учебное пособие для учащихся педагогических институтов и работников системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки пед. кадров. — Изд. 2-е — Т. 3. М.: Просвещение, 1999. — 301 с.
8. Патрикеева, Э.Г., Троицкая И.Ю. Подготовка студентов педагогического вуза к работе с трудными детьми и подростками [Текст] / Э.Г. Патрикеева, И.Ю. Троицкая // Сборник конференций НИЦ Социосфера. — 2013. — № 8. — с. 128–131.
9. Рожкова, М.И. Классному руководителю. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. — 280 с.
10. Электронный ресурс [Режим доступа] — <http://buynaksk1.dagschool.com> (дата обращения 5. 05. 2014)
11. Электронный ресурс [Режим доступа] — <http://www.borschool13.narod.ru> (дата обращения 10. 05. 2014)

Социально-психологические факторы развития компетентностей взрослых в зарубежных странах

Помилуйко Вера Юрьевна, кандидат психологических наук, докторант
Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (г. Киев, Украина)

The article investigates the social and psychological factors of competence development of individual in adulthood (for example, teacher), studies the foreign experience in allocation of stages of professional development of teachers in dependence on age and gender, examines the impact of different types of environment on the development of the phenomenon. The author considers the major European models of teachers' competence development (in Great Britain, Latvia, Germany) and formation of their professionalism and career growth.

Keywords: social and psychological factors, adult age, competence, competence development, model of competencies of teachers, validation of the results of vocational training.

Сегодня деятельность всех стран мира направлена на социально-экономическое развитие, учет общих тенденций и принципов совершенствования образования в XXI веке. Изучение опыта зарубежных государств по совершенствованию профессионализма взрослых является приоритетным направлением не только педагогических, но и психологических исследований. Эта проблема приобретает значительную актуальность в связи с необходимостью постоянного самосовершенствования специалистов, повышения их квалификации и развития компетенций в течение всей жизни.

Особенное значение в современном обществе имеет профессия учителя, определяющая истоки грамотности и воспитанности молодого подрастающего поколения. Как отечественные авторы, так и представители различных международных организаций: Совета Европы, Европейской Комиссии, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ПРООН, Международного департамента стандартов выясняют проблемы, связанные с разработкой компетентного подхода и профессионального обучения учителей. Проблема формирования и развития компетенций специалистов во взрослом возрасте рассматривается в работах Е. Грачевой, Т. Лучкиной, D. Fessler, P. Sikes и др. Анализу зарубежного опыта профессионального становления учителей посвящены работы Е. Бочаровой, А. Заир-Бек, Ю. Онищенко, Ю. Несина и др.

Несмотря на значительное количество публикаций, недостаточно изученными являются социально-психо-

логические факторы влияния на развития компетентностей специалистов во взрослом возрасте, что значительно ограничивает понимание и учет особенностей внедрения компетентного подхода в практику профессионального становления отечественных учителей.

Особый интерес представляют вопросы профессионального совершенствования специалистов после получения диплома о высшем образовании. Например, после завершения обучения в вузе, начинающие американские учителя обязаны получить лицензию на работу с помощью тестирования базовых (basic skills), общих (general knowledge) и предметных знаний (subject matter knowledge), педагогической компетентности (pedagogical knowledge), педагогической компетентности по предмету (subject-specific pedagogical knowledge) [9, с. 50–54].

Сегодня в мировой практике известным социально-психологическим фактором развития компетенций специалистов становится определения их квалификационных характеристик. Выделенные в этих характеристиках компетенции дают возможность специалистам оценить себя с позиций соответствия определенным социальным нормам, интегрироваться в общество, владеть адаптивной реакцией на конкретные производственные обстоятельства. Показательным в этом вопросе является опыт разработки квалификационных характеристик учителей Департаментом образования и Агентством по подготовке и развитию педагогических кадров (TDA) Великобритании. Сейчас у этой стране существуют профессиональные стан-

дарты для учителей (Professional Standards for Teachers), которые постоянно детализируются и определяют основные требования к учителю в процессе его профессионального становления: *уровень первоначальной подготовки кандидатов* для получения статуса квалифицированного учителя (Qualified Teacher Status); *основной уровень* — после испытательного года работы в школе (Core Standards); *продвинутый уровень* — «учителя-специалиста» (Post Threshold Teachers), «учителя-знатока» (Excellent Teachers), «учителя-эксперта продвинутого уровня» (Advanced Skills Teachers).

K. Mitchel, D. Robinson, B. Plake, K. Knowles подчеркивают, что профессиональной структурой, определяющей образовательные стандарты в США, является штат. В свою очередь, Министерство образования штата использует помощь трех организаций: the Interstate New Teacher Assessment and Support Consortium (INTASC), the National Council for Accreditation of Teacher Education (NCATE) и the National Board for Professional Teaching Standard (NBPTS), которые занимаются разработкой стандартов для разных групп учителей. INTASC занимается разработкой стандартов для учителей-новичков, NCATE — для кандидатов в преподаватели, а NBPTS — устанавливает требования для профессиональных педагогов [9, с. 19–20]. Итак, мировые стандарты и квалификационные характеристики определяют требования к профессиональной педагогической деятельности учителя на разных карьерных стадиях, начиная от учителя-новичка, который получает статус квалифицированного учителя (обязательный документ, кроме диплома), и заканчивая учителем-экспертом продвинутого уровня. Таким образом, к учителям с разным опытом работы выдвигаются дифференцированные требования, которые накладывают отпечаток на определение их компетенций.

P. Sikes установил зависимость между развитием компетентности личности и ее половыми особенностями, а также — возрастом. Он описывает траекторию развития профессиональной компетентности педагогов, условно разделяя их на следующие периоды: 21–28; 28–33; 34–40; 40–50 / 55; 50/55 лет и старше. Период 28–33 года он характеризует как такой, что часто приводит к кризису в профессии. Период 40–50 / 55 лет автор связывает с приобретением профессионального опыта. P. Sikes указывает и на различия в развитии компетентностей. Так, в возрасте 34–40 лет педагоги-мужчины отдают предпочтение карьерному росту, а женщины-педагоги — семье. Таким образом, стремление мужчин в большей мере способствует развитию компетентностей в достижении профессиональных вершин, чем у женщин [10].

D. Fessler обращает внимание на существование трех сред развития компетентностей личности во взрослом возрасте, которые взаимосвязаны и взаимозависимы, а именно:

1) «личностная среда» (жизненный цикл, семья, положительные и отрицательные события, кризисы, индивидуальные способности и увлечения);

2) «организационная среда» (правила, стиль руководства, общественное мнение, социальные ожидания, организация в профессии);

3) «карьерная среда» (образование, вхождение в профессию, рост компетентности, энтузиазм, разочарования, стабилизация и стагнация, завершение карьеры) [6].

Итак, в исследованиях таких ученых как D. Fessler и P. Sikes проанализированы факторы и механизмы развития компетентностей, профессионального становления учителей во взрослом возрасте.

Особое значение приобретает повышение квалификации в процессе развития компетентностей учителей. В Германии оно осуществляется на базе институтов повышения квалификации, которые есть в каждой федеральной земле. Кроме того, Федеральный институт профессионального образования (BIBB) известен как центр компетентности в области профессионального обучения не только в Германии, но и во всем мире. В Латвии проект модели развития профессиональной карьеры учителя финансируется за счет фондов Европейского Союза «Презентация конкурентных компетенций учителя в усовершенствованной системе образования». Экспертная оценка деятельности учителей осуществляется членами специальных комиссий и представителями администрации учебных заведений. Как отмечает Е. Бочарова, система оценки работы учителя состоит из следующих элементов: пять категорий карьерного роста; пять аспектов оценки качества работы учителя; пятнадцать показателей качества работы учителя и четыре критерия оценки. Учителя могут самостоятельно подавать заявку для оценки качества их работы, которая адекватна пяти категориям их профессионального повышения [1, с. 66–67]. Таким образом, учителя Латвии могут самостоятельно контролировать уровень развития профессиональных компетенций и требовать его признания коллегами и представителями администрации учебных заведений. Путем экспертной оценки и других методик на основании разработанных критериев определяются категории карьерного роста учителей в процессе профессиональной деятельности и повышения квалификации, что способствует валидации результатов профессионального обучения, проверки его эффективности.

Для учителей Франции существует конкурсный отбор на службу с высокими требованиями к кандидатам и регулярной оценкой их деятельности (раз в полгода или ежегодно), так как они являются государственными служащими. Одним из главных условий служебного продвижения является стаж работы (le stage de travail), поскольку с ним связывается увеличение заработной платы, объемы учебной нагрузки и т.д. [8].

Е. Заир-Бек, анализируя европейские модели повышения квалификации учителей, приходит к выводу, что ключевым понятием в современной психолого-педагогической литературе становится «employability» как «пригодность к трудоустройству», «способность к за-

нотости», интегрированный результат профессионального образования [3, с. 36]. Таким образом, работу учителя можно оценить как умения и способности работать по специальности, развивать профессиональные и ключевые компетентности. Автор отмечает, что в законодательных документах англосаксонских стран для программ повышения квалификации используются термины «Continuing Professional Education — CPE» и «Continuing Professional Development — CPD». Кроме того, для идентификации программ применяется понятие «Executive Education — ExEd». Программы профессиональной переподготовки называются «Executive Education Development», а программы повышения квалификации — «Training Development», «Continuous on-the-job training», «Retraining Education», «Professional Training» [3, с. 37–38]. Заслуживает внимания опыт программ Socrates, Grundvig, Lifelong Learning Programme (LLP), Erasmus Mundus, что занимаются проблемами профессиональной подготовки взрослых, повышения качества обучения взрослых, валидации результатов обучения. Трактовка программ и их кодификация имеют значение в связи с предоставлением гражданам зарубежных стран права на получение дополнительного профессионального образования в определенном объеме; финансировании различных программ государством, местными органами власти, работодателями.

В зарубежных странах используются различные модели развития компетентностей учителей, имеющих определенные различия в зависимости от специфики и экономической ситуации в государстве, традиций и научных подходов. Как отмечает Ю. Онищенко, британские исследователи выделяют две модели формирования профессионализма учителя: *технократическую* (L. Kydd, D. Weir, R. Williams), *профессионального искусства* (D. Shop, D. McIntyre). Автор подчеркивает особую важность второго подхода и доказывает, что рефлексия составляет основу профессионализма британского учителя, педагогическая деятельность которого должна базироваться на стремлении к более осознанному пониманию своих профессиональных действий с постепенным их усовершенствованием [5, с. 12].

А. Грачева отмечает, что в немецкой педагогике за последние годы разработано несколько моделей развития компетентностей учителей:

1) модель института педагогического образования (Франкфурт) и института развития качества образования (Висбаден), которая включает в себя пять этапов развития компетенций: от «умения подготовки к уроку и проявлять инициативу» к «способности анализировать и планировать свою деятельность»;

2) модель Dr. Christian Kraler (университет Инсбург), что предусматривает определение пяти уровней проявления компетентности учителей: неосознанная некомпетентность, сознательная некомпетентность, сознательная компетентность, неосознанная компетентность, рефлексивная компетентность;

3) модель Dr. Gayle Christensen (институт Макса Планка по развитию человека (Берлин): определение условий, способствующих развитию учителей [2, с. 92–94].

Первые две модели ориентируют учителей на развитие их рефлексивной компетентности, возможности саморазвития и самосовершенствования. Хотим остановиться на третьей модели Dr. Gayle Christensen, что акцентирует внимание на определении условий, способствующих их развитию. Модель была разработана в 2007 году на основе анкетирования молодых учителей, которым нужно было оценить результативность предложенных педагогических условий развития компетентностей. Наиболее эффективными условиями развития этого феномена учителя были признаны беседы с наставником, посещение занятий коллег и самостоятельное проведение занятий.

Т. Лучкина, анализируя зарубежный опыт наставничества, приходит к выводу, что с целью повышения профессиональной компетентности педагога определяющим является использование этой формы работы в качестве персональной поддержки, ученичества и совместного обучения. При этом автор подчеркивает необходимость психологической совместности наставника и стажера. Наставник, по мнению автора, должен быть психологически настроен на работу со своими коллегами, владеть навыками консультирования и оценки, быть открытым и готовым к диалогу, понимать потребности молодых учителей и их образ мыслей, быть спокойным и уравновешенным, показывать пример в общении с учениками, учителями, родителями [4, с. 70].

Изучение зарубежного опыта и программы наставничества такими учеными как L. Gagen и S. Bowie предоставил им возможность предложить проведение семинаров для наставников двумя сессиями: первой — в начале учебного года, где наставниками работают преподаватели университетов, а для молодых учителей предлагается анкетирование с целью определения насущных для них вопросов по работе в школе; второй — через полтора, два месяца после начала программы наставничества для обсуждения наставниками проблем, которые возникли в процессе их деятельности [7, с. 44].

Анализ зарубежного опыта профессионального становления учителей дал возможность определить социально-психологические факторы развития компетентностей личности во взрослом возрасте:

— влияния различных видов среды (личностной, организационной, карьерной), возрастных особенностей, стажа работы, половых отличий на развитие компетентностей личности;

— дифференцирование взрослого возраста на ряд этапов, которым присущи определенные особенности, влияющие на развитие их компетенций;

— выделение основного этапа профессионального становления учителя — 21–28 лет, который способствует профессиональной адаптации специалиста и требует применения наставничества как формы персональной поддержки ученичества и совместного обучения;

— разработка квалификационных характеристик, стандартов для разных групп учителей, что дает возможность специалистам оценить себя с позиций соответствия определенным социальным нормам, интегрироваться в общество;

— развитие компетентностей учителей с использованием различных программ повышения квалификации («Training Development», «Continuous on-the-job

training», «Retraining Education», «Professional Training» и т.д.);

— проверка приобретенных учителями компетентностей (в процессе повышения квалификации, специальных курсов, проектов, программ, семинаров) с использованием различных механизмов экспертной оценки и обратной связи (валидализация профессионального обучения).

Литература:

1. Бочарова, О. Статус сучасного вчителя: порівняльний аналіз / О. Бочарова // Витоки педагогічної майстерності. — 2014. — Вип. 13. — с. 63–69.
2. Грачева, Е. Н. К вопросу о профессиональных компетенциях педагогов Германии, содействующих успешности их практической деятельности, и их развитию / Е. Н. Грачева // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2012. — № 2 (6). — с. 87–95.
3. Заир-Бек, Е. С. Анализ европейских моделей повышения квалификации учителей как источник развития непрерывного педагогического образования в педагогическом университете / Е. С. Заир-Бек // Вестник Герценовского университета. — 2011. — № 9. — с. 36–45.
4. Лучкина, Т. В. Повышение профессиональной компетентности начинающего учителя посредством наставничества: зарубежный опыт / Т. В. Лучкина // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2012. — № 2 (6). — с. 67–75.
5. Онищенко, Ю. Ю. Формирование профессионализма учителя в системе педагогического образования в Великобритании (конец XX — начало XXI вв.): автореф. дис. на соиск. науч. степени канд. пед. наук: спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования / Ю. Ю. Онищенко. — М., 2007. — 22 с.
6. Fessler, D. M. Home education regulations. What parents need to know about Ohio home education regulations / D. M. Fessler. — Cassidy & Nells Pub. Dayton, OH, 2008.
7. Gagen, L. Effective Mentoring A Case for Training Mentors for Novice Teacher / L. Gagen, S. Bowie // Journal of Physical Education, Recreation & Dance — 2005. — 76.7. — P. 40–45.
8. Carraz, R. Dir. Recherche en: education et en socialisation de 'enfant. Rapport de mission au Ministre de 'Industrie et de la Recherche / R. Carraz. — Paris: La Documentation fran, 1983. — 423 p.
9. Mitchel, K. Testing teacher candidates. The role of licensure tests in improving teacher quality / K. Mitchel, D. Robinson, B. Plake, K. Knowles. — 2001, — 460 p. Available: www.nap.edu
10. Sikes, P. J. Teacher Careers. Crises and Continuities / P. J. Sikes. — London, 2005. — 241p.

Коррекция тревожности младших школьников

Пургина Александра Анатольевна, студент;

Научный руководитель Онуфриева Вера Васильевна, доцент

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье представлены результаты исследования проявлений тревожности младших школьников. Установлена структура страхов младших школьников, которые в основном связаны с учебной деятельностью, стилем общения учителя с учениками и в меньшей степени определяются архаическими страхами.

Ключевые слова: младшие школьники, тревожность, дидактогения, архаические страхи, коррекция.

Актуальность исследования обусловлена увеличением в общеобразовательной школе числа тревожных учащихся, отличающихся повышенным беспокойством, неуверенностью, эмоциональной неустойчивостью. Возникновение и закрепление тревожности связано с недостаточным удовлетворением возрастных потребностей младших школьников. Устойчивым личностным образо-

ванием тревожность становится в подростковом возрасте. Закрепление и усиление тревожности происходит по механизму «замкнутого психологического круга», ведущего к накоплению и углублению отрицательного эмоционального опыта подростком.

Существуют «возрастные пики тревожности», когда тревожность выступает как неконструктивная стратегия

поведения, которая вызывает состояние фрустрации. Младший школьник начинает сомневаться в своих способностях и силах. Возникшая тревога дезорганизует не только учебную деятельность, она начинает искажать формирование личности. Знание причин возникновения повышенной тревожности, позволит своевременно провести коррекционную работу, способствующую снижению тревожности и формированию адекватного поведения младших школьников.

За последние десять лет количество тревожных младших школьников увеличилось, считает Прихожан А.М. Тревожность изменила формы своего проявления, стала глубинной и личностной, что делает особо актуальным исследование тревожности младших школьников [1].

Впервые наиболее полно проявление тревожности изучалось в рамках теории психоанализа. Представители этого направления рассматривали тревожность как врожденное свойство личности, как изначально присутствующее человеку состояние. З. Фрейд утверждал, что человек имеет несколько врожденных влечений — инстинктов, которые являются движущей силой поведения человека, определяют его состояние. Он считал, что столкновение биологических влечений с социальными запретами порождает неврозы и тревожность. Изначальные инстинкты по мере взросления человека получают новые формы проявления. Однако они наталкиваются на социальные запреты, и человек вынужден маскировать и подавлять свои влечения. Драма психической жизни индивида начинается с рождения и продолжается всю жизнь. Естественный выход из этого положения З. Фрейд видит в сублимировании «либидиозной энергии», то есть в направлении энергии на другие жизненные цели: производственные и творческие и т.п. Удачная сублимация снижает проявления тревожности [2].

В индивидуальной психологии А. Адлер предлагает иной взгляд на происхождение тревожности. По его мнению, в основе тревожности лежат такие механизмы, как страх, боязнь жизни, боязнь трудностей, а также стремление к определенной позиции в группе людей, которую человек в силу каких-либо индивидуальных особенностей или социальных условий не мог достичь. То есть отчетливо видно, что в основе тревожности лежат ситуации, в которых человек в силу тех или иных обстоятельств, в той или иной мере находится в состоянии тревожности.

Проблема тревожности явилась предметом специального исследования К. Хорни. В ее теории главные источники тревоги и беспокойства личности коренятся не в конфликте между влечениями и социальными запретами, а являются результатом неправильных человеческих отношений [3].

Другие точки зрения происхождения тревожности выделяются отечественными психологами: А.И. Захаровым, Ф.Е. Василюком, Н.Д. Левитовым и другими. К настоящему моменту единой точки зрения по этой проблеме в психологии не существует, что делает разработку этого направления актуальным.

Эмпирическое исследование тревожности проводилось в общеобразовательной школе города Владимира. В исследовании участвовало 20 младших школьников, из них: 14 девочек и 6 мальчиков. Для выявления проявлений тревожности применялась методика «Нарисуй свой страх».

Целью исследования являлось оценка проявлений тревожности и выявление структуры страхов младших школьников.

Основная задача, которая решалась в процессе исследования состояла в том, чтобы на основе выполнения изображений, ответов на вопросы, оценить особенности

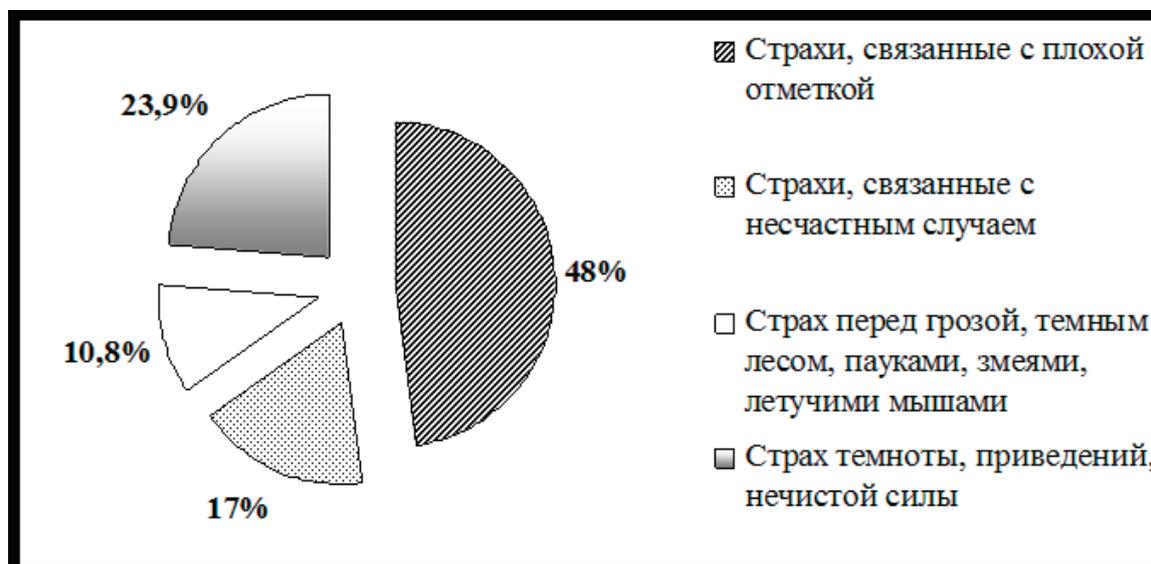

Рис. 1. Интенсивность проявления страхов младших школьников

восприятия и переживания младшим школьником своих страхов. Учащимся предлагалось нарисовать свой страх, для проведения дополнительного анализа цвета, рисование осуществлялось цветными карандашами.

Рисунки младших школьников оценивались по следующим параметрам:

— степень развития изобразительной культуры, примитивность изображения или четкость и выразительность образов; изящество линий, эмоциональную выразительность;

— особенности обследуемого во время рисования;

— особенности наличия страхов, их количество, эмоциональное самочувствие обследуемого при рисовании;

— особенности внутрисемейных отношений.

Обобщение полученных данных говорит о том, что у младших школьников большинство страхов связано с результатами учебной деятельности (48%), что очевидно обусловлено индивидуальным стилем общения учителя, т.е. дидактогенной. С другой стороны, такие результаты объясняются повышенной требовательностью родителей к учебной деятельности младших школьников.

Литература:

1. Прихожан, А. М. Психология неудачника: Тренинг уверенности в себе. — М., 2001.
2. Фрейд, З. Психология бессознательного. — М., 2002.
3. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. М., 2000.

Мотивы учения в подростковом возрасте

Эргашев Улугбек Эркинович, преподаватель;
Муртазаева Шоира Ахмаджоновна, преподаватель;
Эшонкулова Феруза Бахтиёр кизи, студент
Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Вступление в отрочество несет с собой серьезные перемены в отношении ребенка к школе, к учению. Начиная разговор об этих переменах, можно напомнить важную мысль: сила, дающая движение психическому развитию ребенка, порождается изменением его реального места в жизни. На определенном этапе развития, писал известный психолог А.Н. Леонтьев, «прежнее место, занимаемое ребенком в окружающем его мире человеческих отношений, начинает сознаваться им как не соответствующее его возможностям, и он стремится изменить его. Возникает открытое противоречие между образом жизни ребенка и его возможностями, уже опередившими этот образ жизни. В соответствии с этим его деятельность перестраивается. Тем самым совершается переход к новой стадии развития его психической жизни».

В подростковом возрасте изменяются прежде всего условия школьной жизни — у ребенка уже не один учитель, как было в младших классах, а несколько учителей;

Второе место по значимости занимают архаические страхи: боязнь темноты, привидений, что говорит о личностных особенностях младших школьников (23.9%). Также выявлены страхи, связанные с несчастным случаем (пожары, аварии и т.д.) (17%) и природными явлениями (страх перед грозой, темным лесом, пауками, змеями, летучими мышами) (10.8%).

Полученные результаты, раскрывающие структуру страхов младших школьников требуют реализации следующих направлений коррекционной работы:

1) изменения стиля отношений учителя к учащимся;

2) приведение в соответствие требований, предъявленных к младшему школьнику и возможностям их выполнения;

3) проведение мероприятий по коррекции самооценки младших школьников и реализации механизмов одобрения и моральной поддержки его деятельности.

Таким образом, страхи в младшем школьном возрасте в основном связаны с учебной деятельностью, стилем общения учителя с учениками и в меньшей степени определяются архаическими страхами учащихся.

учебный материал усложняется, по — иному идет и сама работа на уроке. Далее, значительно расширяется весь практический жизненный опыт ребенка — это касается разнообразных занятий вне школы, контактов со взрослыми и сверстниками вообще. Отсюда — стремление подростка занять новую позицию в отношениях со взрослыми, приобрести тут большую самостоятельность, известную свободу действий, а также по — новому строить и свои отношения со сверстниками.

Главные трудности с подростком возникают из-за того, что его требования забегают вперед по сравнению с его жизненным опытом, с его возможностями использовать предоставляемую ему самостоятельность свой образ жизни не только в соответствии с этими возможностями, но и на опережении их. Поэтому-то взрослым приходится ограничивать самостоятельность подростка, вводя ее в какие-то берега, придавая ей реальный и разумный вид. Однако эти ограничения должны быть ре-

альными и разумными. Невозможно забывать о главной нашей задаче — о том, чтобы постоянно развивать у подростка потребность во взрослости, вовлекать его и такие все усложняющиеся виды деятельности, которые как раз и формировали бы у него недостающие навыки самостоятельности, саморегуляции, самоконтроля.

Как и всякому другому времени детства, отрочеству присущи проблемы, трудности и противоречия. У всякого возраста есть и свои преимущества, особые достоинства, на которые можно опереться в воспитании; они заключаются в избирательной готовности, в повышенной восприимчивости, чувствительности, или говоря более специальным языком, в сенситивности детей разного возраста к тем или иным сторонам обучения.

Большим достоинством подростка является его готовность ко всем видам учения, учебной деятельности, которые делают его взрослым в собственных глазах. Его, привлекают самостоятельные формы работы на уроке, сложный учебный материал, возможность самому учиться, узнавать что-то новое и за пределами школы. Беда подростка в том, что эту готовность он еще не умеет воплотить в дело, он не владеет новыми способами самостоятельного овладения знаниями. Подвести его к этим способам, помочь овладеть ими, не дать им угаснуть — важная задача взрослого. Понятно, что подход к тому и другому в том, что касается учения, не может быть одинаковым, хотя генеральный мотив — опора на тягу к самостоятельности — должен звучать и тут и там.

Нередко у родителей справедливо вызывает тревогу то важное обстоятельство, что с переходом в V класс у ребенка снижается интерес к учению, к школе. Происходит то, что А. Н. Ленотьев обозначил как «внутренний отход от школы» школа перестает быть для ученика центром его духовной жизни. Это следствие своеобразного «мотивационного вакуума»: те мотивы, которые в начальных классах (интерес к самому пребыванию в школе, к первым результатам учебного труда, общий интерес к учению как общественно значимой деятельности) уже удовлетворены, а новые мотивы, отвечающие условиям средней школы и возрастным особенностям подростка, не сложились.

Подросток тяготеет к тому, что делает его в собственных глазах взрослым, что дает чувство самоуважения, столь необходимое для крепнущей личности. Но, увы, отвечающие этой тяге виды деятельности до сих пор мало еще представлены в школе, способам их выполнения не всегда учат. Возможность утверждать себя подросток ищет и находит во внешкольных занятиях, которые становятся все более привлекательными для него, чем школьные. Кроме того, отношение подростка к учению никогда не увидишь в «чистом виде», оно всегда преломляется через его сложные отношения со взрослыми и сверстниками.

Нарастающее стремление подростка к самостоятельности и во взрослости особенно остро не удовлетворяется тогда, когда школа использует преимущественно тради-

ционную структуру урока. У некоторых учителей универсальной формой преподнесения нового материала продолжает оставаться изложение его «в готовом виде». Создается атмосфера монотонности общения.

Но подростков не удовлетворяет роль пассивных слушателей на уроке. Они не склонны, как ученики начальных классов, слушать слишком подробные объяснения учителя. Они ждут новых форм знакомства с новым материалом, в которых могли бы воплотиться их активность, деятельный характер мышления, тяга к самостоятельности.

В начальных классах дети воспринимали на веру все суждения и рассуждения. А сейчас они стремятся иметь свою точку зрения, чтобы высказать ее на уроке, любят, когда учитель вызывает к их сообразительности. Младшеклассники скорее равнодушны к задаче взаимоконтроля, а вот подросткам интересно, когда в учении есть элементы соревнования, когда можно самим сравнить результаты своей работы.

Но привлекают подростков не только новые формы учебной работы, требующие от них большей активности, но и более сложный учебный материал. Их огорчает и обижает, если им задают слишком простые вопросы, предлагают облегченные задачи. Напротив, они оживляются, когда им самим приходится осмысливать материал, делать обобщения.

Необходимость охватить мыслью значительное число фактов словно подстегивает мысль подростка. И такие «обобщающие исследования», кажется, вовсе не утомляют его. И напротив, чем легче предмет, чем меньше требуется размышлять, тем с большим равнодушием относятся к нему подростки: кого увлечет механическое «нагромождение груза»?

Для учеников средней школы характерно исследовательское отношение к материалу. Они склонны задаваться вопросами о глубоких причинах явлений, живо включаться в выдвижение и обсуждение различных точек зрения. Им интересно самим прийти к выводам и обобщениям, они любят практические и лабораторные занятия. Не случайно в отрочестве заметным становится новое явление — самостоятельное приобретение знаний вне школы (поиски других источников информации).

Конечно, уже к концу начальной школы у ребят есть определенные учебные навыки; у них складывается культура наблюдения, для понимания учебного материала они используют приемы сравнения, классификации, систематизации. Младшие подростки умеют преднамеренно сосредоточивать внимание на отдельных сторонах материала, в том числе и отвлеченного, абстрактного.

От класса к классу растет владение приемами запоминания. Поначалу запас приемов преднамеренного (произвольного) запоминания невелик, а в ряде случаев оно происходит без употребления каких-либо приемов, т.е. остается непосредственным. Но в старшем подростковом возрасте, к VIII классу, приемы запоминания становятся значительно более осознанными, разнообразными и гибкими.

И все — так всем нам хорошо известно, что сплошь и рядом навыки самоорганизации подростков оставляют желать лучшего. Ребята далеко не всегда осознают применяемые ими приемы запоминания, их внимание нередко продолжает оставаться неустойчивым и произвольным, зависящим от того, оказался ли материал интересным для них. Анализируя и оценивая свою работу, подростки используют чаще всего самоконтроль лишь по результату или по образцу: «получилось — не получилось». А вот умения проверять себя по ходу работы не хватает. Затрудняет подростков и перспективный самоконтроль — они не всегда умеют составить общий план работы, наметить ее этапы, определить их трудность. Хотя подростки и прибегают к составлению планов, однако эти планы далеко не всегда становятся руководством к действию, оставаясь благими порывами.

Словом, в отрочестве налицо благоприятные условия для того, чтобы выработалась саморегуляция в учении: общая широкая активность подростков, готовность их включаться в самые разные дела, стремление к «взрослым» формам учения. Плохо, когда это стремление не учитывается, когда в школе и дома не поощряется поиск и выработка способов самостоятельной учебной работы, когда подросток не пополняет опыта исследовательской познавательной деятельности, когда его не учат тем приемам, с необходимостью которых он все чаще сталкивается на практике.

Сказанное определяет и другую упомянутую выше причину снижения интереса к школе, к учению — подросток не всегда получает здесь возможность самоутверждения.

Любому человеку свойственна потребность утвердиться с тем делом, которым он занят, стремление добиться успеха — и в своих глазах и в мнении окружающих. В особой мере это характерно для подростка с его бурно развивающимся самосознанием, обостренным чувством собственного достоинства. Всякий неуспех порождает у него нежелание учиться (лишь у более зрелых подростков, у тех, кто обладает достаточно развитой саморегуляцией, неудача вызывает желание мобилизоваться и показать свои подлинные возможности).

Неуспех в учении может быть вызван рядом обстоятельств.

Прежде всего это может быть связано с усложнением самого учебного материала: ведь теперь надо усваивать систему научных понятий, уметь соотносить отвлеченный и конкретный материал. Не все справляются с этим новым уровнем сложности.

Плохая успеваемость может быть вызвана и тем, что в предыдущем звене обучения, в начальных классах, ребенок, по сути, не научился учиться.

Из начальных классов в среднюю школу может быть перенесено и устойчивое нежелание трудиться. Оно возникает либо у ребят с чрезмерно завышенной самооценкой (которые, обладая общим высоким развитием и легко получая хорошие отметки, не привыкли систематически работать), либо у тех чья самооценка крайне занижена из-за устойчивой неуспеваемости.

И наконец, трудности учения могут быть вызваны пороками семейного воспитания — ослаблением контроля за учением подростков, более редкими встречами родителей с учителями или, напротив мелочной опекой, сковывающей инициативу и самостоятельность подростка (роль родителей, как уже ясно читателю, должна состоять прежде всего в том, чтобы помочь подростку овладеть способами самостоятельной организации домашних занятий).

Подростку может стать скучно в школе еще и оттого, что стало интереснее в других местах. Ведь в их жизни появляются новые интересы, которые начинают явственно соперничать со школьными, а при известных обстоятельствах — и отвлекать от школы. Это происходит тогда, когда рутинные формы школьной жизни не выдерживают в глазах подростка сравнения с другими сферами его жизнедеятельности. Ведь подросток получает возможность утверждения своей самостоятельности и взрослости вне школы, будь то спорт или коллекционирование, увлечение кино или шахматами; многие ребята занимаются в кружках, на центрах технического творчества.

Узнав много нового в научном кружке (или хотя бы посмотрев увлекательную телепередачу), ученик средней школы может и не удовлетвориться содержанием урока, посвященного уже знакомой ему теме. И другое. Оказавшись на занятиях кружка в роли активного деятеля или даже исследователя, в спортивной секции в роли лидера, школьник не может уже довольствоваться лишь тем, чтобы послушно исполнять указания учителя на уроке. Испытав за порогом школы вкус активности, самостоятельности, прикоснувшись к способам творческой деятельности, подросток еще более остро ощутит нехватку такой деятельности в школе.

А при неразвитости других интересов способом самоутверждения подростка, его «борьбы за самостоятельность» может стать и становится бесцельное времяпрепровождение в компаниях сверстников.

Чрезмерное увлечение внешкольными занятиями приводит и к нехватке времени для выполнения домашних заданий («Не хватает времени учиться», — говорят некоторые подростки).

Исследователи выделяют у подростков разные виды интересов: изменчивые, ситуативные (так называемые аморфные); захватывающие широкий круг учебных предметов (широкие); стержневые. Характер интересов подростков тесно связан с их учением, с тем, что перед ними открывается широкое поле деятельности, возможность приложить свои силы к самым разным делам.

С течением времени происходит становление именно стержневых, избирательных интересов. Косвенным следствием этого является вполне отрицательное отношение старших подростков к некоторым учебным предметам.

Здесь надо сказать, что несформированность познавательных интересов вовсе не принадлежность какого — либо возраста, а результат того, что взрослые не очень-то заботились о развитии этих интересов. Уже у младших

подростков познавательные интересы могут быть прочными и продуктивными; и в то же время у восьмиклассников интересы могут оставаться нестойкими.

Особо важное место в жизни подростка занимают внешкольные учебные интересы, связанные с возможностью приобретать знания самостоятельно. Нередко здесь, как и в других внешкольных интересах, можно увидеть значительно более высокий уровень активности, чем на уроках или в приготовлении обязательных домашних заданий.

Конечно, желательно, чтобы у подростка в конце концов складывались избирательные интересы, которые могли бы, в частности, лечь в основу профессиональной ориентации. С другой стороны, важно поощрять известной степени и широту интересов школьника, которая необходима для пробы сил в разных ситуациях.

Можно было бы считать большой нашей удачей, если бы нам удалось связать внешкольные учебные интересы сына, дочери с их работой в школе, если бы удалось показать им, как могут взаимообогащать друг друга широкие познавательные и стержневые интересы. Те способы самостоятельного приобретения знаний, которые подросток усваивает вне школы, могут и должны быть применены и на занятиях в школе, при подготовке домашних заданий. Вместе с тем хорошо бы поддерживать у ребят ощущение, что учебная работа в школе — это основа и главный резерв самообразования, что именно здесь можно вооружиться навыками самостоятельного получения знаний.

Мало сказать, что подростки не всегда обнаруживают подлинные мотивы своего учения, порой они склонны даже бравировать безразличием к школьным делам, маскируя этим свои весьма сложные переживания. Эти обстоятельства нередко затемняют подлинную картину мотивов учения у подростков.

Будем помнить, что сейчас протекают сложные процессы становления отношений подростка с окружающими, а это существенно сказывается и на его отношении к окружающими акцент перемещается со взрослых на сверстников; именно их оценка приобретает решающее для подростка значение. Заинтересованность в мнении товарищей, в их одобрении можно отметить у детей уже к концу младшего школьного возраста; мнение учителя перестает быть единственной ценностью. Для подростка же порицание учителя, а осуждение сверстников. Так вот, показное безразличие подростка к отметкам бывает вызвано нежеланием выглядеть «маленьким» в глазах одноклассников. Бывает, подросток из тех же соображений скрывает от товарищей то, что он тщательно готовится к урокам.

Конечно, считаться с этим возрастными особенностями подростков приходится. Вместе с тем важно не допустить, чтобы противопоставленность взрослому влиянию закрепилась и превратилась в негативизм, в «нигилизм полужизни», сохраняющийся порой вплоть до юношеского и даже зрелого возраста.

Отношения со сверстниками могут стать и мощным побуждением к учению. Дело в том, что у подростков позна-

вательные интересы тесно связаны с межличностными, дружескими отношениями. От класса к классу растет осведомленность ребят об интересах друг друга. Совпадение интересов у тех, кто дружит, — следствие взаимного влияния. Новые познавательные интересы нередко возникают сначала именно из желания общаться. Ученики — эрудиты, хорошо осведомленные в той или иной области знания, нередко становятся лидерами в неформальных группах внутри класса.

Много нового и в отношениях учеников подростков с учителями. Главное обстоятельство тут — появление нескольких учителей, ведущих разные предметы. И у каждого из них обычно свои требования. Хорошо, если эти требования лишь дополняют одно другое; хуже, если они в какой-то мере противоречивы или даже носят взаимоисключающий характер. Так, один учитель склонен высоко оценивать самостоятельные суждения ребят, полагается на их ответственность в выполнении практических заданий; другой же уделяет много времени разного рода тренировочным упражнениям, контролирует работу учеников во всех деталях, не особенно поощряет атмосферу дискуссии на уроке, столкновение точек зрения и т.п.

Подросток очень дорожит общением со взрослыми. Внимательный наблюдатель отметит некую двойственность поведения подростка в этом общении: внутренне признавая авторитет взрослых и учитывая их мнение, подросток внешне сопротивляется им, отстаивает свою независимость. Такая бравада не должна вводить нас в заблуждение. При всей внешней независимости подросток жаждет общения, очень любит, когда его самого оценивают в этой работе по взрослым меркам. Для подростка чрезвычайно важно, чтобы это была настоящая работа, а не формальное мероприятие, проведенное для «галочки».

Желанием познать другого человека объясняется и возникающая в отрочестве тенденция оценивать учителей — как те объясняют новое, какова их манера общения, как они ставят отметки. А раз учителей теперь несколько, можно их сравнивать; в ходе этого сравнения складываются средства и критерии оценки другого человека вообще.

Наибольшее уважение у ребят вызывает высокий профессионализм учителя — если тот хорошо знает предмет, требователен к себе, то подросток готов принять такую же требовательность учителя и к ним. От класса к классу все большее значение приобретают и нравственный авторитет учителя, его человеческие, гражданские качества.

От младшего к старшему подростковому возрасту возрастают потребность и умение школьника оценивать себя не только через требования окружающих, но и с точки зрения собственных требований к себе. Соответствие между уровнем притязаний и самооценкой становится условием эмоционального благополучия подростка. Возраст отрочества благоприятен для осознания школьником качеств своей учебной работы, сопоставления их с разнообразными качествами товарищей.

Характерно появление так называемых перспективных линий. Подросток хочет знать, для чего надо выполнять то или иное надо, чтобы за школьными буднями открывались горизонты предстоящей деятельности; они хотели бы увидеть себя в будущем и приготовить себя к этому будущему. Но вот как?

Несмотря на бурный рост самосознания, оно продолжает оставаться ограниченным, касается главным образом отдельных качеств личности. Без помощи взрослого подростку трудно оценить себя в целом, в соотношении

разных сторон своего развития. Оттого — то ощущение взрослости опережает у подростка наступление подлинной зрелости. Отдельные стороны развития принимаются за зрелость всей личности. Так, раннее физическое созревание и интенсивное умственное развитие создают иллюзию и социальной, духовной зрелости.

Разрушать ощущение взрослости нельзя и не следует. Напротив, надо подкреплять его, поддерживая и направив развитие реальных качеств взрослости, опираясь на все преимущества, все достоинства подросткового возраста.

Литература:

1. Крутецкий, В. А. Психология обучения и воспитания школьника. — М.: Просвещение, 1976.
2. Ковалев, А. Г. Психология личности. — М.: Просвещение, 1970.
3. Усова, А. В. Вологодская З. А. Самостоятельная работа учащихся по физике в средней школе. — М.: Просвещение, 1981.
4. Хрипкова, А. Г. Подросток. — М.: Педагогика, 1989.

ФИЛОСОФИЯ

Вопросы духовности и просвещения в философской мысли средневековой Центральной Азии

Байэшанов Абдулла Мустафаевич, преподаватель
Гулистанский государственный университет, Узбекистан

Центральная Азия издревле является одним из очагов науки, культуры, духовности и просвещения, взрастившим тысячи всемирно прославленных великих деятелей. Наши великие предки непосредственно участвовали в создании общечеловеческой цивилизации, внесли огромный вклад в развитие духовности и просветительства региона. Культурное наследие Центральной Азии считается неделимой частью мировой культуры и просвещения.

В настоящее время в Узбекистане уделяется большое внимание изучению наследия великих просветителей и ученых прошлого, ибо, как подчеркивал И. А. Каримов, «Бесценное наследие ученых прошлого сформировало духовное сознание и образ жизни ряда поколений и до сих пор оказывает влияние на его развитие» [1].

С легкой руки Адама Меца период IX–XV веков в истории Ближнего и Среднего Востока называют Мусульманским Ренессансом или Возрождением. Для этого периода характерен расцвет духовности и просветительства. В эту эпоху на Востоке жили и творили ученые-энциклопедисты, поэты и государственные деятели. Развитие светских наук повлияло на переводческую деятельность. Этот процесс особенно ускорился в годы правления Мамуна (813–833 гг.), когда в столице Арабского халифата городе Багдаде был учрежден «Дом мудрости» (Байтул-Хикма), своеобразная средневековая Академия наук. Были переведены произведения по греческой философии и медицине, индийскому счету, алхимии и астрономии. Такие центральноазиатские ученые как аль Хорезми, аль Фараби, аль Фергани, Ибн Сина, Бируни и другие внесли большой вклад в развитие многих наук. Философские взгляды представителей эпохи Возрождения на Востоке отличаются верой в безграничные возможности человека, его волю и ум.

Восточный Ренессанс имеет свои особенности: 1) развитие культуры, светских наук и исламского богословия; 2) опора на достижения греческой, римской, персидской, индийской и других культур; 3) развитие астрономии, математики, минералогии, географии, химии и других есте-

ственных наук; 4) приоритет рационализма и логики в методологии; 5) пропаганда дружбы между людьми и высокой нравственности; 6) развитие философской науки; 7) развитие литературы, поэзии, риторики; 8) энциклопедический характер знаний.

В этот период Центральная Азия, Иран, Ирак и Сирия превратились в очаги науки и культуры. В Хорезме, Бухаре, Герате были образованы крупные научные центры. Слава Хорезми, Фараби, Ибн Сины, Фергани, Бируни, Бухари, Термизи и других ученых и богословов Центральной Азии простерлась далеко за пределы региона.

Ахмед аль Фергани и Мухаммад Муса аль Хорезми являются родоначальниками развития естественнонаучной мысли в Центральной Азии. Аль Фергани является автором ряда научных работ по астрономии. Его книга «Основы астрономии» в XII веке была переведена на латинский язык и служила пособием по астрономии в Европе в течение многих веков. В Европе он был знаменит под именем аль Фраганус.

Мухаммад Муса аль Хорезми известен многими работами по астрономии, геодезии, географии, геометрии. Он знал арабский, индийский, латинский, греческий, персидский языки. Его знаменитое произведение «Китаб аль жабр ва ал мукобала» положило начало алгебре. Кроме того, широко известны его произведения по астрономии, тригонометрии, музыке, истории. Название алгебры произошло от названия его произведения «ал-жабр», а слово «алгоритм» от его имени «Аль Хорезми» (по латыни Алгоритмус).

Развитие восточной философской, социально-нравственной мысли сложно представить без Абу Насра аль Фараби. Великий ученый был известен под именами «Аристотель Востока», «Второй учитель» (Первым учителем считали Аристотеля). Фараби — ученый-энциклопедист. Им написано 160 произведений, которые можно разделить на две группы: 1) произведения, посвященные переводу, обзору, пропаганде и изучению научного наследия древнегреческих ученых — Аристотеля, Пла-

тона, Евклида, Галена и других; 2) произведения по естественным, социально-философским наукам. По мнению Фараби достижение победы человеком и обществом, воцарение доброты, достижение нравственного и умственного совершенства находятся в руках самого человека. Он делит города на образованные и невежественные. В образованных городах на первом месте должны стоять наука, философия, нравственность, просвещение. Только тогда общество достигнет совершенства. Градоначальник такого города должен любить знания, правду, ненавидеть обман и обманщиков, любить справедливость и бороться за нее. Достичь человеку совершенства мешают лень, безделье, плохие привычки, несознательность, невежественность. Фараби считает высшей целью жизни достижение счастья, а счастья можно достичь изучением мира, усвоением наук и профессий.

Великий хорезмский ученый-энциклопедист Абу Рейхан Бируни также занимает достойное место в истории, естествознании, географии, философии и других науках. Им написано более 150 произведений, самые известные из которых «Памятники минувших поколений», «Индия», «Минералогия» и другие. Хотя Бируни не написал отдельного произведения по философии, но многие его произведения проникнуты философскими мыслями. Бируни ценит дружбу между народами, научное сотрудничество. По его мнению, в мире существуют различные состояния: похвальное — хорошее и очерняющее — плохое. Основу похвального состояния составляют опрятность и чистота (душой и телом).

Бируни большое внимание придавал распространению знаний и был покровителем наук. Он боролся за мир, спокойствие и дружбу между народами.

Широко известный на Востоке и в Европе ученый-энциклопедист Абу Али Ибн Сина (Авиценна) оставил после себя воистину драгоценное наследие. Им написано более 450 произведений, самое главное из которых — «Канон врачебной науки», являющееся в течение многих веков основным пособием по медицине. Ибн Сина также написал произведения по математике, физике, астрономии, химии, биологии, психологии, фармакологии, филологии, философии. Среди дошедших до нашего времени произведений «Китоб аш Шифо», «Китоб ул инсоф», «Донишнома», «Лисонут тайр», «Соломон и Ибсол» и другие. В своих философских произведениях он призывает бороться против беззакония и произвола правителей, за справедливость. По его мнению, хорошее — в мудрости, а мудрость достигается через знание. Знание и просвещение — неразделимые стороны человеческой жизни. В произведении «Соломон и Ибсол» Ибн Сина воспевает честность, преданность, чистую любовь, победу воли над коварством. Человек — самое великое существо среди всех существ в мире, пишет он.

Еще один просветитель, внесший вклад в развитие духовности и просвещения эпохи мусульманского Ренессанса, видный поэт XI века Юсуф Хос Хожиб. Он известен единственным произведением «Кутаду билиг»

(«Знание, ведущее к счастью»). Это произведение написано в 1069 году. Герои поэмы — правитель Кунтугди — символ справедливости, визирь Ойтулди — символ счастья, сын визиря Огдулмиш — символ ума. Юсуф Хос Хожиб выдвигает идею, что человек только в обществе, в общении с другими людьми, в полезном труде достигнет совершенства. Человек, не приносящий пользы другим людям, — мертвый. Трудящиеся — земледельцы, скотоводы, ремесленники — играют решающую роль в обществе. Поэтому правитель должен быть справедливым, не творить беззакония и произвола. По его мнению, только человечность останется в мире навечно, поэтому человек, желающий, чтобы его имя вспоминали хорошо, должен делать только хорошее. «Хорошая нравственность — основа всего хорошего», пишет он.

Юсуф Хос Хожиб считает науку и просвещение — силой, ведущий общество к прогрессу и расцвету. Он пишет, что человек — как темный дом, а знание — это факел, освещающий этот темный дом. Поэт призывает людей сначала подумать, а потом говорить. «Будь внимателен к своим словам, чтоб не упала твоя голова, будь осторожен со своим языком, чтоб не сломались твои зубы. Содержательная речь — признак мудрости, бессмысленная речь — признак болтливости. Поэтому человек должен больше слушать, меньше говорить», — советует он.

Он придавал большое значение тому, чтобы внешний вид человека соответствовал его внутреннему духовному облику, и считал, что обманщики, лицемеры наносят вред обществу и от них следует держаться подальше. Таким образом, ученый XI века Юсуф Хос Хожиб в своем произведении «Кутаду билиг» выдвинул идеи просвещения и высокой нравственности.

Другой просветитель Ахмад Югнаки в своих произведениях затронул вопросы нравственного воспитания. В поэме «Хибатул-хакойик» он рассуждает о бренности и непостоянстве мира: мир как караван-сарай, в котором караван останавливается на очень краткое время. Поэтому в этом мире бесполезно стремиться к наслаждениям и спокойствию, не следует испытывать муки и страдания из-за них, потому что богатство, которое ты видишь сегодня, завтра может исчезнуть, вещи, которые ты считаешь своими, завтра достанутся другим. Поэтому нужно жить только для того, чтобы сеять семена доброты, писал Югнаки. Он считал знающих и просвещенных людей достигшим совершенства и подчеркивал, что только знающий человек может достичь совершенства: «Ученый человек — драгоценный динар. Неуч и невежда — дешевые и фальшивые деньги». По мнению Югнаки, только став ученым, человек может подняться до степени величия и оставит после себя хорошее имя. Знание для человека — это неиссякаемое достояние. Также Югнаки пишет, что основная вещь в нравственности и воспитанности — язык. Язык является причиной счастья и несчастья. Он советует людям искать себе друзей среди хороших людей. Только делая хорошие дела, можно достичь

хороших результатов, так как «посадив колючку, нельзя получить урожай винограда».

Таким образом, в течение IX–XII веков в Центральной Азии были развиты наука, просвещение и духовность. Ду-

ховно-просветительские взгляды ученых того времени являются неразделимой частью богатого духовного наследия, отражающего проблему воспитания всесторонне развитого человека.

Литература:

1. Karimov, I. A. O'zbekistonning o'z istiqloq va taraqqiyot yo'li. — T.: O'zbekiston, 1992.
2. O'zbekistonda ijtimoiy-falsafiy fikrlar tarixidan. — T.: O'zbekiston, 1995.
3. Jumaboyev, Y. O'zbekistonda falsafa va axloqiy fikrlar taraqqiyoti tarixidan. — T.: O'qituvchi, 1995.

О природе идеального

Идиятуллина Вилена Дамировна, кандидат биологических наук, старший преподаватель
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Идеальность — одно из самых загадочных и трудно поддающихся научному исследованию явлений психики. Профессор Д. В. Пивоваров пишет, что идеальные образы обладают следующими свойствами: 1) непротяженностью и невещественностью; 2) содержательным сходством с сопряженным с ним предметом; 3) способностью становится единицей субъективного мира человека и информировать его об объективных сущностях и связях [1, с. 246]. Наличие таких свойств делает идеальные феномены недоступными для исследования традиционными средствами науки. Если вскрыть черепную коробку человека, то там можно увидеть мозг, но не образы и мысли, которые этим мозгом продуцируются. Вместе с тем эти образы и мысли существуют! Что же такое идеальное?

В отечественной философской литературе представлены, главным образом, четыре концепции идеального. Рассмотрим их подробнее.

1. Д. И. Дубровский считает, что идеальное есть свойство *только* индивидуального сознания. Он отождествляет идеальное с субъективной реальностью, которую рассматривает в качестве *чистой информации* безотносительно к ее носителю (мозгу, компьютеру и т. д.). «Идеальное — это актуализированная для личности информация, это способность личности иметь информацию в чистом виде и оперировать ею <...>. Идеальное есть глубоко личное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом определенного типа», — пишет он [2, с. 187, 189]. Согласно этой точке зрения, при восприятии внешнего объекта в мозгу человека образуется определенный нейродинамический код, который на уровне сознания воспринимается как образ этого предмета. Идеальный образ есть субъективное переживание информации об объекте-оригинале. Комментируя эту точку зрения, Д. В. Пивоваров метко замечает, что согласно ей, идеальный образ «принципиально субъективен по форме своего бытия, не может быть «перемещен» из

головного мозга во внешнюю деятельность рук и ног и т. д. и от рождения до самой смерти заключен во внутреннюю тюрьму мозга» [1, с. 250]. Но кто наблюдает этот образ? Рассматривая эту проблему, американский ученый Р. Л. Грегори замечает, что вера в существование в мозгу электрических копий-картин внешних предметов «может привести к мысли, что предполагаемые картины в свою очередь рассматриваются неким внутренним взором. Таким образом, создается бесконечная цепь картин и рассматривающих их взоров» [3, с. 83]. Замечание Грегори касается и представления идеального образа в виде появляющейся в мозгу голограммы, отражающей объективно существующий предмет (К. Прибрам).

2. Концепции Д. И. Дубровского противостоит теория идеального, разработанная в трудах Э. В. Ильенкова. Он считал, что идеальное существует в объективной реальности. При этом автор опирается на платоновскую традицию истолкования идей как вида объективной реальности. «С Платона поэтому и начинается традиция рассмотрения мира идей (отсюда, собственно, и понятие «идеального мира») как некоторого устойчивого и внутри себя организованного мира законов, правил и схем, в согласии с которыми осуществляется психическая деятельность отдельного лица, «индивидуальной души», как некоторой особой, надприродной и сверхприродной «объективной реальности», противостоящей каждому отдельному лицу и властно диктующей этому последнему способ его поведения в частных ситуациях», — поясняет Э. В. Ильенков [4, с. 247–248]. Идеальное, согласно автору, находится в одном и том же пространстве, что и материальное. Но в отличие от Платона, Э. В. Ильенков помещает идеальное только в социальный мир, в котором существуют формы (схемы) человеческой деятельности. Мир этих форм — это и есть мир идеального. «Идеальное — это схема реальной, предметной деятельности человека, согласующаяся с формой вне головы, вне мозга. Да, это именно только схема, а не сама деятельность в ее

плоти и крови. Однако именно потому и только потому, что она схема (образ) реальной целесообразной деятельности человека с вещами внешнего мира, она и может быть представлена и рассмотрена как особый, абсолютно независимый от устройства мозга и его специфических состояний объект», — пишет автор [5, с. 131]. Действительно такая схема (форма) существует объективно, и это объективная реальность особого рода — она жестко не связана с материальными объектами. Например, существует схема проведения судебного заседания. Она может быть реализована с помощью совершенно непохожих друг на друга судей, залов судебных заседаний, подсудимых, свидетелей и т.д. Но схема остается той же самой. Она обладает свойством объективного существования, но в то же время не поддается обычному наблюдению в виде определенного материального предмета. Идеальные феномены сознания есть перенесенные в психику схемы материальной деятельности человека. Идеальное — это родовое качество человеческой практики, и в этом смысле оно первично по отношению к индивидуальному сознанию. Эта идея хорошо освещена в работах В.И. Жуковского, Д.В. Пивоварова и Р.Ю. Рахматуллина [6, с. 83–88; 7; 8].

3. Еще дальше по пути объективации идеального пошел автор третьей концепции — М.А. Лифшиц. Размышляя по поводу позиции Э.В. Ильенкова, он сталкивается с проблемой генезиса самих схем (форм, структур) деятельности. Так ли уж независима схема действия с объектом от самого объекта? Может быть, именно особенности объекта определяют особенности действия с ним? «Если идеальное есть форма человеческой деятельности, то она существует также и в природе, а не вне природы. И откуда бы человеческий труд мог извлечь нечто идеальное, если бы он не был полезной общественному человеку стилизацией процессов природы?» — спрашивает М.А. Лифшиц [9, с. 123]. Он полагает, что в самой природе существуют эталоны, образцы, наиболее совершенные представители того или иного класса предметов, а также тенденции, которые не «отлились» еще в завершенную форму. Идеальное здесь понимается как идеал, предел за-

вершенности и совершенства, не зависящий от сознания человека. «Эти пределы реальны, принадлежат объективной реальности, и наше сознание или воля не могут их сдвинуть с места по произволу <...>. Сказать, что в природе есть идеальное в виде «естественных пределов» или сказать, что в ней каждая вещь имеет собственную «форму» и «меру», по-моему, одно и то же» [9, с. 123, 128]. Поэтому, продолжает автор, «идеальное существует не только в голове человека, не только в общественной деятельности, не только в предметных воплощениях общественного сознания, но и в природе, и в социальных процессах, в жизни личности» [9, с. 145]. Таким образом, идеальное — это объективно или субъективно существующий эталон, отражающий сущность определенного класса предметов.

4. Д.В. Пивоваров развивает синтетическую концепцию идеального, в которой пытается объединить приведенные выше точки зрения. Он указывает на существование общего во всех трех концепциях: все они объясняют идеальное как способность *представлять* реальную действительность, выступать в качестве её *репрезентанта*. «Мышление человека отражает общие свойства действительности через посредников — заместителей предметов и орудий труда — через знаки языка. Знаковый момент свойственен и чувственным образам — ощущениям человека. Схема практического действия также репрезентирует в особом материале объект для субъекта. Эталонный образец природы репрезентирует субъекту свойство целого класса вещей и процессов <...>. Везде в этих случаях мы обнаруживаем отражение субъектом объекта с помощью репрезентантов объекта», — пишет Д.В. Пивоваров [10, с. 14–15].

Однако во всех приведенных концепциях существует проблема: что лежит в основании структуры практики или материального объекта-образца? Р.Ю. Рахматуллин предлагает для решения этой проблемы опираться на платоновскую традицию, полагая, что существуют первичные «порождающие структуры», подобные юнговским архетипам, имеющие надматериальную и надпсихическую природу [11; 12; 13; 14].

Литература:

1. Пивоваров, Д.В. Идеальное // Современный философский словарь. М., 2004.
2. Дубровский, Д.И. Психические явления и мозг. М., 1971.
3. Грегори, Р.Л. Глаз и мозг. М., 1970.
4. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М., 1991.
5. Ильенков, Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6.
6. Жуковский, В.И., Пивоваров, Д.В., Рахматуллин, Р.Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.
7. Рахматуллин, Р.Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции: дис... д-ра филос. н. Уфа, 2000.
8. Рахматуллин, Р.Ю. Об онтологических основаниях логического мышления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (47).
9. Лифшиц, М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10.
10. Пивоваров, Д.В. Проблема носителя идеального образа. Свердловск, 1986.

11. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4.
12. Рахматуллин, Р. Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1.
13. Рахматуллин, Р. Ю. О метафизических основаниях внеисторического в праве // Молодой ученый. 2013. № 11.
14. Рахматуллин, Р. Ю. Модель человека в суфизме // Вестник ВЭГУ. 2014. № 3 (71).

Образ как средство обобщения научного знания

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Многие согласны с тем, что в науке сейчас преобладают интегративные процессы, что связано с ускоряющимся ростом научной информации: информации стало так много, что возникла необходимость в её систематизации и обобщении. Обобщение — один из способов развития знания, когда путем перехода от частного к общему, частей к целому, происходит его качественное изменение. Признавая незаменимую роль в систематизации и синтезе знания концептуальных средств, мы хотели бы обратить внимание на пока еще малоисследованные обобщающие возможности образных представлений. Одной из причин игнорирования синтезирующей способности наглядно-образных средств является неоднозначное понимание природы обобщения. В работах, посвященных исследованию обобщения, можно выделить следующие точки зрения:

1. Обобщение — это логическая операция, приносящая только вербальному мышлению. Чувства способны отражать лишь единичное. Эта точка зрения, имеющая много сторонников, впервые очень ярко была представлена Ибн Синой [1, с. 222–223].

2. Обобщение есть свойство психики приматов, прежде всего, человека, не связанное с социализацией. Это мнение в наиболее ясном виде можно встретить в работах по гештальт-психологии [2, с. 348–657].

3. Обобщающими способностями обладает не только разум, но и чувственное отражение. Чувственный образ — результат не только генетического, но и социального опыта, нередко играющий роль эталона при селекции, восприятии и систематизации получаемой человеком информации о внешних объектах. В отечественной психологии такая точка зрения поддерживается А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия, В. П. Зинченко и др.

Разногласия по поводу понимания сущности обобщения связаны, по нашему мнению, с существованием разных форм обобщения знания, обычно обозначаемых одним словом — «обобщение». Мы полагаем, что таких форм, по меньшей мере, три: 1) *логическое обобщение*. Оно определяется как логическая операция перехода от понятия с меньшим объемом к понятию с большим объемом» [3, с. 52]; 2) *обобщение-генерализация*. Оно имеет место тогда, когда конкретный представитель

класса репрезентирует весь класс. Эпистемологические аспекты генерализации были изложены впервые в 1980-е годы Е. Д. Бляхером и Л. М. Вольнской [4]; 3) *синтез*, представляющий собой соединение (мысленное или реальное) различных элементов объекта в единое целое. В отличие от других форм обобщения, при синтезе объединяются в одно целое различные модальности, отражающие систему. Например, логически соединить в одно целое звук, цвет, интенсивность, структуру и т.п. невозможно. Но это можно сделать при помощи образа.

Начиная с 1970-х годов в психологии и философии накоплен значительный материал, доказывающий обобщающие возможности образа. А. Р. Лурия пишет, что глаз человека способен воспринимать около трех миллионов оттенков цвета, но реально люди пользуются лишь двумя-тремя десятками цветов, имена которых зафиксированы вербально. По мнению автора, это объясняется тем, что восприятие обобщает, осуществляет «категориальное кодирование». Огромное количество поступающих в мозг сигналов от внешнего мира требует от психики селективной и систематизирующей деятельности уже на чувственном уровне отражения. По существу, любой сигнал уникален. В естественных условиях он варьирует в интенсивности, длительности и других параметрах. В таких условиях жизненно важным для человека становится способность узнавать общее в отдельном, инвариантное в вариативном. Н. Ю. Вергилес и В. П. Зинченко, обосновывая способность зрительных образов выражать общее, пишут: «Образ должен быть инвариантным относительно многочисленных трансформаций стимула» [5, с. 65].

В отечественной философии также существуют работы, в которых анализируются обобщающие возможности образов. Рассматривая гносеологические аспекты процесса узнавания, А. М. Коршунов замечает, что этот феномен есть реализация психической функции обобщения, реализуемой на уровне чувственного отражения. «Сформировавшаяся у субъекта схема-образец, эталон и есть общественно выработанный представитель класса объектов. Тем самым в узнавании единичный объект, зафиксированный в том или ином чувственном впечатлении, как бы относится к определенному классу. Осуществляется процесс обобщения» [6, с. 61].

Некоторые исследователи, соглашаясь с тезисом об обобщающей способности визуальных образов, считают, что в этом случае речь может идти только о примитивных формах обобщения. Мы так не считаем и поддерживаем Д. Н. Завалишину, которая пишет, что «нет оснований считать абстрактную (словесную и т.д.) обобщенность более качественной или полноценной, чем обобщенность наглядную, если последняя эффективно выполняет свою познавательную и (или) регуляторную функцию» [7, с. 136].

Приведенный выше материал из психологии и гносеологии вполне однозначно указывает на способность чувственных (следовательно, и зрительных) образов отражать общее. Эту же идею выразил еще Д. Юм, который заметил, что существуют такие образы, которые выполняют функцию представителя целого класса, отражаемого в мышлении в виде понятия [8, с. 109–110].

А. М. Коршунов так раскрывает алгоритм движения познания при образных формах обобщения: «Представление преодолевает единичное путем подведения единичного под общие конкретно-чувственные свойства, но тем самым оно вновь восстанавливает единичность. Даже общее в представлении, будучи известным обобщением многих отдельных предметов, всегда выступает в форме единичного. Представление стола вообще объединяет множество конкретных столов, но при этом оно остается представлением стола вообще, как единичное представление» [9, с. 89].

Таким образом, научная деятельность начинается в виде логического процесса, как абстрагирующая деятельность разума, в результате которой рождается идея. Но после этого наступает второй этап: воплощение идеи в форму, максимально удобную для восприятия людьми, которым она адресована. Такое движение познавательного процесса Маркс назвал восхождением от абстрактного к конкретному. Он рассматривает конкретное как результат обобщения: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного» [10, с. 727]. Образы в науке также возникают в результате восхождения знания от его абстрактного уровня к конкретному. Образ является как бы отрицанием отрицания первоначального чувственного впечатления, когда абстрактное (первое отрицание), снявшее старую наглядность, разворачивается затем в новую форму («отрицание отрицания» — второе отрицание), способную примирить в себе чувственное и рациональное, единичное и общее.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному помогает уяснить, почему в определенные периоды развития той или иной науки в ней преобладает концептуализация. Дело в том, что после определения предмета исследования актуальным становится абстрагирующая и идеализирующая деятельность, в процессе которой устанавливаются наиболее важные свойства исследуемого объекта. В это время появляются определения, раскрывающие его содержание, идет процесс их обо-

снования. Именно по этому поводу иногда идут многочисленные дискуссии, устраиваются конференции, высказываются самые различные мнения, дается их оценка. Это и есть период становления концептуального аппарата, появления теории. Появление определенного образа становится возможным лишь тогда, когда многочисленные дефиниции удается привести к определенной однозначности, представлению объекта в едином образе, синтезирующем в себе все богатство определений. Без многочисленных теоретических построений, проделанных Декартом, такой вид визуализации, как прямоугольные координаты, не появился бы. Точно также и Коперник смог создать онтологизированный образ Солнечной системы благодаря большой теоретической работе по объяснению имеющихся астрономических наблюдений. По нашему убеждению, тяготение к концептуальным средствами исследования характерно периоду становления системы понятий теории. Именно этим мы объясняем существующие поныне трудности визуализации квантово-механических явлений. Существующие идеи, теории, гипотезы в области физики элементарных частей и полей пока весьма далеки от той однозначности, на основе которой можно было бы построить стройную картину микромира [11, с. 157–159].

Примерами обобщающих возможностей образов богата история науки. Известно, что модель ДНК была построена на основе открытий, сделанных в первой половине XX века: идеи матричного принципа (Н. К. Кольцов), ряд идей хромосомной теории, появившихся в дискуссии Н. В. Тимофеева-Ресовского с Н. Бором, идея «шифровального кода» Э. Шредингера, результаты экспериментальных исследований клетки и т.п.

Обратим внимание еще на один аспект рассматриваемого вопроса, важный для эпистемологии. Образ позволяет в небольшом пространственном поле разместить довольно большое количество научной и другой информации. Исследуя эту проблему, К. Прибрам выдвигает гипотезу о голографической природе образов: «В обычном кубическом сантиметре голограммы хранятся несколько десятков миллиардов бит <...> информации. Если бы мы на протяжении своей жизни каждую секунду запоминали один бит информации, то для выполнения этой задачи мозг должен был бы каждую секунду совершать около $3 \cdot 10^{10}$ элементарных двоичных операций. Если бы так обстояло дело, то это (прежде всего) было бы невозможно. Однако, столкнувшись с этим парадоксом, постепенно начинаешь понимать, что оптическое хранение информации и ее обработка могут представить в наше распоряжение способ осуществить эту «невозможную» операцию» [12, с. 172]. В 1970-х годах появились попытки создания нового — более емкого — способа размещения и передачи информации, с целью создания более совершенных компьютерных программ. Речь идет о фреймовой организации информации, выдвинутой в 1974 году М. Минским для моделирования внелогического способа отражения мира. Автор начал с того, что стал рассматривать челове-

ческое сознание в виде совокупности фреймов, представляющих собой, модели стереотипных, постоянно встречающихся в жизни ситуаций: «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более ши-

рокого класса явлений или процессов» [13, с. 7]. Фрейм стула, например, представляет собой визуализированный образ некоего объекта, имеющего сиденье, спину и четыре ножки. Фреймы, семантически близкие друг к другу, образуют семейство. Минский полагает, что сознание человека мозаично и представляет собой совокупность таких фреймов, обладающих более мощными «разрешающими» способностями, чем логическое мышление.

Литература:

1. Ибн Сина. Избранные философские произведения. М., 1980.
2. Коффка, К. Основы психического развития // Основные направления психологии в классических трудах. М., 1998.
3. Рахматуллин, Р.Ю., Исаев А. А., Линкевич А. Е. Логика: учебное пособие. Уфа, 2010.
4. Бляхер, Е.Д., Вольнская Л. М. Генерализация как общенаучная операция // Философские науки. 1982. № 1.
5. Вергилес, Н.Ю., Зинченко В. П. Проблема адекватности образа // Вопросы философии. 1967. № 4.
6. Коршунов, А. М. Диалектика чувственного отражения // Философские науки. 1979. № 1.
7. Завалишина, Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. М., 1985.
8. Юм, Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1965.
9. Коршунов, А. М. Элементы обобщенности образа в чувственном познании // Философские науки. 1962. № 2.
10. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12.
11. Жуковский, В.И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.
12. Прибрам, К. Языки мозга. М., 1975.
13. Минский, М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Философские проблемы функционирования поселений и их креативных пространств в условиях урбанизированного социума в XXI веке

Суховская Дарья Николаевна, аспирант
 Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

Проблема изучения современного поселения как кластера, наполненного креативными пространствами для развития и реализации творческого потенциала человека, на наш взгляд не представляется возможной без выявления и описания основных тенденций процесса урбанизации, непосредственно влияющих на процессы развития творческого потенциала личности и его трансформации в изменяющемся пространстве посттрадиционности.

Урбанизационные процессы в современном мире представлены ростом агломераций городов — функционально и пространственно взаимосвязанных групп поселений (городского типа), образующих единую систему социально-экономических и экологических связей. Агломерации поселений, сформированные на территории одного региона или страны характеризуются функциональными связями, возникающими в результате существующих между территориями производственных отношений и выражающихся в формах контурбации и мегаполиса [1, с. 45].

Контурбация представляет собой группу близко расположенных и экономически взаимосвязанных городов (например, Большой Лондон [2], Большая Москва [3] и т.д.). Одной из крупнейших категорий урбанизированных поселений является мегаполис — крупнейшая городская агломерация, состоящая из комплекса поселений и характеризующаяся высокой численностью населения на территории (свыше нескольких миллионов человек) [4, с. 38].

В соответствии с исследованиями, проведенными департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН в 2014 году и посвященным перспективам урбанизационных процессов в мире (World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology), современные тенденции урбанизации возможно разделить на две группы: тенденции глобального масштаба (характерны для текущего этапа и масштаба формирования городских систем) и национальные тенденции (отражают специфику формирования пространств поселений в России) [5].

Рассмотрев и проанализировав тенденции, описанные в отчете ООН невозможно выделить единый тренд развития глобальных процессов урбанизации в мире, наоборот, можно констатировать, что поселения испытывают на себе влияние нескольких тенденций, приводящих к возникновению аксиологического диссонанса личности. Рассмотрим некоторые из актуальных социально-философских проблем урбанизированного социума:

1. В глобализирующемся или глобализированном поселении ценностные ориентации смещаются в сторону человеческого капитала и конкурентной борьбы за него. Для привлечения человеческого капитала, без которого функционирование любого поселения невозможно, поселениям с менее привлекательными климатическими, социальными, экономическими и иными условиями, приходится компенсировать существующие недостатки иными возможными преимуществами, например в сфере обеспечения высокого уровня безопасности (города: Люксембург (Люксембург), Берн (Швейцария), Хельсинки (Финляндия), Цюрих (Швейцария) [6] соблюдения благоприятной экологической обстановки (Калгари (Канада), Гонолулу (США), Оттава (Канада), Веллингтон (Новая Зеландия) [7], создания продуманной социальной инфраструктуры (Мельбурн (Австралия), Вена (Австрия), Ванкувер (Канада), Сидней (Австралия) [8].

2. В соответствии с трендами урбанизационных изменений в современных поселениях возрастает мобильность населения, бизнесов различных направлений, а также производств, что впоследствии формирует негативные диспропорции населения [9, с. 43].

3. Урбанизированная социальная среда поселений ориентирована на представителя «креативного класса», творческую личность, испытывающую потребность в самореализации, находящейся в поиске пространств для выражения собственного креативного потенциала.

4. Урбанизированные сообщества людей отличаются высокой сложностью организации и разобщенностью членов. Жизнь представителей таких поселений отличается высокой степенью индивидуализации, децентрализации и самостоятельности [10, с. 651].

5. Важнейшими базовыми элементами в развитии и реализации творческого потенциала личности поселения выступают здравоохранение и образование, приобретающие все большее значение в урбанизированной среде.

6. Урбанизированные поселения отличаются высокой степенью автономии муниципальной власти в вопросах разработки и осуществления финансовой политики и долгосрочных стратегий социально-экономического развития.

7. Переориентация социального устройства урбанизированных поселений обусловлена отказом от производств и ориентацией на развитие сектора услуг и сервиса, а также инфраструктурных составляющих поселения.

8. Для урбанизированных поселений характерно стремление к упорядочению окружающего простран-

ства, стремление к созданию компактной и продуманной инфраструктуры с необходимыми для самореализации личности площадками (креативными пространствами) посредством реконструкции теряющих актуальность территорий поселения.

9. Повышение экологической ответственности населения урбанизированных поселений с целью улучшения условий и качества жизни [11, с. 11].

10. Рост потребности и значения обеспечения безопасности в черте поселения, как одного из ключевых факторов attractiveness социальной среды поселения.

Рассмотрим технологии решения философских проблем урбанизированного поселения посредством внедрения креативного подхода в жизнь социума в эпоху посттрадиционности.

Актуальность рассмотрения проблемы внедрения креативного подхода в социальную жизнь поселения обусловлена тем, что в связи с новыми условиями существования поселений в условиях глобализационных и урбанизационных трансформаций, устаревшим поселениям-гигантам, пытающимся реструктурироваться, опираясь на свое промышленное прошлое трудно соответствовать ускоряющимся темпам развития, а построение новой урбанистической философии в этих условиях требует срочных мер по адаптации.

Решение проблем развития среды урбанизированного поселения является одним из наиболее актуальных направлений социально-экономического развития РФ, Россия по-прежнему входит в группу стран с высоким уровнем урбанизации (73,11%) [12]. В крупных городах проживает почти половина населения нашей страны, поэтому задача формирования в этих городах среды, благоприятной для развития человеческого потенциала, является наиболее значимым инструментом.

Внедрение креативного подхода в социальную жизнь поселения, на наш взгляд возможно двумя основными способами: при помощи креативного управления поселением и путем внедрения креативных пространств в его структуру.

1. Концепция креативного управления поселением. Дискурсы о внедрении креативного подхода в управление поселениями проявились в ходе многочисленных международных конференций, например: Конференции в Глазго (1994), Хельсинки (1996), Хаддерсфилде (2000). Концепция «креативного управления поселением» рассматривается и в российской практике, например: «Концепция креативного города — реальный путь к развитию» г. Вологда 2012 год, «Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения», г. Санкт-Петербург 2012 год, концепция «Воспитание креативной молодежи, формирование социальных лифтов и подготовка кадров для инновационной экономики г. Новосибирска до 2020 года», г. Новосибирск, 2013 год. Концепция «креативного управления поселением» родилась из размышлений о том, что некоторые поселения смогли приспособиться к переменам, а некоторым даже удалось сделать эти перемены источником своего развития. В глобализи-

рующемся мире процветающими становятся поселениями способные использовать экономические и социальные трансформации и инновации, а, в свою очередь города, занимающие пассивную позицию, становятся жертвами глобальных перемен. Креативные технологии управления поселениями нашли отражение в социальной сфере Барселоны, Сиднея, Сиэтла, Ванкувера, Хельсинки, Глазго, Бангалора, Ахмадабада, Куритиба, Роттердама, Дублина, районов Цюриха, Карлсруэ, Страсбурга.

Под концепцией креативности в развитии и управлении поселением или «креативным управлением поселением» понимают метод стратегического планирования города, принимающий во внимание способность людей творчески думать, планировать и действовать.

Новая экономика должна основываться на «обучающемся обществе» и «экономике знаний», а также на убеждении в том, что культурная и символическая индустрия играет в этой трансформации роль, более весомую, чем промышленность. В рамках философской концепции «креативного пространства поселения» поселению, для того, чтобы стать креативным достаточно внедрить какую-либо социальную инновацию. Концепция опирается на такие понятия, как: «матрица инноваций», «холизм», «креативные циклы», предложенные гуру креативного мышления — Эдвардом Де Боно с его «латеральным мышлением».

Ориентация развития городской среды на человеческий потенциал позволяет формировать более адекватные стратегии муниципального развития. Догоняющая модернизация российских городов, которые в своем развитии отстали от своих западных мегаполисов по меньшей мере на 10–15 лет, ведет к тому, что многие из текущих городских процессов, обычно развертывающихся последовательно, в России происходят параллельно и одновременно (например, субурбанизация и джентрификация). Это значительно усложняет муниципальное управление и требует четкого выбора приоритетов и согласования программ развития.

Таким образом, одной из основных тенденций современного процесса урбанизации является рост значения человеческого капитала в развитии крупных городов. Рассмотрение среды урбанизированного поселения как пространства для реализации человеческого потенциала позволяет редуцировать растущую сложность городских процессов, что, с одной стороны делает эти процессы более доступными для муниципального управления, с другой, дает возможность сохранить направленность на развитие человеческого потенциала [13, с. 186].

2. Внедрение в среду поселения «креативных пространств». В течение длительного срока было принято считать, что в основе создания, развития и функционирования поселений лежат только архитектура и землепользование. В XXI веке для функционирования поселения как самостоятельного элемента важны инженерное искусство, геодезия, топография, строительство и проектный менеджмент, в то же время философами и соци-

ологами доказано, что искусство развития городов включает в себя и социальные аспекты взаимодействия людей, их населяющих.

Развитие современного поселения не ограничивается только созданием его физической формы, так в современном поселении должны развиваться следующие факторы (искусства), обуславливающие существование и развитие его креативной среды и возникновение «креативных пространств»:

- понимание человеческих устремлений и потребностей,
- создание богатства и приспособления его к нуждам поселения;
- создание трехмерных пространств;
- стимулирование человеческого потенциала;
- создание общественной поддержки;
- пропаганда и поддержание здорового образа жизни населения;
- высвобождение вдохновения и использование мотивации и воли жителей;
- соединение физических объектов в едином ландшафте поселения;
- включение в ткань среды поселения сельских элементов;
- движение к будущему, основывающееся на опыте прошлого;
- создание праздничной атмосферы, способствующей росту креативного потенциала и т.д.

Главным фактором в концепции развития креативного пространства поселения остается искусство приращения социальной значимости человека и человеческой ценности. Мировоззрение, способности и ценности, воплощенные в этих искусствах, дают возможность превратить физическое пространство в обитаемые человеческие поселения [14, с. 135].

Эдвардом Де Боно определены следующие основные этапы создания креативного пространства поселения:

1. Выявление, анализ и обсуждение креативных ресурсов пространства поселения.
2. Акцентирование и мотивация творческих личностей поселения (группировки выявленных творческих людей по разным сферам развития поселения).
3. Создание, поддержание и развитие креативной сети поселения и установление ее связи с мировым сообществом через интернет-ресурсы.
4. Разработка и запуск общегородских креативных инновационных проектов, обеспечивающих взаимодействие творческих представителей городского сообщества и направленных на развитие условий, поддерживающих и развивающих креативную среду поселения.

Из вышерассмотренных положений можно сделать вывод о философском определении креативности и креативности пространства в социально-философской мысли: большая часть примеров креативности связана с художественной и культурной деятельностью. Если же рассматривать понятие креативности в широком смысле, то, на

наш взгляд, она включает также и такие мероприятия, которые основываются на креативной энергии участников. Например — граффити и пародии на рекламу с политическим или художественным подтекстом.

Следовательно, поселение можно считать креативным при условии, если его население способно разнообразно и по-новому смотреть на стоящие перед ним проблемы. На наш взгляд реализация концепции «креативного пространства поселения» невозможна без участия творческой части его населения — креативного (креативно-модернизационного, творческого) класса.

Для каждого поселения может быть найдена своя форма креативности, которая уникальна. Сама природа города поспособствует развитию креативности, которая обусловлена как имеющимися в нём нишами, так и гибридными идеями, возникающими на этой основе.

Таким образом, концепция «креативного пространства поселения» предлагает новый метод стратегического планирования среды поселения, который дает людям возможность творчески мыслить и действовать. Концепция отвечает на вопрос, каким образом мы можем сделать российские поселения более жизнеспособными в условиях глобализации, управляя человеческим воображением и талантом. Концепция не содержит готового алгоритма действий, но расширяет «банк идей» тех возможностей, из которых могут произрастать инновации.

Креативные или творческие пространства становятся не только важнейшим сектором экономики, но и важным имиджевым механизмом, имеющим символическое значение для государств и регионов. Креативные пространства также являются важным показателем в различных условиях существования разных стран и регионов и определяют потенциал развития страны и общества так как посредством их формируются, развиваются и функционируют:

- формируется творческая среда поселения;
- инвестируются финансовые ресурсы в креативных людей, а также создаются инновации для сферы культуры в целом;
- формируется востребованность творческого (креативного) потенциала через создание новых рабочих мест;
- разрабатывается и продвигается новейший интеллектуальный продукт;

Литература:

1. Glaecer, L. E. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier.* — US, New York. — Penguin Press HC, 2011. P. 45.
2. The Greater London Authority // The Greater London Urban Area official web-site. URL.: <https://www.london.gov.uk/> (дата обращения: 03.10.2014).
3. Большая Москва // Официальный сайт, посвященный проекту «Большая Москва» по расширению границ города Москвы. URL.: <http://moscowbig.ru/index/0-2> (дата обращения: 02.10.2014).
4. Суховская, Д. Н. Креативное пространство как новая форма социальности // Управление мегаполисом. 2013. № 6 (36). с. 37–40.
5. United Nations Department of Economic and Social Affairs // Population Division *World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology Working Paper No. ESA/P/WP.237* [Электронный ресурс] URL.: <http://esa.un.org/unpd/wup/Methodology/WUP2014-Methodology.pdf> (дата обращения: 03.10.2014).

— поддерживается экономическая, культурная и политическая коммуникации — «обратная связь между производством и потреблением, технологией и содержанием, общественным удовлетворением и мобильностью»;

— формируются пути выхода из экономического кризиса, связанного с реструктуризацией и модернизацией экономики страны, региона и города — тем самым наблюдается рост конкурентоспособности страны/региона/города;

— формируются пути выхода из политического кризиса путем формирования новых управленческих кадров, методов и идеи, прихода новой власти;

— создается новый имидж и формируется социальная идентификация, возрождение регионов и пространств;

— решаются социальные задачи — развитие местных сообществ и их интеграция, а также осуществляется диалог местных сообществ.

В качестве вывода можно сказать, что социальная среда в урбанизированном обществе представляет собой креативно детерминируемую среду. Креативность и творчество становятся источниками формирования творческого потенциала личности. Личность-творец и социальная среда находятся в состоянии диалектической взаимозависимости: как социальная среда оказывает влияние на личность, так и личность формирует соответствующую социальную среду. В условиях урбанизированного общества социальная среда посредством креативного потенциала выступает в роли системы обучения членов общества творческим способностям и их приращению.

В эпоху глобализации развитие поселений все больше зависит от человеческого фактора, состояние человеческих ресурсов определяет процессы формирования современной социальной среды. Если еще совсем недавно жизнь поселения определялась производственными или рыночными процессами, то теперь города развиваются человеком и для человека.

Современный рост активности, интенсивности процессов взаимодействия индивидов как между собой, так и со средой продуцирует вовлечение индивидов в различные сферы деятельности, практики, способствуя развитию в людях навыков активной жизнедеятельности и подавляя пассивный, обывательский образ жизни.

6. Высоковский, А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда // Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс] URL.: <http://mosurbanforum.ru/online/> (дата обращения: 04.10.2014).
7. Global Liveability Ranking and Report August 2014 // The Economist Group [Электронный ресурс] URL.: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Liveability2014 (дата обращения: 04.10.2014).
8. Mercer’s 2014 Quality of Living Worldwide survey // Mercer global human resource and financial services consulting [Электронный ресурс] URL.: <http://www.imercer.com/products/2014/quality-of-living.aspx> (дата обращения: 04.12.2014).
9. Quality of Life survey // Monocle. — 2014. — № 75. — Volume 8. — P. 54.
10. Суховская, Д. Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории // Молодой ученый. 2013. № 10 (57). с. 650–653.
11. Еремина, О. С., Демина Н. В. К вопросу о развитии национальной инновационной системы России // Современные научные исследования: актуальные теории и концепции. Выпуск 2 — ART 65008. — URL: <http://e-koncept.ru/teleconf/65008.html> — Гос. рег. Эл. № ФС 77–49965. — ISSN 2304–120X.
12. Рейтинг урбанизации стран мира // Гуманитарные технологии и развитие человека Информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. — URL: http://www.citigroup.com/citi/citiforcities/pdfs/Urbanization_A_Major_Driver_of_Infrastructure_Spending.pdf (дата обращения: 16.01.2015).
13. Суховская, Д. Н. Перспективы развития аграрного туризма в Ставропольском крае // Молодой ученый. 2013. № 2. с. 185–187.
14. Чистова, М. В., Концевич Г. Е. Перспективное территориальное планирование — залог успешного социально-экономического развития курортной территории. Гуманизация образования. 2014. № 3. с. 56–62.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 7 (87) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4